

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Папикян Андраник Паруйрович

**НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА,
ВЛЕКУЩИЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

диссертация на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Костенко Роман Валерьевич

Краснодар – 2026

	Стр.
Введение	3
Глава 1. Нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств: теоретические и компаративистские основы	22
§ 1.1. Сущность и значение нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств	22
§ 1.2. Классификация нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств	53
§ 1.3. Сравнительно-правовой анализ нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств	87
Глава 2. Виды нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств	125
§ 2.1. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с субъектами получения доказательств	125
§ 2.2. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с видами доказательств	145
§ 2.3. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные со способами получения доказательств	166
§ 2.4. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с порядком получения доказательств	193
Заключение	219
Библиографический список использованных источников	224
Приложения	258

Актуальность темы исследования. Институт допустимости доказательств принадлежит к числу фундаментальных и одновременно наиболее проблемных институтов российского уголовного процесса. Его конституционная основа закреплена в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, согласно которой при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Данное предписание задает императивный запрет на использование незаконно полученных доказательств, однако само по себе не отвечает на вопрос о том, какие именно нарушения уголовно-процессуального закона образуют основание для исключения доказательства из процесса доказывания. В действующем УПК РФ этот вопрос решается фрагментарно: ст. 75 УПК РФ содержит общую формулу недопустимости и отдельные специальные случаи, а конкретные требования к получению доказательств рассредоточены по различным институтам уголовно-процессуального регулирования. Поэтому актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью определить понятие, классификационные критерии и правовые последствия тех нарушений, которые влекут исключение недопустимых доказательств.

В теоретическом аспекте актуальность темы определяется тем, что категория «нарушение уголовно-процессуального закона» используется в уголовно-процессуальной науке и законодательстве в разных значениях. Нарушение закона может выступать основанием для признания доказательства недопустимым, отмены или изменения судебного решения, возвращения уголовного дела прокурору, дисциплинарной ответственности должностного лица, компенсации вреда или иных правовых последствий. Следовательно, для исследования института допустимости доказательств недостаточно общего указания на незаконность процессуального действия: необходимо выделить особую подкатегорию нарушений, правовое значение которых состоит именно в лишении доказательства юридической силы и его исключении из доказывания.

Самостоятельную теоретическую проблему образует отсутствие единого классификационного основания таких нарушений. В доктрине используются разные подходы: по характеру нарушенного права, по стадии уголовного процесса, по субъекту, допустившему нарушение, по степени «существенности» дефекта, по виду доказательства или способу его получения. Каждый из этих подходов имеет объяснительное значение, но не всегда позволяет последовательно связать нарушение с тем элементом доказательственной деятельности, в котором оно возникло.

Потребность в таком разграничении усиливается тем, что не всякое отступление от требований уголовно-процессуальной формы одинаково влияет на допустимость доказательства. Одни нарушения устраняют саму законную возможность формирования доказательства, поскольку связаны с ненадлежащим субъектом, непредусмотренным источником или недопустимым способом получения сведений. Другие затрагивают процедуру производства конкретного действия и требуют дополнительной оценки того, могут ли их последствия быть устранены без нарушения прав участников процесса и без искажения доказательственной информации. Поэтому исследование нарушений, влекущих исключение доказательств, предполагает не только их описание, но и формулирование критериев, позволяющих определить юридические последствия каждого вида дефекта.

Законодательный аспект актуальности связан с несовершенством конструкции ст. 75 УПК РФ. Часть 1 данной нормы формулирует процедурное основание недопустимости: доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушением требований УПК РФ. Между тем ч. 2 ст. 75 УПК РФ объединяет неоднородные основания. Пункты 1, 2.1, 2.2, 2.3 и 3 связаны с нарушениями установленного законом порядка получения либо использования доказательственной информации, тогда как пункт 2 касается показаний потерпевшего и свидетеля, основанных на догадке, предположении, слухе либо не позволяющих установить источник осведомленности. В последнем случае дефект локализован не в процедуре допроса, а в содержательной,

гносеологической характеристике показаний. Такое смешение процедурных и содержательных оснований недопустимости затрудняет определение самого предмета исследования и требует нормативного разграничения соответствующих ситуаций.

Кроме того, действующее законодательство не содержит правил, позволяющих различать последствия нарушений в зависимости от того, какой элемент доказательственной деятельности затронут. Норма ч. 1 ст. 75 УПК РФ сформулирована как единое правило, но судебная практика вынуждена дифференцировать последствия разных дефектов через оценочную категорию «существенности» нарушения. Такая категория используется в правоприменении, однако не раскрывает природу дефекта и не дает устойчивого алгоритма для решения вопроса о допустимости доказательства. Это обуславливает необходимость разработки более определенных критериев: структурной локализации нарушения и восполнимости либо невосполнимости его последствий.

Правоприменительный аспект актуальности проявляется в неоднородности судебной практики по вопросам допустимости доказательств. Анализ решений кассационных судов общей юрисдикции, Верховного Суда РФ и материалов обобщения адвокатской практики показывает, что сходные по внешним признакам нарушения нередко получают различную юридическую оценку. В одних случаях суды связывают нарушение с утратой доказательством юридической силы, в других считают его не влияющим на допустимость, ограничиваясь оценкой достоверности или относимости сведений. Такая вариативность объясняется не только особенностями конкретных дел, но и отсутствием нормативно и доктринально закрепленной модели, позволяющей последовательно соотносить тип нарушения с его правовыми последствиями.

Указанные теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы в совокупности предопределяют необходимость комплексного исследования нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств.

Степень разработанности темы исследования. Проблематика допустимости доказательств является одной из традиционно значимых для отечественной уголовно-процессуальной науки, однако отдельные аспекты данного института исследованы неодинаково.

Общая теория доказывания и доказательств, составляющая методологическую основу настоящего исследования, разработана в трудах Е.А. Артамоновой, М.Т. Аширбековой, Е.В. Брянской, К.Б. Калиновского, В.А. Лазаревой, П.А. Lupинской, Н.С. Мановой, М.В. Слифшица, А.В. Смирнова, А.Е. Федюнина, О.В. Фирсова, Ю.В. Францифорова, С.А. Шейфера и других авторов. Вопросы собирания, проверки и оценки доказательств, а также процессуальной формы следственных действий исследовались А.М. Барановым, А.Б. Коноваловой, С.Б. Россинским, В.А. Семенцовым. Данные работы создали теоретическую основу для анализа допустимости доказательств, однако нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение доказательств, обычно рассматривались в них как часть более широкой проблематики доказывания.

Непосредственно институту допустимости доказательств посвящены работы В.С. Балакшина, В.Н. Исаенко, Н.М. Кипнис, Р.В. Костенко, Ф.М. Кудина, Н.В. Лантух, И.А. Левченко, П.А. Lupинской, С.А. Пяшина и других исследователей. В науке разработаны правила допустимости доказательств, критерии оценки допустимости, вопросы абсолютной и относительной недопустимости, проблемы асимметрии правил допустимости для стороны обвинения и стороны защиты. Вместе с тем системная типология именно тех нарушений, которые влекут исключение доказательства из процесса доказывания, нуждается в дополнительной разработке.

Отдельные аспекты нарушений уголовно-процессуального закона и их последствий для допустимости доказательств затрагивались в работах И.С. Гададова, М.Э. Каац, В.И. Крупницкой, С.И. Кувычкова, Е.К. Лебедевой, Н.М. Перетягко, А.А. Петрикиной, Т.Р. Резниченко, А.В. Смирнова, В.В. Терехина, М.В. Трифионовой, А.Е. Федюнина, В.С. Шадрина, О.А. Шевченко. Вопросы

существенного процессуального нарушения исследовались А.И. Григорьевым, М.А. Кунашевым и другими авторами; нарушения на отдельных стадиях уголовного судопроизводства анализировались П.А. Гусеновой, Д.В. Ильиным, А.С. Лотоцким, К.В. Макаровой, В.В. Сотковой; допустимость отдельных видов доказательств рассматривалась А.А. Ендольцевой, А.Р. Карповым, И.В. Литвиновой, А.В. Смолиным, К.А. Титовой.

Значительный вклад в разработку рассматриваемой проблематики внесли диссертационные исследования. Е.А. Маркина исследовала допустимость доказательств как гарантию правосудия и прав личности; Е.А. Брагин, А.В. Горбачев, Ю.А. Кожевникова, Е.В. Ларина и Э.А. Меринов анализировали основания, порядок и правовые последствия признания доказательств недопустимыми; В.В. Терехин рассмотрел допустимость доказательств в методологическом, правовом и этическом аспектах; С.А. Сущенко провела сравнительно-правовое исследование недопустимости доказательств в российском и зарубежном уголовном процессе; А.И. Григорьев изучил существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание отмены или изменения приговора; М.С. Ремизова исследовала формирование допустимых доказательств в условиях состязательного уголовного процесса.

Вместе с тем анализ степени разработанности темы показывает, что в науке отсутствует специальное монографическое исследование, в котором нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, рассматривались бы как самостоятельный объект классификации: с определением их понятия, разграничением от иных процессуальных нарушений, выделением общего классификационного критерия, разработкой типологий субъектных, источниковых, способовых и процедурных дефектов, а также с проверкой полученных выводов на материалах сравнительного права, судебной практики и социологического исследования правоприменителей. Указанный пробел и предопределил выбор темы настоящей диссертации.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке научной концепции нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение

недопустимых доказательств, включающей их понятие, классификационное основание, внутренние типологии и критерии правовых последствий, а также в подготовке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Достижение поставленной цели обусловило необходимость решения следующих **задач**:

- сформулировать понятие нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, и разграничить их с иными процессуальными нарушениями, предусмотренными УПК РФ;

- выявить особенности нормативного регулирования института допустимости доказательств в российском уголовном процессе, включая соотношение процедурных и содержательных оснований недопустимости в ст. 75 УПК РФ;

- систематизировать доктринальные подходы к классификации нарушений уголовно-процессуального закона, оценить их объяснительный потенциал и обосновать структурный критерий классификации по элементам доказательственной деятельности;

- провести сравнительно-правовой анализ регулирования оснований недопустимости доказательств в правовых системах англосаксонской правовой семьи, континентальной системы и государств постсоветского пространства для проверки применимости предложенной классификационной модели и выявления нормативных решений, значимых для российского уголовного процесса;

- исследовать нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с субъектом получения доказательства, определить критерии надлежащего субъекта и разработать типологию субъектных дефектов;

- проанализировать нарушения, связанные с процессуальным видом доказательства, включая использование непроцессуальных источников доказательственной информации и деформацию предусмотренных УПК РФ источников;

- раскрыть содержание нарушений, связанных со способом получения доказательства, включая проблемы непредусмотренных законом способов, запрещенных методов, тактических приемов и научной обоснованности способов получения доказательственной информации;

- исследовать нарушения порядка производства следственных и иных процессуальных действий и обосновать критерий восполнимости либо невосполнимости их последствий для решения вопроса о допустимости доказательства;

- проанализировать судебную практику и результаты социологического исследования правоприменителей для проверки практической значимости предложенной классификации и критериев правовых последствий процессуальных дефектов;

- разработать научно обоснованные предложения по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленные на устранение выявленных противоречий и повышение предсказуемости правоприменения.

Объектом исследования являются уголовно-процессуальные отношения, возникающие при получении, проверке, оценке и исключении доказательств в связи с нарушениями уголовно-процессуального закона.

Предметом исследования выступают нормы Конституции РФ и уголовно-процессуального законодательства РФ, регулирующие допустимость доказательств, требования к субъекту, процессуальному источнику, способу и порядку получения доказательственной информации, основания и процедуру признания доказательств недопустимыми; правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ; нормы уголовно-процессуального законодательства США, Германии, Франции и государств постсоветского пространства; научные подходы к понятию, классификации и правовым последствиям процессуальных нарушений; материалы судебной практики кассационных судов общей юрисдикции; аналитические материалы Федеральной палаты адвокатов РФ; результаты социологического исследования судей, прокуроров, следователей и адвокатов.

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет диалектический подход, позволивший рассмотреть допустимость доказательств как институт, находящийся на пересечении требований процессуальной формы, гарантий прав личности и задач установления обстоятельств уголовного дела. В рамках данного подхода исследовано противоречие между императивным запретом использования доказательств, полученных с нарушением закона, и необходимостью дифференцировать правовые последствия разных по природе процессуальных дефектов.

Для решения поставленных задач использована совокупность общенаучных и частно-научных методов.

Метод анализа и синтеза применялся при разграничении нарушений, влекущих недопустимость доказательств, с иными уголовно-процессуальными нарушениями, а также при формировании общего понятия исследуемой категории на основе выявленных признаков.

Формально-юридический метод использовался при толковании положений Конституции РФ, УПК РФ и иных федеральных законов, регулирующих получение и использование доказательств. С его помощью выявлено смешение процедурных и содержательных оснований недопустимости в ст. 75 УПК РФ и сформулированы предложения по совершенствованию соответствующих норм.

Системно-структурный метод применялся для установления связей между элементами доказательственной деятельности. Он позволил обосновать, что классификация нарушений должна строиться не по оценочному признаку «существенности», а по тому элементу доказательственной деятельности, в котором локализован дефект: субъект, процессуальный источник, способ или порядок получения доказательства.

Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении российского регулирования с правопорядками англосаксонской правовой семьи, континентальной системы и государств постсоветского пространства

(Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Азербайджан, Армения, Грузия, Украина, Беларусь, Молдова). Данный метод применялся не для механического заимствования зарубежных моделей, а для проверки устойчивости выделенных элементов классификации и выявления решений, пригодных для учета в российском законодательстве.

Функциональный метод позволил определить значение нарушений, влекущих исключение недопустимых доказательств, в системе уголовно-процессуального регулирования: как средства защиты прав участников процесса, обеспечения законности доказывания, предупреждения недобросовестных способов получения сведений и фильтрации доказательственного материала.

Метод правового моделирования использовался при подготовке проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и при конструировании нормативной модели разграничения процедурных и содержательных оснований недопустимости доказательств.

Конкретно-социологический метод реализован посредством анкетирования практических работников по вопросам применения правил допустимости доказательств, классификации нарушений и оценки восполнимости процессуальных дефектов.

Статистический метод применялся при количественной обработке результатов анкетирования, сопоставлении ответов различных групп респондентов и оценке практической востребованности предложенных теоретических решений.

Комплексное применение указанных методов обеспечило согласованное исследование нормативного материала, доктринальных подходов, сравнительно-правовых данных, судебной практики и результатов социологического исследования.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные труды в области общей теории доказывания в уголовном

процессе, исследования института допустимости доказательств, работы о процессуальной форме следственных действий, правовых последствиях уголовно-процессуальных нарушений, асимметрии правил допустимости доказательств, допустимости отдельных видов доказательств и сравнительно-правовом регулировании исключения доказательственного материала. В работе использованы научные положения отечественных и зарубежных авторов, указанных в библиографическом списке.

Нормативную основу диссертационного исследования составляют Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Федеральный закон «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», иные федеральные законы, постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ. В целях сравнительно-правового анализа исследовались прецедентное право Верховного Суда США, *Strafprozessordnung*, *Code de procédure pénale*, а также уголовно-процессуальные кодексы Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Азербайджана, Армении, Грузии, Украины, Беларуси и Молдовы.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составляют результаты анкетирования 250 респондентов – практических работников, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере уголовного судопроизводства (58 судей, 72 следователя, 52 прокурора, 68 адвокатов), из 15 субъектов Российской Федерации; решения кассационных судов общей юрисдикции по вопросам допустимости доказательств за 2021-2025 годы; решения Верховного Суда РФ; обзоры судебной практики и аналитические материалы, подготовленные Федеральной палатой адвокатов РФ. Данные анкетирования используются как результаты социологического исследования, а судебные и аналитические материалы – как эмпирическая основа оценки

правоприменительных подходов. В тексте и библиографическом списке диссертации использовано 69 судебных решений, отобранных из более широкого массива правоприменительных материалов по критерию связи с вопросами допустимости доказательств и типологии процессуальных нарушений.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, рассмотрены как самостоятельная категория процессуальных дефектов, требующая собственного понятия, классификационного основания, внутренних типологий и критериев правовых последствий. Новизна исследования выражается в следующих результатах:

- сформулировано понятие нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, и проведено их разграничение с иными процессуальными нарушениями, предусмотренными УПК РФ;

- выявлено структурное противоречие ст. 75 УПК РФ, обусловленное соединением процедурных и содержательных оснований недопустимости доказательств, и предложен способ его законодательного устранения;

- обоснован структурный критерий классификации нарушений по элементам доказательственной деятельности: субъект, процессуальный источник (вид), способ и порядок получения доказательства;

- проведена сравнительно-правовая проверка применимости данной классификационной модели на материале правопорядков англосаксонской, континентальной и постсоветской правовых традиций;

- для каждого элемента классификации определены критерии надлежащего субъекта, надлежащего процессуального источника, надлежащего способа и надлежащего порядка получения доказательства, а также разработаны соответствующие типологии нарушений;

- обоснована концепция восполнимых и невосполнимых процессуальных дефектов как более определенный критерий оценки последствий нарушений

порядка получения доказательств по сравнению с общей категорией «существенности»;

– подготовлен проект федерального закона о внесении изменений в УПК РФ, направленный на нормативное разграничение оснований недопустимости доказательств и повышение предсказуемости правоприменения.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Нарушениями уголовно-процессуального закона, влекущими исключение недопустимых доказательств, следует считать такие отступления от требований УПК РФ, регламентирующих субъект, процессуальный источник, способ или порядок получения доказательственной информации, которые лишают полученное доказательство юридической силы и исключают возможность его использования для доказывания обстоятельств уголовного дела. Данная категория не совпадает со всеми уголовно-процессуальными нарушениями: в УПК РФ нарушение закона может иметь доказательственное, апелляционно-кассационное-надзорное, дисциплинарное, компенсационное, профилактическое и иное значение. Поэтому первым условием корректной оценки допустимости является определение того, относится ли выявленный дефект именно к процессу формирования доказательства и способен ли он повлиять на юридическую силу полученных сведений.

2. Статья 75 УПК РФ нуждается в нормативном уточнении, поскольку в ее действующей редакции процедурные основания недопустимости соединены с содержательным основанием. Часть 1 ст. 75 УПК РФ исходит из того, что недопустимость доказательства обусловлена нарушением требований УПК РФ при его получении. Однако пункт 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ касается показаний потерпевшего и свидетеля, основанных на догадке, предположении, слухе или не позволяющих установить источник осведомленности, то есть описывает дефект содержания показаний, а не нарушение процедуры допроса. Устранение этого противоречия возможно путем исключения указанного положения из ст. 75 УПК РФ и перенесения соответствующих требований к показаниям

потерпевшего и свидетеля в нормы, регламентирующие данные виды доказательств.

3. Основным критерием классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, является элемент доказательственной деятельности, в котором локализован дефект. По этому критерию выделяются четыре группы нарушений: нарушения требований к субъекту получения доказательства; нарушения требований к процессуальному источнику (виду) доказательства; нарушения требований к способу получения доказательства; нарушения порядка производства следственных и иных процессуальных действий. Такая классификация позволяет сначала установить природу дефекта, а затем определить его правовые последствия; она не подменяет дополнительные критерии оценки, но устраняет смешение разных по юридической природе нарушений в общей категории «существенности».

4. Сравнительно-правовой анализ правопорядков США, Германии, Франции и государств постсоветского пространства подтверждает сравнительно-правовую устойчивость выделенных элементов классификации. В разных правовых системах требования к субъекту, источнику, способу и процедуре получения доказательств формализованы неодинаково и влекут различные последствия, однако сама необходимость правовой оценки указанных элементов прослеживается во всех исследованных моделях. Для российского уголовного процесса особое значение имеют зарубежные подходы к научной надежности способов получения доказательств и к разграничению устранимых и неустранимых процессуальных дефектов.

5. Надлежащий субъект получения доказательства определяется совокупностью взаимосвязанных критериев: наличием процессуального статуса, допускающего участие в собирании доказательств; надлежащей процессуальной связью с конкретным уголовным делом, выраженной в полномочии, поручении, процессуальном допуске либо ином предусмотренном УПК РФ основании участия; отсутствием обстоятельств, исключающих участие субъекта в деле;

правомочностью на совершение конкретного следственного или иного процессуального действия. Нарушение каждого из этих критериев образует самостоятельный тип субъектного дефекта. Юридическое значение такого дефекта определяется тем, устраняет ли он законную компетенцию субъекта либо гарантии его процессуальной нейтральности и тем самым лишает полученные сведения надлежащего процессуального происхождения.

6. Надлежащий процессуальный источник (вид) доказательства предполагает, что сведения облечены в одну из форм, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ, соответствуют процессуальному режиму данного источника и позволяют проверить происхождение доказательственной информации. Нарушения требований к процессуальному источнику выражаются в использовании непроцессуальных источников сведений либо в деформации предусмотренного законом источника, когда внешняя форма доказательства не соответствует его правовой природе. Такие нарушения имеют самостоятельное значение для допустимости, поскольку затрагивают не достоверность выводов суда, а законный канал введения сведений в уголовное судопроизводство.

7. Надлежащий способ получения доказательства характеризуется предусмотренностью законом, применимостью к соответствующему процессуальному источнику, отсутствием запрета на используемый метод и соблюдением функциональных пределов избранного процессуального действия. Нарушения, связанные со способом получения доказательства, включают использование непредусмотренных законом способов, применение запрещенных методов, подмену одного процессуального действия другим, а также использование способа, не пригодного для формирования соответствующего вида доказательства. Не всякая тактическая ошибка сама по себе образует основание для признания доказательства недопустимым. Для решения вопроса о допустимости значение имеет не сама неточность в выборе или реализации тактического приема, а ее процессуальное последствие. Основанием для исключения доказательства должен признаваться такой дефект, при котором получение сведений фактически выходит за пределы

предусмотренного УПК РФ способа доказывания либо сопровождается нарушением гарантий, обеспечивающих права участников соответствующего процессуального действия.

8. Нарушения порядка получения доказательств неоднородны по своим правовым последствиям. При их оценке необходимо учитывать, может ли допущенный дефект быть восполнен без ограничения прав участников и без изменения содержания уже полученных сведений. Невосполнимый характер, как правило, имеют нарушения, связанные с отсутствием надлежащих оснований или условий производства действия, неучастием обязательных лиц, лишением участника предусмотренных законом прав, а также отступлением от обязательной последовательности значимых процессуальных операций. В таких случаях последующее оформление не устраняет сомнений в законности действия и достоверности полученной информации. Иной оценки требуют недостатки оформления или фиксации, если они не препятствуют проверке хода и результатов процессуального действия и могут быть устранены дополнительными процессуальными средствами. Такой подход позволяет заменить отвлеченную оценку «существенности» более проверяемым вопросом: сохранилась ли возможность установить законность действия, источник сведений и неизменность доказательственной информации.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что сформулированные в нем положения развивают учение о допустимости доказательств и правовых последствиях уголовно-процессуальных нарушений.

Определение нарушений, влекущих исключение недопустимых доказательств, и их разграничение с иными процессуальными дефектами уточняют границы института допустимости доказательств. Это позволяет избежать отождествления всех нарушений УПК РФ с основаниями недопустимости и одновременно не сводить вопрос к неформализованной оценке «существенности» нарушения.

Выявление противоречия в конструкции ст. 75 УПК РФ углубляет теоретическое представление о соотношении процессуальной формы и

содержания доказательственной информации. В результате обосновывается необходимость раздельного регулирования процедурных дефектов получения доказательства и содержательных дефектов отдельных источников сведений.

Разработанная четырехэлементная классификация нарушений по структуре доказательственной деятельности вносит вклад в систематизацию оснований недопустимости доказательств. Её значение состоит в том, что она позволяет локализовать дефект, определить его связь с конкретным требованием УПК РФ и затем перейти к вопросу о последствиях нарушения.

Сравнительно-правовая проверка предложенной модели дополняет теорию сравнительного уголовного процесса выводом о том, что требования к субъекту, источнику, способу и процедуре получения доказательств по-разному оформляются в национальных правовых порядках, но сохраняют значение для оценки допустимости доказательственной информации.

Выделение требований к надлежащему субъекту, процессуальному источнику, способу и порядку получения доказательственной информации позволяет точнее раскрыть содержание процессуальной формы доказательства. В таком подходе процессуальная форма рассматривается не как единое абстрактное условие допустимости, а как совокупность взаимосвязанных элементов, каждый из которых имеет собственные типичные нарушения и самостоятельное значение для оценки доказательства.

Разграничение восполнимых и невосполнимых дефектов порядка производства следственных и иных процессуальных действий уточняет вопрос о правовых последствиях нарушения процессуальной формы. Оно позволяет отказаться от автоматического признания любого отступления основанием для исключения доказательства и поставить более конкретный вопрос: сохраняется ли возможность проверить законность действия, его ход, результаты и неизменность полученных сведений.

Совокупность полученных результатов может использоваться в дальнейших исследованиях допустимости электронных доказательственных сведений, процессуальных последствий нарушений в отдельных формах

уголовного судопроизводства, а также механизма исключения недопустимых доказательств на различных стадиях уголовного процесса.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования его результатов в законотворческой деятельности, правоприменительной практике и образовательном процессе.

В сфере законотворчества практическое значение имеет разработанный проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Предлагаемые изменения направлены на устранение смешения процедурных и содержательных оснований недопустимости доказательств, уточнение требований к отдельным видам доказательств и повышение предсказуемости применения ст. 75 УПК РФ.

В правоприменительной деятельности предложенная классификация может использоваться судьями, прокурорами, следователями, дознавателями и адвокатами как последовательный алгоритм оценки допустимости доказательства: установить затронутый элемент доказательственной деятельности, определить конкретный критерий надлежащего получения доказательства, квалифицировать тип дефекта и оценить возможность устранения его последствий. Такой алгоритм позволяет проверять допустимость доказательства не интуитивно и не казуистически, а через систему юридически значимых вопросов.

Результаты социологического исследования и обобщения судебной практики могут быть использованы при подготовке обзоров судебной практики, методических рекомендаций для органов предварительного расследования, прокуратуры, адвокатуры и суда, а также при обсуждении единообразных подходов к оценке допустимости доказательств.

В образовательном процессе материалы диссертации могут применяться при преподавании дисциплин «Уголовный процесс», «Доказывание и доказательства в уголовном судопроизводстве», «Проблемы теории доказательств», а также в системе повышения квалификации судей, прокуроров, следователей и адвокатов.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается согласованностью цели, задач, методологии, нормативной и эмпирической базы исследования.

Методологическая обоснованность результатов подтверждается применением методов, соответствующих поставленным задачам: формально-юридического анализа для исследования норм УПК РФ, системно-структурного метода для построения классификации, сравнительно-правового метода для проверки ее применимости в разных правовых порядках, социологического и статистического методов для обработки данных анкетирования.

Нормативная и теоретическая обоснованность выводов обеспечивается опорой на действующие источники российского и зарубежного права, правовые позиции высших судебных органов, а также на труды отечественных и зарубежных исследователей института допустимости доказательств и процессуальных нарушений.

Эмпирическая обоснованность результатов подтверждается использованием судебной практики кассационных судов общей юрисдикции, решений Верховного Суда РФ, аналитических материалов Федеральной палаты адвокатов РФ и результатов анкетирования практических работников из 15 субъектов Российской Федерации. Общая характеристика респондентов и сводные результаты анкетирования представлены в приложениях к диссертации.

Сопоставление нормативного материала, доктринальных подходов, сравнительно-правовых данных, судебной практики и результатов социологического исследования позволяет проверить выводы диссертации с разных исследовательских позиций и снижает риск их зависимости от одного вида источников.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета, докладывались на международных и всероссийских научно-практических конференциях, отражены в 12 опубликованных научных работах,

из которых 8 опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации. Результаты исследования внедрены в практическую деятельность правоприменительных органов и в учебный процесс образовательной организации, что подтверждается соответствующими актами.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения, библиографического списка использованных источников и трех приложений. В приложениях представлены проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», анкета для опроса правоприменителей, а также сводные результаты анкетирования практических работников.

Глава 1. Нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств: теоретические и компаративистские основы

§ 1.1. Сущность и значение нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств

Нормативную основу института допустимости доказательств в уголовном процессе России составляет конституционное предписание, закреплённое в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ. Данная норма вводит категорическое правило: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона»¹. Данное конституционное предписание устанавливает запрет, адресованный как суду, так и иным субъектам уголовного судопроизводства, но не подменяет процессуальных критериев допустимости. Для применения этого запрета необходимо установить, что нарушение закона затронуло получение доказательства и лишило сведения надлежащего процессуального качества. В развитие указанной конституционной гарантии ч. 3 ст. 7 УПК РФ детализирует ее действие в рамках уголовно-процессуальной сферы: «Нарушение норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путём доказательств»². Указанный подход находит своё детальное развитие в статье 75 УПК РФ, которая формулирует как общие положения недопустимости доказательств, так и перечисляет конкретные основания для их исключения. Следовательно, в отечественном уголовно-процессуальном праве институт

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.10.2025). Далее – Конституция РФ.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в действующей редакции). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 14.10.2025). Далее – УПК РФ.

допустимости доказательств неразрывно связан с понятием нарушения процессуального закона, поскольку именно установление факта такого нарушения является правовым основанием для лишения доказательства юридической силы. Тем не менее, несмотря на ключевую роль этой связи и её закрепление на конституционном уровне, доктринальное определение понятия «нарушение уголовно-процессуального закона, которое влечёт признание доказательств недопустимыми» не получило чёткой формулировки в тексте УПК РФ. В то же время, критерии, позволяющие отграничивать данный вид нарушений от иных процессуальных дефектов, продолжают оставаться в центре научных дебатов и вызывать разночтения в правоприменительной деятельности. Подобная доктринальная неясность создаёт предпосылки для субъективной интерпретации норм о допустимости доказательств, что, в свою очередь, снижает уровень гарантий справедливого правосудия по уголовным делам.

При раскрытии сущности нарушений, ведущих к исключению доказательств, прежде всего необходимо определить, о каком именно виде процессуального дефекта идёт речь. В настоящем исследовании анализируются не все нарушения УПК РФ, а только те из них, которые непосредственно связаны с получением доказательственной информации и потому влекут утрату доказательством юридической силы. Такое уточнение имеет принципиальное значение для определения границ научного анализа и понимания специфики изучаемого явления.

При изучении положений действующего УПК РФ выявляется характерная черта: термин «нарушение» применяется законодателем в разнообразных контекстах, каждый из которых влечёт за собой уникальные правовые последствия. В этой связи понятие «нарушение уголовно-процессуального закона» следует рассматривать не как унифицированную категорию, а как многозначную правовую конструкцию, который включает в себя процессуальные дефекты, различающиеся по своей юридической природе. Такое многообразие значений не следует считать результатом законодательной ошибки; оно обусловлено сложностью системы уголовно-процессуальных

правоотношений и необходимостью дифференцированных механизмов правового реагирования на их дефекты.

Первый контекст употребления термина «нарушение» в УПК РФ – *доказательственный*. В этой плоскости нарушение рассматривается как юридический факт, порождающий особое последствие в сфере уголовно-процессуального доказывания – аннулирование юридической силы доказательства и его удаление (неиспользование) из материалов уголовного дела¹.

Второй контекст – *апелляционно-кассационно-надзорный*. В статьях 389.17, 401.15 и 412.9 УПК РФ используется категория «существенные нарушения уголовно-процессуального закона», выступающая в качестве основания для пересмотра судебного акта². К примеру, часть 1 статьи 389.17 УПК РФ устанавливает, что судебное решение подлежит отмене или изменению при наличии таких существенных нарушений, которые, ограничивая права сторон или отступая от установленной процедуры, оказали или могли оказать влияние на итоговую законность и обоснованность решения. Часть 2 указанной статьи содержит список безусловных оснований для отмены, при которых негативное влияние на исход уголовного дела предполагается априори. В данном случае последствием процессуального дефекта является не признание

¹ Именно эта категория нарушений составляет проблематику нашего диссертационного исследования. Рамки нашей диссертации составляет специфическая категория нарушений – только те нарушения уголовно-процессуального закона, которые влекут исключение недопустимых доказательств. Эти нарушения объединяет общий признак: они непосредственно касаются доказательственной деятельности и создают риск использования в правосудии информации, полученной с нарушением процессуальных гарантий её законности. См., также: Крупницкая В.И. Допустимость доказательств и «иные» нарушения уголовно-процессуального закона // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 104-111; Папикян А.П. Нарушения Уголовно-процессуального кодекса, связанные с процессом доказывания // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 290–294.

² В уголовно-процессуальной доктрине можно отметить следующие современные диссертационные исследования, посвящённые этой проблематике. См., например: Перова Е.А. Система оснований отмены и изменения приговоров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Перова Елена Александровна. М., 2021. 342 с.; Григорьев А.И. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание к отмене или изменению приговора суда первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Григорьев Александр Игоревич. Екатеринбург, 2022. 262 с.

конкретного доказательства недопустимым, а пересмотр судебного акта в целом. Такое последствие имеет принципиально другую правовую природу и направлено на защиту иного объекта – законности и обоснованности всего судебного решения.

Представляется принципиально важным разграничивать процессуальные дефекты, служащие основанием для отмены судебного акта, и те, что ведут к признанию доказательств недопустимыми; данные категории, несмотря на возможное пересечение, не являются идентичными. Признание доказательства недопустимым и его исключение из уголовного дела не всегда автоматически влечёт за собой пересмотр приговора, особенно если обвинительный тезис может быть подтвержден совокупностью иных, юридически полноценных доказательств. В свою очередь, отмена или изменение приговора возможны и по причинам, не имеющим отношения к недопустимости доказательств. Примерами могут служить ограничение права на последнее слово подсудимого (согласно п. 7 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ) или отсутствие в уголовном деле протокола судебного заседания (как указано в п. 11 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ). Следовательно, в рамках уголовно-процессуального права необходимо проводить различие между нарушениями, которые служат основанием для отмены судебного решения, и дефектами, которые влекут недопустимость доказательств, так как они являются самостоятельными правовыми институтами с разной функциональной направленностью¹.

¹ См., более подробно об этом: Маркова Т.Ю. Существенное нарушение уголовно-процессуального закона как основание к отмене приговора: общие положения // Перспективные прикладные исследования и инновации: сб. ст. междунар. научн. конф., Кингисепп, 20 мая 2023 года. СПб.: ООО «Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова», 2023. С. 68-70; Маркова Т.Ю. Проблемы применения существенного нарушения закона как основания обжалования приговора // Анализ проблем внедрения результатов инновационных исследований и пути их решения: сб. ст. междунар. научн. конф., Екатеринбург, 22 мая 2023 года. СПб.: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2023. С. 63-65; Шмелева Е.С. Основания отмены (изменения) судебного решения в надзорной инстанции по УПК РФ // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2024. С. 107-112; Ежова Е.В. Существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, как основание отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном или надзорном порядке: уголовно-правовое и уголовно-процессуальное

Третий контекст – *дисциплинарно-обеспечительный*. Статья 117 УПК РФ даёт возможность наложить денежное взыскание, если участники уголовного судопроизводства не исполняют свои процессуальные обязанности или нарушают порядок в зале суда. Порядок применения этой меры детализирован в статье 118 УПК РФ, которая разграничивает процедуру для нарушений, допущенных в ходе судебного заседания, и для тех, что произошли на досудебном производстве. Статья 105 УПК РФ позволяет ужесточить меру пресечения, если подозреваемый или обвиняемый не соблюдает возложенные на него ограничения. В статье 333 УПК РФ содержатся запреты для присяжных, несоблюдение которых ведёт к их отстранению от участия в уголовном процессе. Во всех перечисленных ситуациях законодатель применяет тот же термин «нарушение», однако его правовые последствия кардинально иные. В этих случаях речь не идёт о недопустимости доказательств; последствия носят дисциплинарный характер и служат для поддержания порядка и обеспечения исполнения процессуальных обязанностей. Так, несоблюдение подозреваемым условий домашнего ареста может привести к изменению меры пресечения, но не делает собранные доказательства недопустимыми. Аналогично, если присяжный заседатель нарушит запрет на самостоятельный сбор информации, имеющей отношение к уголовному делу, это повлечёт его замену, а не аннулирование уже исследованных доказательств.

Четвёртый контекст – *правозащитный*. Статья 125 УПК РФ предоставляет участникам уголовного судопроизводства право обжалования действий и решений должностных лиц, нарушающих их права. По итогам рассмотрения такой жалобы суд может признать обжалуемое действие незаконным и обязать устранить нарушение. Кроме того, часть 4 статьи 11 УПК РФ предписывает возмещать вред, который был причинён лицу из-за нарушения его прав. Статья 161 УПК РФ устанавливает запрет на разглашение материалов следствия, если

наполнение терминов // Вестник Уфимского университета науки и технологий. Институт права. 2025. С. 41-47; Холод Д.В., Глебов В.Г. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание для отмены или изменения приговора в суде апелляционной инстанции // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 4, ч. 2. С. 261-266.

это может нарушить права участников. Суд также вправе вынести частное определение при обнаружении фактов нарушения прав граждан, как это предусмотрено статьей 29 УПК РФ. В этом аспекте «нарушение» означает ущемление прав субъекта, что требует их восстановления или компенсации. Правовым последствием здесь выступает прежде всего не автоматическое признание доказательства недопустимым и не отмена судебного акта, а констатация незаконности действия и обязанность его устранить. Это отдельный правозащитный механизм, который необходимо отграничивать от института допустимости доказательств. Например, неправомерное ограничение права обвиняемого на свидание с адвокатом само по себе образует основание для судебного вмешательства и восстановления нарушенного права. Вместе с тем, если такое ограничение непосредственно связано с получением конкретного доказательства, например предшествовало допросу и повлияло на реализацию права на защиту, оно может получить доказательственное значение и поставить вопрос о недопустимости соответствующего доказательства¹.

Пятый контекст – *компенсационный*. В части 3 статьи 6.1 УПК РФ нарушение права на судопроизводство в разумный срок рассматривается как основание для выплаты денежной компенсации. Аналогично, статья 115.1 УПК РФ предусматривает компенсацию за чрезмерно долгое применение ареста имущества. Статья 123 УПК РФ даёт право обжаловать затягивание сроков в досудебном производстве. В этих нормах «нарушение» трактуется как деликт со стороны органов уголовного судопроизводства, который влечёт за собой материальную ответственность государства. Как отмечается в доктрине, последствие такого рода нарушений – не процессуальная санкция внутри производства по уголовному делу, а выход во «внешние» компенсационные механизмы².

¹ См., например: Сангаджиев Б.В. Некоторые аспекты организации деятельности по защите процессуальных прав личности // Евразийская адвокатура. 2021. № 6 (55). С. 90-92.

² См.: Мичурина О.В., Мичурин В.С. Нарушения уголовно-процессуальных норм, их причины и пути преодоления // Российский следователь. 2023. № 9. С. 21-25.

Шестой контекст – *надзорно-ведомственный*. Статья 37 УПК РФ наделяет прокурора правом требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства (пункт 3 части 2), а также отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования при допущении им нарушения требований УПК РФ (пункт 10 части 2). Статья 39 УПК РФ предоставляет аналогичные полномочия руководителю следственного органа в отношении следователей. Статья 38 УПК РФ обязывает следователя при несогласии с требованиями прокурора об устранении нарушений представить письменные возражения руководителю следственного органа. Здесь категория «нарушение» функционирует как основание для надзорной или ведомственной реакции в системе органов уголовного преследования. Последствия – требования об устранении, возможное отстранение должностного лица от предварительного расследования. Это надзорные или внутриведомственные контрольные механизмы, отличные от последствий в виде недопустимости доказательств.

Седьмой контекст – *процедурно-возвратный*. Уголовное дело может быть возвращено прокурору на основании статьи 237 УПК РФ, если итоговые документы предварительного расследования (обвинительное заключение, акт или постановление) составлены с такими дефектами, которые препятствуют вынесению судом приговора. Статья 226.8 УПК РФ предписывает прокурору возвращать дело для дополнительного дознания при выявлении существенных нарушений, ущемляющих права участников. В этом ракурсе нарушения УПК РФ приводят не к исключению доказательств, а к невозможности дальнейшего движения уголовного дела в судебные стадии¹.

¹ См.: Кунашев М.А. Понятие существенного процессуального нарушения при расследовании уголовных дел // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 70-74; Макарова К.В. Нарушения отдельных норм УПК РФ и УК РФ органами предварительного расследования при направлении уголовного дела в суд и возможные пути их преодоления // Современное российское право. 2020. № 8 (17). С. 32-38; Перова Е.А. Непринятие судом мер по возвращению дела в порядке ст. 237 УПК РФ как безусловное основание к отмене приговора // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. Т. 74, № 10. С. 237-244; Шатохина Е.Д. Нарушения норм уголовно-процессуального законодательства и материального права как основание для возвращения уголовного дела следователю руководителем следственного органа для производства дополнительного следствия // Закон и право. 2024. № 4. С. 238-244; Быданцев Н.А., Конин В.В. Возвращение уголовного дела прокурору: анализ

Восьмой контекст – *профилактический*. Частное определение или постановление суда, предусмотренное частью 4 статьи 29 УПК РФ, выносится при выявлении нарушений закона, требующих реагирования со стороны соответствующих организаций и должностных лиц. В рамках данного контекста, термин «нарушения» приобретает профилактическую функциональную направленность. Выявление таких нарушений служит индикатором системных проблем, требующих устранения, и влечёт за собой внешнепроцессуальную реакцию суда, нацеленную на общую превенцию преступлений, а не на коррекцию процессуального статуса конкретного уголовного дела¹.

Таким образом, законодатель в УПК РФ использует единый термин «нарушение» для обозначения принципиально различных по своей юридической природе и последствиям процессуальных дефектов. Эта терминологическая многозначность (полисемия) порождает методологическую задачу чёткого разграничения различных видов нарушений по критерию их правовых последствий.

В этой связи, далеко не всякое, не любое нарушение требований УПК РФ влечёт недопустимость доказательств. Исключение доказательства – это специфическое правовое последствие, применяемое только к определённой категории нарушений – тех, которые затрагивают процедуру получения доказательственной информации. Ещё раз подчеркнём и отметим, что, например, нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства, сколь бы существенным оно ни было, само по себе не делает недопустимыми доказательства по уголовному делу – оно влечёт иные последствия (компенсацию). Нарушение подозреваемым или обвиняемым обязательств по мере пресечения не влечёт недопустимость доказательств – оно может повлечь изменение меры пресечения. Нарушение судом права подсудимого на последнее слово не делает недопустимыми исследованные в суде доказательства – оно

правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 16-25.

¹ См., например: Колоколов Н.А. Нарушения в суде норм УПК - причина частного определения в адрес председателя // Уголовный процесс. 2020. № 7(187). С. 68-77.

влечёт отмену приговора, но по иному основанию. Все эти иные категории «нарушений», хотя они и обозначаются тем же термином в тексте УПК РФ и хотя они могут быть не менее, а порой и более значимыми с точки зрения прав участников или законности производства по уголовному делу в целом, остаются за рамками нарушений, влекущих исключение недопустимых доказательств, не потому, что они менее важны, но потому, что они принадлежат к иным уголовно-процессуальным институтам, влекут иные последствия, подчиняются иной логике правового регулирования.

Указанное методологическое разграничение имеет принципиальное значение для понимания границ института допустимости. Когда законодатель в статьях 7 и 75 УПК РФ упоминает «нарушение требований Кодекса» как основание недопустимости доказательств, он подразумевает не любые дефекты, а лишь те, что непосредственно связаны с процедурой доказывания. Это уточнение помогает избежать концептуальной ошибки смешения института допустимости с общей проблематикой процессуальных нарушений. Изучение нарушений, влекущих недопустимость доказательств, – это анализ специфической подкатегории процессуальных дефектов.

Термин «нарушение» в нашем исследовании используется в его обычном юридическом значении – как отступление от требования, установленного нормой права. В уголовном судопроизводстве такое отступление может выражаться в совершении процессуального действия без предусмотренных законом оснований, с несоблюдением установленной процедуры либо в оформлении процессуального решения, не соответствующего требованиям УПК РФ. Поэтому при оценке нарушения необходимо сопоставлять предписанную законом модель поведения с тем, как соответствующее действие фактически было совершено и оформлено¹.

¹ См.: Ильин Д.В. Уголовно-процессуальные средства преодоления нарушений конституционных прав участников судопроизводства по делам, имеющим общественный резонанс // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6. С. 113-121; Гришин Д.А. Уголовно-правовые последствия нарушения прав личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 3. С. 161-163; Соткова В.В. Нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые на

Важно отличать нарушение уголовно-процессуального закона от близких, но не тождественных понятий. Ошибка может быть связана с неправильным восприятием обстоятельств дела, выбором тактики расследования или оценкой доказательств и не всегда означает отступление от требований УПК РФ. Необоснованность чаще характеризует вывод или процессуальное решение с точки зрения его фактической и доказательственной базы. Незаконность, напротив, является более широким понятием и может охватывать любое несоответствие праву, в том числе выходящее за пределы уголовно-процессуальной формы. Напротив, «нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее исключение недопустимых доказательств,» акцентирует именно *процедурный аспект дефекта* – отступление от формализованного порядка осуществления уголовно-процессуальной деятельности по доказыванию. Специфика такой деятельности заключается в том, что процедура здесь обладает автономной ценностью: «сбой» в уголовно-процессуальной форме способен породить правовые последствия независимо от того, была ли установлена цель доказывания по уголовному делу. Как справедливо отмечает В.В. Терехин, допустимость доказательств представляет собой не просто формальное требование, но фундаментальную гарантию правосудия и прав личности, где процессуальная форма выполняет защитную функцию¹. Поэтому с позиции института допустимости доказательств, нарушение УПК РФ – это юридический факт, который запускает механизм исключения доказательств.

Онтологически, «нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее недопустимость доказательства» является сложным правовым явлением, которое следует рассматривать в нескольких измерениях.

разных стадиях уголовного судопроизводства и при разных производствах по уголовным делам // E-Scio. 2022. № 6 (69). С. 1250-1255; Гусенова П.А., Лотоцкий А.С. Нарушения уголовно-процессуального законодательства и пути их устранения: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. 114 с.

¹ Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Терехин Владимир Вячеславович. Нижний Новгород, 2016. С. 31-32.

Первое измерение – *формально-нормативное*. Здесь нарушение проявляется как несоблюдение императивных предписаний УПК РФ к процедуре получения доказательств. В этой связи заслуживает внимания позиция Е.А. Маркиной, которая связывает допустимость доказательств не только с формальным соблюдением закона, но и с обеспечением правосудного характера доказывания¹. Процессуальные требования к получению доказательств важны именно потому, что они задают пределы допустимого обращения государства к источникам информации и позволяют проверить, каким образом сведения были получены, закреплены и представлены суду. Поэтому такие требования нельзя рассматривать как сугубо технические или произвольные. Они определяют условия, при которых сведения могут приобрести значение судебного доказательства: должны быть соблюдены правила доступа к источнику информации, пределы вмешательства в права участников и установленный законом порядок закрепления результата. В этом смысле обыск в жилище без судебного решения, использование в приговоре показаний свидетеля, не предупрежденного об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, либо представление результатов оперативно-розыскной деятельности с нарушением требований ст. 89 УПК РФ свидетельствуют не просто о недостатке оформления. В подобных ситуациях нарушается предусмотренный законом порядок получения или введения сведений в уголовное судопроизводство. Такой дефект имеет объективное процессуальное значение. Для признания доказательства недопустимым решающим является не субъективное отношение должностного лица к допущенному нарушению, а сам факт отступления от требований закона, если это отступление затрагивает установленную форму получения, проверки или представления доказательственной информации².

¹ См.: Маркина Е.А. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Маркина Елена Александровна. М., 2000. С. 12-13.

² См.: Балакшин В.С., Журавлева Н.М. «Асимметрия» правил оценки допустимости доказательств: дилемма применения в российском уголовном процессе // Вестник Могилевского института МВД. 2021. № 2 (4). С. 45-49.

Статья 75 УПК РФ не содержит оговорок типа «при наличии умысла» или «при грубой неосторожности» – достаточно самого факта нарушения требований уголовно-процессуального закона. Это принципиальная позиция законодателя, отражающая приоритет уголовно-процессуальной формы над целесообразностью. Даже если следователь добросовестно заблуждался относительно необходимости получения судебного решения на производство следственного действия, полученные доказательства подлежат исключению. Эта конструкция находит своё обоснование в специфике понимания уголовно-процессуальных доказательств. Доказательство в уголовном судопроизводстве – это сведения (информация) о фактах, облечённая в установленную законом (УПК РФ) уголовно-процессуальную форму. Единство требований к допустимому доказательству (наличие надлежащего вида, надлежащего субъекта получения, надлежащего способа собирания и надлежащего порядка получения), выделяемое в доктрине¹, отражает именно эту формализованную природу доказывания. Если хотя бы одно из этих требований уголовно-процессуальной формы нарушено, доказательство юридически не существует, даже если содержащиеся в нём сведения соответствуют действительности (достоверны) и имеют отношение к совершённому преступлению (относимы). Правы в этом отношении авторы, которые отмечают, что допустимость есть свойство процессуальное, а не гносеологическое – оно характеризует не степень соответствия информации реальности, а степень соответствия процедуры получения информации требованиям закона².

¹ См.: Кудин Ф.М., Костенко Р.В. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе: уч. пос. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2002. 102 с.; Пяшин С.А. О некоторых правилах оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 119-124; Лантух Н.В. Критерии проверки и оценки допустимости и достоверности доказательств при осуществлении уголовного преследования // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 2. С. 85-96; Балакшин В.С. Проверка и оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе. М.: Издательский дом «Юрлитинформ», 2024. 408 с.

² См.: Терехин В.В. Допустимость доказательств в свете информационно-когнитивного подхода к доказыванию в уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 87-91; Петрикина А.А., Резниченко Т.Р. Современное понимание допустимости доказательств в уголовном процессе // Северо-Кавказский юридический

Второе измерение – *структурно-элементное*. Нарушения, влекущие недопустимость доказательства, обладают внутренней структурой, аналогичной составу правонарушения, но со значительной спецификой. Она включает объект (процессуальный порядок и связанные с ним права), объективную сторону (действие или бездействие, нарушающее норму), субъект (должностное лицо) и юридический результат (дефектность доказательства). Субъективная сторона при этом, как уже говорилось, не имеет решающего значения. Объект таких нарушений требует особого внимания: непосредственным объектом является сама процессуальная форма, но за ней стоит более глубокий интерес – обеспечение достоверности информации и защита прав личности. Когда законодатель требует проведения опознания по правилам статьи 193 УПК РФ (предъявление лица в группе не менее трёх сходных по внешности), он защищает не абстрактную «правильность процедуры», а достоверность результата и право опознаваемого на правильное установление имеющих значение для уголовного дела фактов. Нарушение этих правил создаёт риск ошибочного опознания, а значит, и ошибки правоприменителя.

Третье измерение – *функционально-целевое*. Нарушения, влекущие недопустимость, выполняют в уголовном процессе несколько функций. Прежде всего, это охранительная функция: нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, служат барьером против произвола в уголовно-процессуальном доказывании. Когда закон признает недопустимыми показания обвиняемого, данные в отсутствие защитника (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), он предохраняет его от возможного давления. Когда законодатель требует, чтобы вещественные доказательства были надлежащим образом осмотрены и приобщены к делу постановлением (ч. 2 ст. 81 УПК РФ), он предотвращает возможные манипуляции с материальными объектами. Как пишет А.В. Горбачёв, последствия признания доказательств

недопустимыми – это процессуальная гарантия от использования недоброкачественной информации в правосудии. Нарушение УПК РФ при получении доказательства презюмирует его недоброкачественность¹.

Далее следует *превентивная функция*. Угроза исключения доказательства стимулирует должностных лиц, ведущих уголовное дело, к соблюдению уголовно-процессуальных требований. Если бы нарушения УПК РФ не влекли правовых последствий, у, например, следователя или дознавателя возникал бы соблазн пренебречь «формальностями» ради процессуальной экономии или достижения быстрого результата в расследовании преступлений. Однако осознание того, что доказательство, полученное с нарушением УПК РФ, может быть исключено судом из процесса доказывания, заставляет тщательно соблюдать процедуру доказывания, предусмотренную действующим уголовно-процессуальным законом. Как справедливо отмечают некоторые исследователи², институт допустимости доказательств работает не столько *post factum* (после получения «дефектного» доказательства), сколько *ex ante* (предотвращая само нарушение через механизм процессуального сдерживания).

Третья функция – *компенсационно-восстановительная*. Когда права участников уголовного судопроизводства нарушены в процессе получения доказательства, исключение этого доказательства из уголовного дела выступает формой процессуальной компенсации. Обвиняемый, допрошенный с нарушением его права на защиту, получает определённое «возмещение (компенсацию)» через то, что его показания не будут использованы против него. Свидетель, допрошенный без разъяснения ст. 51 Конституции РФ о праве не свидетельствовать против себя и близких родственников, получает процессуальную защиту через недопустимость его показаний. Это не полная

¹ См.: Горбачёв А.В. Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Горбачёв Алексей Вячеславович. М., 2004. С. 124-126.

² См.: Перетячко Н.М., Федюнин А.Е. Допустимость доказательств в отечественном уголовном процессе в аспекте культуры правотворчества // Правовая культура. 2021. № 3 (46). С. 66-74; Смирнов А.В. К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судопроизводство. 2024. № 3. С. 20-23.

компенсация (само нарушение уже произошло), но значимая форма правовой реакции на дефект при получении доказательств. В частности, В.Н. Исаенко подчёркивает значение правовых последствий в случае выявления нарушений УПК РФ именно в этом контексте – как механизма обеспечения баланса между государственным интересом в раскрытии, расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел и интересами личности в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности¹.

Наконец, четвертая функция – *легитимационная*, которая обеспечивает справедливость уголовно-процессуального правосудия. Когда приговор основан на допустимых доказательствах, полученных в строгом соответствии с УПК РФ, он воспринимается как справедливый не только по существу, но и по форме. И напротив, приговор, построенный на процессуально дефектных (недопустимых) доказательствах, подрывает доверие к правосудию. Как отмечает Е.К. Лебедева, процессуальные основания для исключения доказательств выполняют роль фильтра, очищающего процесс доказывания от информации, которая не может служить основой легитимного судебного решения².

По нашему мнению, все названные функции реализуются комплексно. Нарушения, влекущие недопустимость доказательств, одновременно защищают права участников, обеспечивают действие процессуальных гарантий, предупреждают будущие нарушения, компенсируют нарушенные права и поддерживают легитимность правосудия. В этом проявляется их системный характер.

Четвёртое измерение – *процессуально-правовое*, связанное с механизмом реализации последствий нарушений уголовно-процессуального закона. Здесь ключевое значение имеет распределение бремени доказывания и порядок признания доказательств недопустимыми. Часть 4 ст. 235 УПК РФ закрепляет

¹ См.: Исаенко В.Н. Конституционное значение института допустимости доказательств в уголовном процессе // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 84-90.

² См.: Лебедева Е.К. Некоторые аспекты недопустимости доказательств как процессуального основания для их исключения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3, № 1. С. 80-86.

специальное правило распределения процессуального бремени при разрешении ходатайства стороны защиты об исключении доказательства. Если защита указывает, что доказательство получено с нарушением требований УПК РФ, она должна привести конкретные доводы о характере допущенного нарушения и его связи с соответствующим доказательством. После этого обязанность опровергнуть такие доводы возлагается на прокурора. Данное правило рассчитано прежде всего на ситуацию, когда инициатором вопроса о недопустимости выступает сторона защиты. Если же сомнение в допустимости доказательства возникает по инициативе суда либо заявляется иным участником процесса, вопрос о распределении процессуального бремени должен решаться с учетом характера заявленного нарушения, положения участника и обязанности суда обеспечить законность исследования доказательств. Такое регулирование соответствует состязательной природе уголовного судопроизводства: сторона, заявляющая о нарушении, должна обозначить его содержание и связь с конкретным доказательством, а сторона обвинения, заинтересованная в использовании доказательства, должна подтвердить законность его получения¹.

Поскольку сторона обвинения формулирует обвинение и обосновывает его уголовно-правовую оценку на основе доказательств, именно она должна подтвердить соответствие этих доказательств закону. Защита же часто лишена доступа к полной информации о том, как именно проводились следственные и иные процессуальные действия по получению доказательств, – она может лишь указать на нарушения УПК РФ, вытекающие из анализа материалов уголовного дела. Перемещение бремени опровержения на прокурора компенсирует это процессуальное неравенство. С.И. Кувычков и М.В. Трифонова подчёркивают,

¹ См.: Кожевникова Ю.А. Исключение недопустимых доказательств из разбирательства уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кожевникова Юлия Александровна. Воронеж, 2005. С. 100-102; Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. М.: изд-во «Волтерс Клувер», 2010. С. 17-18.

что данное правило служит процессуальным механизмом реализации принципа состязательности сторон¹.

Порядок признания доказательств недопустимыми реализуется на разных стадиях уголовного процесса. На досудебном производстве это могут сделать прокурор, следователь или дознаватель (ч. 3 ст. 88 УПК РФ). В суде этот вопрос решается в порядке статей 234 и 235 УПК РФ. При этом норма ч. 7 ст. 235 УПК РФ, допускающая повторное рассмотрение вопроса о допустимости ранее исключенного доказательства, вызывает научные споры². *С одной стороны*, она позволяет исправить судебную ошибку. *С другой*, создаёт риск процессуальной неопределенности. Поэтому, как полагает М.Э. Каац, данную норму следует толковать ограничительно: повторное рассмотрение возможно лишь при появлении новых, ранее неизвестных обстоятельств³.

Пятое измерение сущности нарушений – *дифференциация правовых последствий процессуального дефекта*. Не каждое отступление от требований УПК РФ влечёт недопустимость доказательств. В современной науке утвердилось мнение, что доказательство исключается лишь при «существенных» нарушениях⁴. Однако критерии «существенности» остаются предметом дискуссий. Верховный Суд РФ разъяснил, что при решении вопроса о признании

¹ Кувычков С.И., Трифонова М.В. Недопустимость доказательств в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9 (213). С. 166.

² См.: Балакшин В.С. Алгоритм оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2020. № 1 (181). С. 78-85; Гададов И.С. Проблемы допустимости доказательств в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). С. 419-420; Шадрин В.С. Признание доказательств недопустимыми: проблемы и тенденции правоприменения // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: материалы XV Междунар. научн.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 июня 2023 года. М.: ООО "Русайнс", 2024. С. 234-241.

³ Каац М.Э. К вопросу о совершенствовании механизма признания доказательств недопустимыми // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 237.

⁴ См.: Брагин Е.А. Процессуальный порядок и правовые последствия признания доказательств недопустимыми в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Брагин Евгений Александрович. Челябинск, 2003. С. 18; Ларина Е.В. Признание доказательств недопустимыми в российском уголовном судопроизводстве (в стадии предварительного расследования): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ларина Елена Викторовна. М., 2005. С. 22-23; Меринов Э.А. Реализация института недопустимости доказательств в уголовном судопроизводстве (теория и практика): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Меринов Эдуард Анатольевич. Владивосток, 2007. С. 19.

доказательства недопустимым суд должен в каждом случае выяснять, в чём конкретно выразилось допущенное нарушение¹. Данное разъяснение требует не ограничиваться указанием на формальный дефект, а установить, какое процессуальное требование нарушено, как это сказалось на правах участников и повлияло ли на возможность использования полученных сведений в доказывании. Поэтому существенность должна оцениваться не абстрактно, а через характер нарушения и степень его влияния на допустимость конкретного доказательства².

Часть 1 статьи 75 УПК РФ определяет общую формулу (правило, предписание, концепт): «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми». Таким образом, указанная норма устанавливает жёсткую каузальную связь между нарушением процессуальных требований и недопустимостью доказательства. Логика здесь проста и императивна: если при получении доказательства нарушены требования УПК РФ, то доказательство недопустимо. Процедурный дефект УПК РФ при получении доказательства влечёт утрату им юридической силы. Законодатель здесь исходит из презумпции, согласно которой несоблюдение установленной процессуальной формы «дисквалифицирует» доказательство независимо от того, соответствует ли содержащаяся в нём информация действительности. Процессуальная форма рассматривается как конститутивный элемент доказательства, без которого информация не может приобрести доказательственное значение.

Часть 2 статьи 75 УПК РФ по своему назначению должна развивать это общее правило: она открывается формулой «К недопустимым доказательствам относятся» и далее в пунктах 1, 2, 2.1, 2.2, 2.3 и 3 перечисляет конкретные случаи

¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 (действующая редакция) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47059/ (дата обращения: 14.10.2025).

² Вопрос о классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, будет подробно рассмотрен в отдельном параграфе диссертации.

недопустимости. Исходя из правил юридической техники, такая конструкция предполагает конкретизацию общего правила части 1 через перечисление отдельных типов нарушений, влекущих недопустимость доказательств. Однако тщательный анализ содержания пунктов части 2 статьи 75 УПК РФ выявляет существенное отклонение от этой логики.

Пункт 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ относит к недопустимым показания подозреваемого или обвиняемого, данные в ходе досудебного производства без участия защитника, включая случаи отказа от защитника, если впоследствии эти показания не подтверждены в суде. По своему смыслу данная норма связана не только с формой допроса, но и с обеспечением права лица на защиту в ситуации, когда полученные от него сведения могут быть использованы против него самого.

Отсутствие защитника при допросе подозреваемого или обвиняемого приобретает значение процессуального дефекта тогда, когда закон требует обеспечить участие защитника либо когда отказ от него не устраняет последующего риска использования непроверенных показаний. Поэтому п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ можно рассматривать как специальное проявление общего правила ч. 1 ст. 75 УПК РФ: доказательство исключается не из-за одного лишь формального недостатка, а потому, что сведения получены при ослаблении гарантии, имеющей конституционное значение.

Иной характер имеет правило п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Оно касается показаний потерпевшего или свидетеля, основанных на догадке, предположении, слухе, а также показаний свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности. В данном случае проблема состоит не столько в нарушении процедуры получения доказательства, сколько в невозможности проверить происхождение сообщаемых сведений. Такие показания не позволяют установить, из какого источника лицо получило информацию, а значит, не обеспечивают необходимой связи между доказательством и фактическими обстоятельствами уголовного дела.

Анализ данной нормы обнаруживает принципиально иную природу оснований недопустимости доказательств. Здесь законодатель не описывает нарушение процедуры допроса, не указывает на дефект процессуальной формы получения показаний. Напротив, допрос может быть проведён в строжайшем соответствии со всеми требованиями УПК РФ: свидетель надлежащим образом вызван, его личность установлена, права и обязанности разъяснены, предупреждение об уголовной ответственности по статьям 307 и 308 УК РФ произведено, протокол оформлен безукоризненно. Однако если в ходе допроса выясняется, что свидетель сообщает информацию не на основании непосредственного восприятия фактов, а со слов неустановленных лиц, или если он излагает собственные умозаключения и предположения, или если он не способен указать источник своей осведомленности, его показания признаются недопустимыми.

Принципиальное отличие пункта 2 от пункта 1 и от общей формулы части 1 статьи 75 УПК РФ заключается в том, что здесь недопустимость обусловлена не формальным пороком процедуры получения доказательства, а пороком содержания доказательственной информации. Дефект локализован не в процессуальной форме, а в гносеологической структуре показаний – отсутствии у свидетеля или потерпевшего непосредственного восприятия описываемых событий, производности информации от неустановленного источника, «спекулятивном» характере сообщаемых сведений. Это содержательное, а не процедурное основание недопустимости, которое не укладывается в формулу «доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса».

Далее, пункты 2.1, 2.2 и 2.3 части 2 статьи 75 УПК РФ возвращают конструкцию статьи к логике процедурных нарушений. Пункт 2.1 устанавливает недопустимость предметов, документов или сведений, входящих в производство адвоката по делам его доверителей, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий. Получение предметов, документов или сведений из производства адвоката (п. 2.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ) представляет собой нарушение адвокатской тайны и адвокатского иммунитета, закреплённых

в статье 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹. Это типичное процедурное нарушение, влекущее недопустимость полученных таким образом сведений. Пункты 2.2 и 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ регулируют специальные случаи, связанные со сведениями, полученными при добровольном декларировании активов, счетов и вкладов. Законодатель отдельно указывает на недопустимость использования такой информации при нарушении установленных специальных запретов². По своей правовой природе эти положения также связаны с общим правилом ч. 1 ст. 75 УПК РФ, поскольку речь идет о невозможности использовать сведения, полученные вопреки установленному законом порядку обращения с охраняемой информацией.

Пункт 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ имеет иной характер. Он относит к недопустимым «иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса». Эта формула не создает самостоятельного, точно очерченного основания недопустимости, а выполняет обобщающую функцию: она позволяет исключать доказательства в тех случаях, когда нарушение УПК РФ не подпадает под специально названные в предыдущих пунктах ситуации, но затрагивает законность получения или закрепления доказательственной информации.

Таким образом, ст. 75 УПК РФ сочетает конкретные запреты, адресованные отдельным видам доказательственной информации, и общую норму, рассчитанную на иные процессуальные нарушения. Такая конструкция показывает, что основания недопустимости в действующем регулировании сформулированы неоднородно: одни из них связаны с нарушением процедуры получения сведений, другие – с невозможностью проверки их источника или с

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (действующая редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 16.10.2025)

² О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон РФ от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ (действующая редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180745/ (дата обращения: 16.10.2025).

особыми запретами на использование определенной информации. Часть 1 формулирует единое основание недопустимости доказательств – нарушение требований УПК РФ при их получении. Часть 2 по своему формальному предназначению должна конкретизировать это основание, перечисляя отдельные типы таких нарушений. Однако фактически часть 2 включает два принципиально различных по своей юридической природе типа оснований недопустимости доказательств. Первый тип – процедурные основания недопустимости доказательств. Доказательство исключается вследствие нарушения установленной УПК РФ процессуальной формы его получения, когда дефект локализован в процедуре получения. Такая информация, содержащаяся в доказательстве, может быть достоверной, но процессуальный порок лишает её юридической силы. К процедурным основаниям относятся пункты 1, 2.1, 2.2, 2.3 и 3 части 2 статьи 75 УПК РФ, а также общая формула части 1 этой статьи. Второй тип – содержательные основания недопустимости. Доказательство исключается вследствие дефекта самой доказательственной информации независимо от того, была ли соблюдена процедура её получения. Дефект локализован в содержании: информация производна от неустановленного источника, основана на догадках и предположениях, не имеет достоверного гносеологического фундамента. Процедура получения показаний может быть безупречной, но содержательный порок делает их недопустимыми. К таким содержательным основаниям исключения доказательств относится пункт 2 части 2 статьи 75 УПК РФ.

Следовательно, не все основания недопустимости доказательств, указанные в статье 75 УПК РФ, связаны с нарушениями закона при получении доказательств. Пункт 2 части 2 этой статьи, устанавливая содержательные критерии, выходит за рамки данной категории и связан с иными правовыми предписаниями – требования к качеству и происхождению доказательственной информации, а не к процессуальной форме и процедуре её получения.

Классическое учение о допустимости доказательств, восходящее к работам дореволюционных процессуалистов и развитое советской и современной

русской наукой, различает допустимость в формальном смысле и допустимость в содержательном смысле¹. Допустимость в формальном смысле означает соответствие процедуры получения доказательства императивным требованиям закона. Допустимость в содержательном смысле означает пригодность доказательственной информации для использования в процессе доказывания по причинам, связанным с её содержанием, но не происхождением.

Одни авторы разграничивают процессуальный и гносеологический аспекты допустимости доказательства². Процессуальный аспект касается соблюдения процессуальной формы, гносеологический – качества информации и способа её получения познающим субъектом.

Другие подчёркивают, что допустимость есть прежде всего процессуальное свойство, характеризующее форму получения доказательства, в отличие от достоверности, характеризующей соответствие содержания доказательства действительности³. Однако пункт 2 части 2 статьи 75 УПК РФ фактически включает в понятие допустимости элемент гносеологической оценки, что усложняет догматическую конструкцию института допустимости доказательств и создаёт концептуальную неопределённость.

Учёные, которые выделяют правила (критерии, условия) допустимости доказательств связывают их только с процессуальной формой⁴. Пункт же 2 части

¹ См.: Ремизова М.С. Институт допустимости доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве в период с 1864 г. по 2001 г.: историко-правовой взгляд // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 2. С. 159-166; Першина Е.А., Подмоков Н.С. Становление и развитие института допустимости доказательств в отечественном уголовном процессе // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. Т. 6, № 4 (93). С. 144-146.

² Кузнецов М.С. Проблема формальной оценки доказательств в свете действия института недопустимых доказательств: коллизии между правом и практикой // Вестник Российского университета кооперации. 2024. № 3 (57). С. 137.

³ Винокуров Э.А., Ковтун Ю.А. Отдельные проблемы оценки допустимости и достоверности доказательств по уголовным делам // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 131.

⁴ Францифоров Ю.В., Царев Ю.Н. Правовые стандарты допустимости уголовно-процессуальных доказательств // Контроль над преступностью и обеспечение прав личности как приоритеты современной уголовно-процессуальной политики: сб. материалов Всеросс. научн.-практ. конф. с междунар. уч. в рамках Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической

2 статьи 75 УПК РФ не вписывается ни в одно из этих правил, поскольку касается не формы, а содержания показаний.

На наш взгляд, выявленное концептуальное противоречие в конструкции статьи 75 УПК РФ требует законодательного разрешения. Существующая редакция статьи смешивает два принципиально различных основания недопустимости доказательств – процедурное и содержательное, – что делает применение нормы неоднозначным и затрудняет правоприменение. Представляется необходимым законодательно разграничить эти основания, придав статье 75 УПК РФ внутренне непротиворечивую структуру. Вариант, который является более предпочтительным с точки зрения юридической техники, должен предполагать вынесение содержательных оснований недопустимости за пределы статьи 75 УПК РФ и их размещение в статье, регламентирующей соответствующие виды доказательств. Поскольку пункт 2 части 2 статьи 75 УПК РФ касается показаний свидетелей и потерпевших, логичным было бы включить соответствующие требования в статьи 78 и 79 УПК РФ, регламентирующие эти виды доказательств¹.

Таким образом, сущность рассматриваемых нарушений состоит в том, что они представляют собой особый вид уголовно-процессуальных дефектов доказательственной деятельности: такие дефекты выражаются в несоблюдении императивных требований закона к получению доказательственной информации, затрагивают процессуальную форму доказательства и поэтому лишают полученный результат юридической силы. В отличие от иных нарушений УПК РФ, они характеризуются не только фактом отступления от нормы, но и специальным правовым последствием – исключением соответствующего доказательства из процесса доказывания.

Исходя из такого понимания сущности рассматриваемых нарушений, необходимо раскрыть их роль и место в общей системе уголовно-

академии, Саратов, 08 июня 2021 года / под ред. Н.С. Мановой. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 146.

¹ См.: Приложение № 1.

процессуального регулирования, а также их воздействие на реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Во-первых, нарушения, влекущие недопустимость доказательств, и последствия за них в виде исключения доказательства являются важнейшей процессуальной гарантией прав личности в уголовном процессе. Конституционный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что положения о недопустимости доказательств направлены на обеспечение права на справедливое судебное разбирательство¹.

Во-вторых, нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, выполняют роль системообразующего фактора в архитектуре процесса доказывания. Они формируют границу между юридически пригодной и юридически непригодной информацией, тем самым структурируя весь процесс доказывания. Системно-регулятивная роль нарушений проявляется в том, что они связывают воедино различные требования УПК РФ: к субъектам получения доказательств, к источникам доказательственной информации, к способам и порядку получения доказательств. Если бы их нарушение не влекло исключения доказательства, они остались бы декларациями. Более того, нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, создают обратную

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47218/ (дата обращения: 14.10.2025); Постановление Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437511/ (дата обращения: 14.10.2025); Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450077/ (дата обращения: 14.10.2025).

связь между доказательственной деятельностью и процессуальными решениями. Когда суд исключает доказательство как недопустимое, он тем самым корректирует деятельность органов предварительного расследования, формирует процессуальные стандарты, влияет на будущую практику. Как отмечает Я.В. Гордей, каждое решение суда об исключении доказательства – это не просто реакция на конкретное нарушение, но создание прецедента толкования процессуальных норм, который будет учитываться в последующих делах¹.

В-третьих, нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, оказывают превентивное воздействие на должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Следовательно, зная, что незаконно проведённый обыск приведёт к исключению доказательств, будет более внимателен к процедуре следственного действия. Дознаватель, осознающий, что протокол допроса, полученный с процессуальными нарушениями, не будет принят судом, постарается избежать этих нарушений. Р.Д. Файрушина верно отмечает: не допустить нарушения эффективнее, чем исправлять его последствия². При этом важно отметить, что нарушения, влекущие недопустимость доказательств, «дисциплинируют» весь процесс доказывания, но не парализуют его.

В-четвёртых, нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, выполняют роль фильтра, отсеивающего из массива информации ту её часть, которая не соответствует процессуальным стандартам качества. В ходе познавательной деятельности приходится иметь дело с огромным объёмом информации. Не вся эта информация пригодна для использования в качестве доказательств. Поэтому в результате оценки допустимости доказательств, реагируя на нарушения при получении информации, обеспечивается селекция: в уголовно-процессуальное

¹ Гордей Я.В. Недопустимость (непригодность) доказательств в уголовном процессе РФ: теория и судебная практика // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2024. Т. 34, вып. 2. С. 290.

² Файрушина Р.Д. Способы признания доказательств недопустимыми // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 70.

решение попадает только та информация, которая получена в строгом соответствии с законом.

Указанная «фильтрующая» роль нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, имеет двоякое значение. *С одной стороны*, как уже отмечалось, процессуальные требования к получению доказательств во многом направлены на обеспечение их достоверности. Когда эти требования нарушены, возникает риск недостоверности. Исключение такого доказательства минимизирует риск правоприменительной ошибки. *С другой стороны*, «фильтрующая» роль защищает от использования информации, полученной с нарушением прав личности, даже если эта информация достоверна. Как отмечают А.П. Попов, И.А. Зинченко и А.А. Попов, доказательство может быть достоверным, но недопустимым (если получено с нарушением закона), и может быть допустимым, но недостоверным (если получено в соответствии с законом, но содержит ложные сведения)¹. Здесь важна принципиальная позиция: правовое государство не может строить правосудие на нарушении прав, даже если это приводит к установлению всех обстоятельств и фактов преступления в соответствии с действительностью.

В-пятых, нарушения, влекущие недопустимость доказательств, и сложившаяся практика реагирования на них формируют ориентиры для правоприменителей. Последовательное исключение судами определённых категорий доказательств создаёт предсказуемость и стимулирует повышение профессионализма органов уголовного преследования. Однако здесь возникает проблема: судебная практика не всегда единообразна. Судебная практика показывает, что оценка одного и того же процессуального дефекта не всегда является единообразной. Особенно это заметно при проверке нарушений, связанных с участием защитника и последующим оформлением результатов

¹ Попов А.П., Зинченко И.А., Попов А.А. Допустимость и достоверность доказательств в уголовно-процессуальном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 1. С. 144.

следственного действия. Так, отсутствие подписи защитника в протоколе иногда рассматривается судами как устранимый недостаток оформления, если из иных материалов дела следует, что защитник фактически участвовал в процессуальном действии. Однако такой подход допустим не во всякой ситуации: если отсутствие подписи не позволяет достоверно подтвердить участие защитника, объем реализованных им прав либо содержание сделанных замечаний, дефект перестает быть техническим и затрагивает гарантийное значение протокола. Именно с этой позиции кассационные суды оценивают случаи, когда формальное нарушение оформления связано с проверкой соблюдения права на защиту. В частности, в определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2021 г. по делу № 77-493/2021¹ обращено внимание на то, что процессуальная форма протокола не является простой технической оболочкой: она подтверждает ход действия, участие необходимых лиц и возможность последующей проверки законности получения показаний. Поэтому первоначальная оценка подобного нарушения как несущественного может быть признана ошибочной, если дефект препятствует проверке реального участия защитника и соблюдения гарантий подозреваемого или обвиняемого. Следовательно, проблема заключается не в самом факте различия судебных оценок, а в отсутствии достаточно четкого критерия, позволяющего отделить восполнимый недостаток оформления от нарушения, влияющего на допустимость доказательства. В этой связи сохраняет значение разъяснительная роль высших судебных инстанций: она необходима не для формального ужесточения подходов, а для выработки понятных ориентиров оценки тех процессуальных нарушений, которые связаны с конституционными гарантиями участников уголовного судопроизводства².

¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2021 по делу № 77- 493/2021 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=35804#gtvelzUr9qnXsZoB> (дата обращения: 16.10.2025).

² См.: Шадрин В.С. Указ. соч. С. 234.

В-шестых, исключение доказательства выполняет не только оценочную, но и гарантийную функцию. Если сведения были получены с нарушением прав участника процесса, запрет на их использование препятствует тому, чтобы такое нарушение давало стороне обвинения процессуальное преимущество. В этом смысле признание доказательства недопустимым не является возмещением вреда в материально-правовом значении, но выступает процессуальной реакцией на незаконный способ получения сведений. Так, показания обвиняемого, полученные с применением психологического давления или иного воздействия, несовместимого с уважением достоинства личности и свободой волеизъявления, не могут использоваться как обычное доказательство обвинения. Их исключение означает, что суд не принимает результат, достигнутый при нарушении гарантий защиты. Аналогично, если обыск проведен с нарушением требований, обеспечивающих неприкосновенность жилища, вопрос о допустимости изъятых предметов должен решаться с учетом того, было ли само вмешательство в жилище законным и проверяемым. Признание доказательства недопустимым, конечно, не устраняет само нарушение и не восстанавливает нарушенное право в полном объеме. Однако оно имеет самостоятельное процессуальное значение: результаты, полученные вопреки установленным гарантиям, не получают юридической силы в доказывании. Тем самым нарушение прав участника процесса не остается безразличным для судьбы соответствующего доказательства, а незаконный способ получения сведений не порождает полноценного доказательственного результата.

В-седьмых, институт недопустимости доказательств имеет не только прикладное, но и ценностное значение. Исключая доказательство, полученное с нарушением закона, суд показывает, что результат доказывания не может быть достигнут любой ценой. Для уголовного процесса это особенно важно, поскольку деятельность по раскрытию и расследованию преступлений неизбежно связана с вмешательством в сферу прав личности. Если доказательства, полученные с нарушением УПК РФ, безусловно принимались бы судами, процессуальные гарантии утратили бы практическое значение. У

участников процесса и у должностных лиц возникало бы представление, что решающим является только фактический результат, а не законность способа его достижения. Такая логика несовместима с назначением уголовного судопроизводства и с идеей правового государства. Показателен запрет, закрепленный в ч. 4 ст. 164 УПК РФ: при производстве следственных действий недопустимы насилие, угрозы, иные незаконные меры, а также действия, создающие опасность для жизни и здоровья участвующих лиц. Эта норма защищает не только достоверность получаемых сведений, но и достоинство человека, который сохраняет статус носителя прав независимо от процессуального положения. Поэтому доказательства, полученные с применением запрещенных методов, должны исключаться не как формально «неудобные» для обвинения, а как результаты деятельности, несовместимой с допустимыми средствами уголовного преследования. В этом смысле справедливо замечание Б.П. Косаревой о том, что институт недопустимости доказательств формирует у правоприменителя определенную систему ценностей: приоритет законности над целесообразностью, уважение к правам личности и понимание процессуальной формы как условия справедливого правосудия¹. Судья, который последовательно исключает доказательства, полученные с нарушениями УПК РФ, формирует своё профессиональное правосознание в русле этих ценностей. И наоборот, судья, который склонен игнорировать нарушения УПК РФ ради осуждения лица, представляющегося ему виновным, деформирует своё правосознание, утрачивает профессиональную этику.

Основные выводы по итогам данного параграфа:

1. Конституционно-правовой фундамент института допустимости доказательств, закреплённый в части 2 статьи 50 Конституции РФ и конкретизированный в статьях 7 и 75 УПК РФ, формирует императивную связь

¹ См.: Косарева Б.П. Допустимость доказательств как фактор формирования внутреннего убеждения субъекта доказывания по уголовным делам // Юридическая наука. 2024. № 3. С. 256.

между нарушением закона при получении доказательств и утратой ими юридической силы, что является системообразующим элементом защиты прав личности.

2. Категория «нарушение уголовно-процессуального закона» в действующем УПК РФ характеризуется выраженной многозначностью (полисемией), функционируя в восьми различных нормативных контекстах: доказательственном, апелляционно-кассационно-надзорном, дисциплинарно-обеспечительном, правозащитном, компенсационном, надзорно-ведомственном, процедурно-возвратном и профилактическом. Каждый контекст порождает специфические правовые последствия, что требует методологически точного разграничения нарушений, влекущих недопустимость доказательств, от иных процессуальных дефектов.

3. Нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение доказательств, представляют собой такие дефекты доказательственной деятельности, которые связаны с несоблюдением требований УПК РФ при получении, закреплении или введении сведений в уголовное судопроизводство. Их значение состоит в том, что они ставят под сомнение возможность использовать соответствующие сведения в качестве доказательства, поскольку затрагивают установленную законом форму доказывания, права участников процесса либо проверяемость происхождения и содержания доказательственной информации. Содержание таких нарушений целесообразно раскрывать через несколько взаимосвязанных признаков: нормативную основу допущенного отступления, элемент доказательственной деятельности, в котором оно проявилось, его связь с назначением соответствующей процессуальной формы, влияние на права участников и возможность проверки полученных сведений. Такой подход позволяет рассматривать нарушение не отвлеченно, а применительно к конкретному доказательству и условиям его получения.

4. Анализ ст. 75 УПК РФ показывает, что действующее регулирование объединяет разные по природе основания недопустимости доказательств. Часть 1 данной статьи формулирует общее правило о недопустимости доказательств,

полученных с нарушением требований УПК РФ. Часть 2, напротив, содержит как процедурные основания, связанные с нарушением порядка получения отдельных доказательств, так и основания, обусловленные содержанием или проверяемостью самой доказательственной информации. Данная коллизия делает применение статьи 75 УПК РФ неоднозначным и требует законодательного разрешения через вынесение содержательных оснований за пределы статьи 75 УПК РФ.

5. Особенностью российской модели допустимости доказательств является объективный характер правовых последствий за процедурные нарушения УПК РФ: недопустимость доказательств наступает независимо от субъективного отношения должностного лица к допущенному нарушению (наличия умысла или неосторожности), что усиливает превентивную функцию института и обеспечивает приоритет уголовно-процессуальной формы над утилитарными соображениями целесообразности осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

6. Системное значение нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, проявляется в шести взаимосвязанных эффектах: защите прав личности, структурировании процесса доказывания, дисциплинировании должностных лиц, фильтрации доказательственной информации, процессуальной компенсации и поддержании правовой культуры уголовного судопроизводства.

§ 1.2. Классификация нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств

Многообразие нарушений уголовно-процессуального закона, которые могут повлечь исключение недопустимых доказательств, требует их научной классификации. Речь идёт не об описании единого правового явления, а о систематизации совокупности процессуальных дефектов, различающихся по месту возникновения в доказательственной деятельности, по затронутым

требованиям УПК РФ и по правовым последствиям для допустимости доказательства. В этом контексте классификация выступает методом выявления внутренних связей между требованиями уголовно-процессуального закона к получению, закреплению и проверке доказательственной информации. Построение обоснованной классификационной модели позволяет определить группы однородных нарушений, показать, какие элементы процессуальной формы доказательства они затрагивают, а также создать основу для более последовательной оценки допустимости доказательств в правоприменительной практике.

Потребность в классификации нарушений УПК РФ, влекущих недопустимость доказательств, обусловлена несколькими обстоятельствами. Прежде всего, действующий УПК РФ не содержит исчерпывающего перечня таких нарушений. Статья 75 УПК РФ, как было показано в предыдущем параграфе, устанавливает лишь общую формулу недопустимости («доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса») и перечисляет несколько конкретных случаев, которые, однако, не охватывают всего многообразия возможных уголовно-процессуальных дефектов. Значительная часть требований к процедуре получения допустимых доказательств рассредоточена по различным главам и статьям УПК РФ, регламентирующим производство следственных и иных процессуальных действий, статус участников процесса, полномочия должностных лиц. Правоприменителю приходится извлекать эти требования из системного анализа уголовно-процессуального законодательства, что создаёт риск произвольного толкования и неединообразного применения норм о допустимости доказательств. Научно обоснованная классификация способна структурировать этот нормативный массив, выявить группы однородных требований и создать методологическую основу для их последовательной интеграции в оценку допустимости конкретного доказательства.

Далее, классификация необходима для разграничения нарушений, безусловно влекущих недопустимость доказательства, и нарушений, влияние

которых на допустимость требует дополнительной оценки в каждом конкретном случае. Буквальное прочтение ч. 1 ст. 75 УПК РФ действительно может создать впечатление, что всякое отступление от требований Кодекса автоматически делает доказательство недопустимым. Однако такой подход был бы слишком грубым для практики доказывания. При решении вопроса о допустимости необходимо учитывать, какое именно требование нарушено, как это отразилось на способе получения сведений, правах участников процесса и возможности проверить происхождение и содержание доказательственной информации. Поэтому классификация нарушений нужна не ради формального деления, а для разграничения разных по последствиям ситуаций. В одних случаях дефект настолько затрагивает установленную законом процедуру получения сведений, что исключает их использование в качестве доказательства. В других случаях требуется дополнительно установить, связано ли нарушение с ограничением прав участников, нарушением их законных интересов либо с утратой возможности проверить достоверность полученной информации.

Отдельное значение такая классификация имеет и для учебного, методического восприятия темы: она позволяет показать правоприменителю не только перечень возможных нарушений, но и логику их оценки при решении вопроса о допустимости доказательства. Она структурирует доктринальный материал для правоприменителей, формирует у них системное представление о требованиях УПК РФ к доказательственной деятельности, позволяет им последовательно проверять соблюдение этих требований при получении и оценке доказательств. Отсутствие единой классификационной модели приводит к фрагментарному, казуистическому освоению правил о допустимости доказательств, что снижает эффективность уголовно-процессуальных гарантий.

Вместе с тем построение научно обоснованной классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, представляет значительную методологическую трудность. Выбор критерия классификации определяет не только её структуру, но и эвристический потенциал – способность классификационной модели раскрывать существенные

характеристики классифицируемой совокупности нарушений и служить инструментом её дальнейшего теоретического исследования. Под критерием классификации в данном случае понимается основание деления процессуальных дефектов на группы: стадия уголовного судопроизводства, степень влияния нарушения на допустимость доказательства, характер затронутых прав и законных интересов, источник правового регулирования либо место нарушенного требования в структуре доказательственной деятельности. Различные основания деления порождают различные классификационные схемы, каждая из которых высвечивает определённые аспекты нарушений, но может оставлять в тени другие их характеристики. Поэтому, прежде чем обосновать выбор классификационной модели, которая будет положена в основу нашего диссертационного исследования, необходимо рассмотреть существующие в российской уголовно-процессуальной науке подходы к систематизации нарушений, влекущих недопустимость доказательств, и проанализировать теоретически возможные альтернативные основания их классификации.

Отечественная уголовно-процессуальная доктрина выработала несколько подходов к классификации нарушений, влекущих недопустимость доказательств. Наиболее развёрнутую и систематическую концепцию предложил Р.В. Костенко, который в своих работах формулирует систему «правил допустимости доказательств»¹. Изначально учёный выделял четыре правила допустимости: правило надлежащего субъекта получения

¹ См.: Костенко Р.В. Первое правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Уголовное судопроизводство России: историческое наследие и современные проблемы теории и практики реализации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Краснодар: Издательский Дом «Юг», 2014. С. 126-138; Костенко Р.В. Второе правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 184-188; Костенко Р.В. Третье правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики в современном мире: материалы Всеросс. научн.-практ. конф., Краснодар, 22 декабря 2020 года / отв. ред. Т.Г. Бородинова. Краснодар: ООО "Издательский Дом - Юг", 2021. С. 81-87; Костенко Р.В. Четвёртое правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. Ч. 1. С. 161-170.

доказательств, правило надлежащего процессуального источника доказательств, правило надлежащего способа собирания доказательств и правило надлежащего порядка проведения следственных и иных процессуальных действий по получению доказательств. Каждое из этих правил, по мысли автора, отражает определённую группу императивных требований УПК РФ, нарушение которых делает доказательство недопустимым. Полагаем, что такая четырёхэлементная структура обладает внутренней логикой: она последовательно охватывает все основные параметры доказательственной деятельности – кто получает доказательство (субъект), откуда извлекается информация (источник), каким способом она фиксируется (способ собирания) и какая процедура при этом соблюдается (порядок). В последующих работах, обращаясь к проблемам доказывания в цифровой среде, Р.В. Костенко фактически показывает необходимость уточнять содержание отдельных правил допустимости применительно к новым видам доказательственной информации; однако сама логика его подхода остаётся структурной: нарушение оценивается через тот элемент доказательственной деятельности, к которому относится соответствующее требование УПК РФ¹.

Указанная концепция получила признание в науке уголовного процесса. Её используют в своих исследованиях и другие учёные. Вместе с тем некоторые авторы развивают и уточняют эту модель.

Так, С.А. Пяшин, анализируя правила оценки допустимости доказательств, обращает внимание на необходимость различения нарушений процессуальной формы и нарушений, затрагивающих содержание процессуальных прав участников и условия их реализации. Это предполагает введение дополнительного критерия оценки влияния нарушения на допустимость доказательства поверх четырёхэлементной структуры, обозначенной выше².

¹ См.: Костенко Р.В. Допустимость доказательств в цифровую эпоху: трансформация процессуальных стандартов // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 1. С. 30-35.

² Пяшин С.А. Указ. соч. С. 119.

Н.В. Лантух формулирует критерии проверки и оценки допустимости доказательств при осуществлении уголовного преследования, выделяя среди них не только формально-процессуальные параметры (субъект, источник, способ, порядок), но и содержательные характеристики доказательственной информации, что отчасти выходит за рамки классификации нарушений процедуры и затрагивает качество самой доказательственной информации¹.

В.С. Балакшин предлагает иной методологический подход. В своей фундаментальной монографии, посвящённой проверке и оценке допустимости доказательств, он конструирует «алгоритм оценки допустимости», который включает последовательную проверку соблюдения различных групп требований УПК РФ². По нашему мнению, этот алгоритм ориентирован не столько на классификацию нарушений как таковых, сколько на процедуру их выявления и оценки судом. Поэтому его значение для настоящего исследования состоит не в создании самостоятельной классификации нарушений, отличной от структурной модели Р.В. Костенко, а в демонстрации последовательности их выявления и оценки. В рамках такой проверки автор фактически выделяет группы требований к субъекту получения и проверки доказательства, к процессуальной форме следственного или иного процессуального действия, к обеспечению прав участников процесса, к оформлению протокола и к приобщению полученных сведений к уголовному делу. Подход В.С. Балакшина важен прежде всего процессуально-динамическим акцентом: он показывает, какие требования уголовно-процессуального закона должны проверяться на соответствующей стадии и каким субъектом. В другой своей работе, анализируя феномен понятия и свойства недопустимости доказательств, учёный обращает внимание на различие между абсолютной и относительной недопустимостью, что указывает

¹ Лантух Н.В. Указ. соч. С. 85-86.

² См.: Балакшин В.С. Проверка и оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе. М.: Издательский дом «Юрлитинформ», 2024. С. 202-230.

на необходимость учёта в классификации не только характера нарушения, но и его правовых последствий¹.

Интересный ракурс в классификацию вносят работы, посвящённые «асимметрии» правил допустимости доказательств. Так, отдельные авторы анализируют дилемму применения асимметричных правил в российском уголовном судопроизводстве и обращают внимание на то, что требования к допустимости доказательств обвинения и доказательств защиты неодинаковы². В этих работах ставится вопрос о возможности классификации нарушений не только по формальному критерию уголовно-процессуального дефекта, но и по критерию того, чьи интересы затрагивает нарушение – стороны обвинения или стороны защиты, что отражает состязательную природу уголовного судопроизводства и различный режим процессуальных гарантий для различных групп участников, однако с обязательным приоритетом стороны защиты.

Ряд авторов акцентирует внимание на особенностях допустимости отдельных видов доказательств. В частности, К.А. Титова и И.В. Литвинова исследуют критерии допустимости электронных доказательств, ставя вопрос о том, в какой мере традиционные правила допустимости применимы к цифровым носителям информации и не требуется ли выработка специальных требований к их получению, проверке и оценке³. В контексте данных научных исследований указывается на возможность построения специальных классификаций нарушений требований УПК РФ применительно к отдельным видам доказательств – показаниям, вещественным доказательствам, протоколам следственных действий и судебных заседаний, заключениям экспертов, специалистов, иным документам.

¹ См.: Балакшин В.С. «Феномен» понятия и свойства недопустимости доказательств в российском уголовном процессе // Законность. 2022. № 3. С. 33-38.

² См.: Ревина И.В., Бондарева А.В., Гусеян Г.О., Выходцева А.В., Гайдаржи В.А., Каверин К.Р. К вопросу об асимметрии правил допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Современная научная мысль. 2025. № 2. С. 277-281.

³ См.: Титова К.А., Литвинова И.В. К вопросу о возможности применения существующих критериев допустимости доказательств к электронным доказательствам в Российском уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 2 (91). С. 144-151.

Существенный вклад в разработку проблематики классификации нарушений внесли современные диссертационные исследования, специально посвящённые институту допустимости доказательств. В.В. Терехин в своей докторской диссертации рассматривает допустимость доказательств в методологическом, правовом и этическом аспектах, предлагая многоуровневую систему оснований недопустимости, которая включает нарушения конституционных прав личности, нарушения уголовно-процессуальной формы и нарушения этических стандартов получения доказательств¹. Такой подход расширяет классификационное поле за пределы формально-процессуальных дефектов УПК РФ, включая в него нравственное измерение доказательственной деятельности.

Е.А. Маркина акцентирует внимание на правозащитной функции института допустимости, что позволяет ей классифицировать нарушения уголовно-процессуального закона по критерию того, какие именно права и законные интересы личности затрагивает соответствующее нарушение – право на защиту, право на неприкосновенность жилища, право не свидетельствовать против себя и близких родственников и др.²

Ю.А. Кожевникова подробно исследует процедуру исключения недопустимых доказательств из разбирательства уголовного дела, что позволяет ей выделить категории нарушений в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, на которой они могут быть установлены³.

С.А. Сущенко осуществил сравнительно-правовое исследование недопустимости доказательств в российском уголовном процессе и в процессуальных системах англо-американской и континентальной правовых

¹ См.: Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Терехин Владимир Вячеславович. Нижний Новгород, 2016. С. 15-22.

² См.: Маркина Е.А. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Маркина Елена Александровна. М., 2000. С. 11-12.

³ См.: Кожевникова Ю.А. Исключение недопустимых доказательств из разбирательства уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кожевникова Юлия Александровна. Воронеж, 2005. С. 24-33.

семей, что позволило ему выявить универсальные и специфические критерии классификации нарушений уголовно-процессуального закона¹. Автор показывает, что в англо-американской традиции доминирует функциональная классификация нарушений по их влиянию на достоверность доказательств и на конституционные права обвиняемого, тогда как в континентальной традиции преобладает формально-процессуальная классификация по характеру нарушенных уголовно-процессуальных правил.

М.С. Ремизова анализирует формирование допустимых доказательств в условиях состязательного уголовного процесса и обращает внимание на то, что состязательность предполагает различный режим процессуальных гарантий для стороны обвинения и стороны защиты, что должно учитываться при классификации нарушений, влекущих исключение недопустимых доказательств².

Обзор представленных в науке подходов показывает, что отечественная уголовно-процессуальная доктрина не выработала единой, общепризнанной классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств. Различные авторы акцентируют внимание на разных сторонах этих нарушений – процессуальной форме, правах и законных интересах участников, стадиях уголовного процесса, видах доказательств, состязательности, сравнительно-правовом контексте. Вместе с тем именно сопоставление этих подходов позволяет поставить вопрос о критерии классификации: какое основание деления способно не только описать отдельные проявления процессуальных дефектов, но и показать их место в системе требований УПК РФ к доказательственной деятельности.

¹ См.: Сущенко С.А. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных государств англо-американской и континентальной правовых семей: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сущенко Светлана Алексеевна. М., 2020. С. 13-15.

² См.: Ремизова М.С. Теоретические и правовые основы формирования допустимых доказательств в условиях состязательного уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Ремизова Марита Сергеевна. Саратов, 2025. С. 7-10.

В качестве методологической отправной точки для дальнейшей проверки может быть использована четырёхэлементная модель, которая структурирует нарушения УПК РФ, влекущие исключение недопустимых доказательств, по основным параметрам доказательственной деятельности – субъект, источник, способ, порядок. Её достоинство состоит в том, что она связывает нарушение не только с его последствием, но прежде всего с тем элементом процессуальной формы доказательства, который оказался дефектным. Вместе с тем такая модель нуждается в дополнительном обосновании: необходимо показать, почему именно место нарушенного требования в структуре доказательственной деятельности может выступать базовым критерием классификации, а иные критерии выполняют преимущественно вспомогательную функцию.

Дополнительные классификационные подходы, представленные в доктрине, не подменяют структурный критерий, а позволяют увидеть иные измерения процессуального дефекта: момент его возникновения, затронутые права и законные интересы, степень влияния на допустимость доказательства, источник нарушенного требования. Поэтому дальнейший анализ должен показать, какие из этих критериев могут использоваться как вспомогательные и какой критерий способен выполнять базовую систематизирующую функцию.

Для проверки этой методологической позиции рассмотрим теоретически возможные основания классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, оценим их эвристический потенциал и ограничения, а затем обоснуем выбор классификационного критерия, который будет положен в основу дальнейшего исследования.

Первым из таких теоретически возможных оснований является классификация нарушений по стадиям уголовного судопроизводства. Согласно этому подходу, все нарушения УПК РФ, влекущие исключение недопустимых доказательств, могут быть разделены на две большие группы: нарушения, имеющие место в ходе досудебного производства, и нарушения в ходе судебного производства. Данный критерий имеет практическое значение, поскольку

позволяет определить процессуальный контекст дефекта: кем он допущен, кем может быть обнаружен и в какой процедуре должен быть устранён. На досудебном производстве такими субъектами выступают следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, прокурор, а также суд в порядке судебного контроля. В судебном производстве оценку допустимости доказательств осуществляет суд, рассматривающий уголовное дело по существу. Кроме того, стадия уголовного процесса влияет на форму процессуального решения о признании доказательства недопустимым: на досудебном производстве это происходит путём вынесения постановления следователем, дознавателем или прокурором, в судебном производстве – путём вынесения определения или постановления суда по результатам рассмотрения ходатайства стороны либо по инициативе суда.

Однако при всей процессуальной значимости «стадийного» критерия он не раскрывает природу самого нарушения, не показывает, какое конкретно требование УПК РФ было нарушено и почему это влияет на допустимость доказательства. Так, нарушение права обвиняемого на защиту при допросе сохраняет один и тот же правовой смысл независимо от того, получены показания на предварительном расследовании или в судебном заседании. И наоборот, производство обыска в жилище без судебного решения в случаях, когда такое решение требуется, относится к дефектам досудебного производства, однако содержание этого нарушения определяется не стадией, а несоблюдением требований к порядку производства конкретного следственного действия. Эти примеры показывают, что классификация нарушений УПК РФ, влекущих исключение недопустимых доказательств, по стадиям уголовного судопроизводства имеет скорее процедурно-контекстное, чем содержательное значение: она указывает на то, когда и кем может быть установлено нарушение, но не раскрывает, какой элемент доказательственной деятельности оказался дефектным и какие последствия это имеет для допустимости доказательства. Поэтому «стадийный» критерий может использоваться как одно из дополнительных оснований классификации, но не как её базовый критерий.

Вторым теоретически возможным основанием классификации выступает степень «существенности» нарушения. Указанный подход предполагает деление всех процессуальных дефектов на существенные нарушения, безусловно влекущие недопустимость и исключение доказательства, и несущественные нарушения, которые не препятствуют использованию доказательства или влияние которых на допустимость требует дополнительной оценки/проверки в каждом конкретном случае.

Однако считаем, что использование критерия «существенности» в качестве основания классификации нарушений, влекущих недопустимость доказательств, нельзя признать удачным и методологически обоснованным по целому ряду причин.

Прежде всего, понятие «существенность» является оценочным и не имеет чётких нормативных критериев. Трудно получить обоснованный ответ на вопрос: какое нарушение УПК РФ делает его существенным и влекущим за собой исключение недопустимых доказательств?

Вместе с тем, в теории различные авторы предлагают различные критерии «существенности» нарушений УПК РФ, связанных с допустимостью доказательств. Так, в уголовно-процессуальной теории сложилось несколько подходов к определению «существенности» нарушения в контексте допустимости доказательств.

Первый подход – формальный – исходит из того, что нарушение существенно, если оно касается императивных требований УПК РФ к процедуре получения доказательства. К таким требованиям, например, относят необходимость вынесения постановления о производстве следственного действия, получение судебного решения в предусмотренных УПК РФ случаях, обязательное участие понятых при производстве определённых следственных действий, разъяснение прав участникам и т.п. С точки зрения этого подхода, любое отступление от императивных требований УПК РФ влечёт недопустимость доказательства независимо от того, повлияло ли нарушение на

достоверность информации или на права участника уголовного судопроизводства.

Второй подход – целевой – концентрируется на цели нарушенной нормы УПК РФ: если нарушение затронуло права участника уголовного процесса или создало риск недостоверности доказательственной информации, оно существенно. Этот подход требует от правоприменителя в каждом конкретном случае анализировать функциональное назначение процессуального требования закона и оценивать, была ли эта функция реализована, несмотря на формальное отступление от буквы закона.

Третий подход – каузальный – оценивает нарушение УПК РФ через призму его влияния на доказательственный результат: существенно то нарушение, которое могло исказить содержание полученной информации.

В.С. Балакшин, исследуя алгоритм оценки допустимости доказательств, предлагает комплексный критерий «существенности»: нарушение существенно, если оно либо затрагивает ядро процессуальных гарантий участника, либо ставит под сомнение достоверность доказательственной информации, либо делает невозможным проверку доказательства судом¹.

Вместе с тем, практическое применение этих критериев «существенности» вызывает значительные сложности, что наглядно можно продемонстрировать на следующем примере. Статья 166 УПК РФ требует, чтобы протокол следственного действия подписывался всеми его участниками. Если в протоколе обыска, к примеру, отсутствует подпись одного из понятых, является ли это существенным нарушением, влекущим исключение этого доказательства как недопустимого? С формальной точки зрения – безусловно, поскольку императивное требование УПК РФ не выполнено. С точки зрения цели нормы – зависит от того, почему подпись отсутствует: если понятой отказался подписать протокол из-за несогласия с его содержанием, а это не отражено в протоколе, нарушение существенно, так как ставит под сомнение достоверность описанных

¹ См.: Балакшин В.С. Алгоритм оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2020. № 1 (181). С. 78-85.

в нём действий и результатов. Если же подпись отсутствует по техническим причинам (понятой временно отлучился, забыл расписаться), но сам факт его участия не оспаривается и подтверждается другими доказательствами, формальное нарушение налицо, но его «существенность» может быть поставлена под сомнение с точки зрения целевого подхода.

Особое значение в контексте «существенности» нарушений имеет пункт 3 части 2 статьи 75 УПК РФ, содержащий открытую формулу: «иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса». Эта норма отсылает к общему правилу части 1 той же статьи и предоставляет правоприменителю возможность признавать недопустимыми любые доказательства, если при их получении нарушены требования УПК РФ. Здесь возникает основное поле для применения различных критериев «существенности» нарушения. В связи с этим, В.И. Крупницкая справедливо указывает, что законодатель не случайно использовал открытую формулировку¹. Процессуальная действительность чрезвычайно разнообразна, и невозможно предусмотреть в УПК РФ исчерпывающий перечень всех возможных нарушений. Формулировка пункта 3 части 2 статьи 75 УПК РФ: «иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса» – позволяет реагировать на любые отступления от процессуальных предписаний. Однако при этом возникает риск субъективизма: различные субъекты уголовно-процессуальной юрисдикции могут по-разному оценивать «существенность» одного и того же нарушения.

Анализ практики кассационных судов общей юрисдикции о признании доказательств недопустимыми показывает, что суды склонны признавать нарушения существенными в довольно разнообразных случаях.

Во-первых, нарушения права на защиту в ходе получения сведений от подозреваемого или обвиняемого. К этой категории недопустимых доказательств суды относят, в частности:

¹ См.: Крупницкая В.И. Указ. соч. С. 104-111.

– показания сотрудников правоохранительных органов, данные с целью подтверждения законности полученных показаний подозреваемых или обвиняемых¹;

– явку с повинной, составленную в отсутствие адвоката-защитника²;

¹ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.07.2024 № 77-2510/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=178387&cacheid=B94D55EC2D07B46BFAB460F257756536&mode=splus&rnd=NSxpoTUEZtpajfdm#4AKqoTUuw6U6RARM1> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.07.2024 № 77-1874/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=147276&cacheid=C87B781D609E16F12F66972C851937DF&mode=splus&rnd=NSxpoTUEZtpajfdm#pSUqoTUoVnr87X102> (дата обращения: 20.10.2025); Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.11.2023 по делу № 77-2535/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=101189&cacheid=59ADF0CAF312C335BE129AA2073965CC&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#TF7soTUWP3jMjSIJ> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2024 № 77-1066/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=174961&cacheid=514B53E634442E5D3A25CDA745554E87&mode=splus&rnd=C0Xhwg#6mDsoTU2SN8Rn7z41> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2023 № 77-1639/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=50928&cacheid=966A9B731EFCD0DD7033CA720C408FA3&mode=splus&rnd=C0Xhwg#dgKsoTUAxZR63nLx4> (дата обращения: 20.10.2025); Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.07.2024 по делу № 77-2035/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=118272&cacheid=E94FF6EB1C6CDE2942B5D77A137A5595&mode=splus&rnd=C0Xhwg#yzUsoTU7V6PZiiA9> (дата обращения: 20.10.2025); Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.06.2024 по делу № 77-2400/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=136346&cacheid=08CA5561B0A9D09A74DEDBD14C2DE338&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#2EdsoTUGak14CDyN3> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2024 № 77-857/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=70216&cacheid=B81EDD7A136FBEF51F3892BA2A17E840&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#EmjsoTUI9DRshZ7a> (дата обращения: 20.10.2025).

² См.: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2024 № 77-1743/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=173279&cacheid=1FD73017995D49F93E85E723484462D2&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#A6zsoTUKtw0kmS7E1> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2023 № 77-3833/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=128653&cacheid=2B11E4F8EDC8CDEA91D030DCCA463AF7&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#605toTUP4TmiakWI> (дата обращения: 20.10.2025); Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.07.2024 № 77-1889/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=183385&cacheid=285>

- объяснение, данное в отсутствие адвоката-защитника¹;
- рапорт, справка, и иные процессуальные документы, в которых отражены сведения, полученные от подозреваемого или обвиняемого, данных без адвоката-защитника²;
- протоколы следственных действий, содержащие пояснения заподозренного, данные без адвоката-защитника³;

[D2DB6C74FB75B9872684535899FD4&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#XABtoTUwT72E4Rbm](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=54009&cacheid=1475A3C365421318B93AD45057840115&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#R7HtoTU0en8Y4j4N1) (дата обращения: 20.10.2025); Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2024 № 77-116/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=54009&cacheid=1475A3C365421318B93AD45057840115&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#R7HtoTU0en8Y4j4N1> (дата обращения: 20.10.2025); Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2024 № 77-236/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=144154&cacheid=96F3A7873EA279C1E65B72519FC27531&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#4vMtoTUKfoFjd4GC1> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2024 № 77-2431/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=117373&cacheid=64597D186CE5D01B11123A761245DD87&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#aCStoTUKIo3B CGcD> (дата обращения: 20.10.2025); Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.02.2024 № 77-704/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=127675&cacheid=B4764AF862D65220B411CBF5634AA8B4&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#QcXtoTUW02F5DvGW1> (дата обращения: 20.10.2025).

¹ См.: Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.10.2023 № 77-3892/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=95258&cacheid=7BA2F025A993A0A5340F310D1D7EBEAC&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#kkIuoTUSANWckjKp1> (дата обращения: 20.10.2025).

² См.: Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2024 № 77-1613/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=143084&cacheid=50C9200C85411FFBB7E122DCB47E71D3&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#mDPuoTUW2KnSy43> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2023 по делу № 88-40525/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=172547&cacheid=8C49749410E1D58289768069A3F18612&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#bkguoTUefEkjFcI71> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.08.2023 № 77-1341/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=46354&cacheid=2581F3728BC00BE336983DBC3B67234D&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#TMmuoTU8W2aHHFKR1> (дата обращения: 20.10.2025).

³ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31.10.2023 № 77-3554/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=133497&cacheid=8F3486DCEADE1EA6B86D12BBEDF34CB7&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#Ti7woTUo8qhCkX5s> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.10.2023 № 77-3892/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=95258&cacheid=7BA2F025A993A0A5340F310D1D7EBEAC&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#kkIuoTUSANWckjKp1> (дата обращения: 20.10.2025).

– показания подозреваемого или обвиняемого, данные в отсутствие защитника и не подтверждённые в суде¹;

– показания подозреваемого, данные в присутствии защитника, в отношении которого проводился оперативный эксперимент с участием самого подозреваемого².

Во-вторых, нарушения, связанные с отступлением от уголовно-процессуальных гарантий. Недопустимыми в этих случаях признаются:

– показания подсудимого, данные им в статусе свидетеля³;

юрисдикции от 30.05.2024 № 77-1776/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=114431&cacheid=6F6394111C81EF2FADF939CF275F9661&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#MUqxoTUas2ZufuUB2> (дата обращения: 20.10.2025); Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.06.2024 по делу № 77-2400/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=136346&cacheid=08CA5561B0A9D09A74DEDBD14C2DE338&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#Ch9yoTUXbSbjID6E> (дата обращения: 20.10.2025); Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2023 № 77-1979/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=61735&cacheid=0397FA5E177ADED12AA1D9BA363F37DA&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#ICEyoTUEFUhULxhp> (дата обращения: 20.10.2025).

¹ См.: Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2023 г. по делу № 77-1537/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=130335&cacheid=97A6E21400E4677B6F8F6DF9A57CC467&mode=splus&rnd=y7Z9Q#447XZsTuJ2mcmPpY> (дата обращения: 20.10.2025).

² См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2023 г. № 77-3012/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=123294&cacheid=C76F77C230E581CC08E1A8C35067DE07&mode=splus&rnd=y7Z9Q#j7CXZsTgJzpcAwM1> (дата обращения: 20.10.2025).

³ См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2023 по делу № 77-3478/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=147029&cacheid=3067A3AED454E4CEE52AA0FFCBD774C0&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#2uQzoTUAH4Cd3WcJ2> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21 марта 2023 г. по делу № 77-963/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=108746&cacheid=A1E80510DFCF851A1A02130E5B808D74&mode=splus&rnd=y7Z9Q#84WWZsTKMIiw5FI32> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Кассационного военного суда от 21 марта 2023 г. № 77-3/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJF&n=8623&cacheid=12C346A00D5F0140A8D177D668D8DE21&mode=splus&rnd=y7Z9Q#oOqWZsTIQIeDIqV> (дата обращения: 20.10.2025).

- показания соучастника, данные им в качестве свидетеля¹;
- показания осуждённых, данные ими в статусе свидетелей².

В-третьих, нарушения при получении показаний свидетелей и потерпевших, влекущие недопустимость этих видов доказательств:

- показания свидетеля, если лица, на которых ссылается свидетель, не подтвердили якобы сообщенные ими сведения³;
- показания лица, не имеющего возможности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела⁴;
- показания, основанные на догадке, предположении или слухе⁵;

¹ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 июня 2023 г. № 7У-4210/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=110324&cacheid=FA23CDC34496ADCD985857A3376FB0AD&mode=splus&rnd=y7Z9Q#vRzWZsTwVPZul7Wb> (дата обращения: 20.10.2025).

² См.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 2 июня 2022 г. № 77-2241/2022 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=FDfB5B709CADF56C55EB424A1AD47C55&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ007&n=63375#VIXRJRTUul6b1MoA> (дата обращения: 20.10.2025).

³ См.: Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2023 № 77-3281/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=121306&cacheid=278BDB584CF00D34B0CF32C5798DFA49&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#ay0zoTUyqkBUpMHK> (дата обращения: 20.10.2025).

⁴ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.09.2023 № 77-3001/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=119887&cacheid=B3324491ED8A54BFBDC49DEE47594416&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#wt5zoTU2iFQHyWPA> (дата обращения: 20.10.2025).

⁵ См.: Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24 мая 2022 г. № 77-1758/2022 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=35FF7607E0908DD28EE4FCF6A7B59738&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ002&n=75222#CloQJRTTXgYwBmd5> (дата обращения: 20.10.2025).

– показания свидетеля, не имеющего возможность сообщить источник своей осведомлённости¹, при этом ссылка свидетеля на такой источник осведомленности, как пояснения сотрудников полиции, также недопустима²;

– показания свидетеля, основанные на источнике, который признан судом недостоверным³;

– показания свидетеля, данные в ходе судебного заседания, без подписки о разъяснении прав и обязанностей⁴;

– показания свидетеля об обстоятельствах проведения следственного действия, протокол которого признан недопустимым доказательством⁵.

В-четвёртых, нарушения в ходе досудебного производства:

– получение доказательств после возвращения уголовного дела прокурору, в случае если они были предназначены для восполнения предварительного следствия⁶;

¹ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11 октября 2022 г. № 77-3707/2022 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=89374&cacheid=81F2EA6BF6E0D95AADD1A97DB17DDC19&mode=splus&rnd=y7Z9Q#ThvXZsTYX4aqA28B1> (дата обращения: 20.10.2025).

² См.: Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 декабря 2022 г. № 77-4402/2022 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=94424&cacheid=6748B407CA1C4767DBB85252F11F9614&mode=splus&rnd=y7Z9Q#3flYZsT3ptGL9UyJ> (дата обращения: 20.10.2025).

³ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 сентября 2022 г. № 77-3100/2022 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=82330&cacheid=FE0B2C723D6869BF4CC65129F327F234&mode=splus&rnd=y7Z9Q#nkEYZsTjHjuD4LYY> (дата обращения: 20.10.2025).

⁴ См.: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.10.2023 № 77-4633/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=147779&cacheid=6919981C925D8D69F50D923742619A00&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#BBx0pTUQMkis9Ey7> (дата обращения: 20.10.2025).

⁵ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 октября 2021 г. по делу № 77-3522/2021 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=2FD1853F057CFD24171259CD3F42923B&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ002&n=53520#ykJQJRTOuWJ6r7YM1> (дата обращения: 20.10.2025).

⁶ См.: Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2024 № 77-933/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=111284&cacheid=4A3>

– производство фактически обысковых мероприятий до возбуждения уголовного дела и оформление их протоколом осмотра места происшествия¹.

В-пятых, нарушения при назначении и производстве экспертиз, влекущие недопустимость их результатов:

– отсутствие отметки в материалах уголовного дела о предупреждении эксперта об ответственности по ст. 307 УК РФ²;

– получение заключения эксперта по копии документа, которая в предусмотренном законом порядке не изымалась и вещественным доказательством не признавалась³;

– экспертно-психологическое исследование, проведённое без научно-обоснованных методик, основанное на субъективном восприятии содержания разговоров⁴.

В-шестых, нарушения при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в доказывании:

[BA53A6C0975EC996201DDA5DF585A&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#XAvzoTUudJI S7eDp](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=87615&cacheid=56F3935F761E104533B170228CCF425E&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#XAvzoTUudJI S7eDp) (дата обращения: 20.10.2025).

¹ См.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 апреля 2023 г. № 77-1614/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=87615&cacheid=56F3935F761E104533B170228CCF425E&mode=splus&rnd=y7Z9Q#eH0ZZsTvxt14ni> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 августа 2023 г. № 77-3316/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=108917&cacheid=A7092E674BF6E8C612824065A30EE0CB&mode=splus&rnd=y7Z9Q#cU5ZZsTyFtwU3YeG1> (дата обращения: 20.10.2025).

² См.: Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.01.2024 № 77-229/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=165522&cacheid=77CF241C780E5002857A5B69A4CA2F96&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#FTfzoTU653xi HbsV2> (дата обращения: 20.10.2025).

³ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 декабря 2021 г. № 77-4150/2021 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=D9827C80C4058FD7EA630841F9BDBD29&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ002&n=55681#06tRJRTUyFKSS6S6> (дата обращения: 20.10.2025).

⁴ См.: Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 декабря 2022 г. № 77-4402/2022 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=94424&cacheid=6748B407CA1C4767DBB85252F11F9614&mode=splus&rnd=y7Z9Q#jpnYZsTAXqSdaBRa2> (дата обращения: 20.10.2025).

- результаты ОРД, полученные вследствие повторной проверочной закупки¹;
- результаты ОРД, полученные вследствие провокации²;
- результаты оперативно-разыскных мероприятий, для участия в которых в качестве понятого было привлечено лицо, оказывавшее содействие сотрудникам полиции³;
- рапорт с содержанием анализа проведённых оперативно-розыскных мероприятий⁴.

В-седьмых, нарушения при получении иных процессуальных документов и сведений. Эти нарушения влекут на практике недопустимость следующих материалов:

¹ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2024 № 77-2663/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=180306&cacheid=B39CD8FC5607B7D3271CD4F0052A0C51&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#jKXyoTUqTNgw4iwq> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04.07.2024 по делу № 77-1670/2024 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=184084&cacheid=9E9AAB936975A26301C4507B8E1763E9&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#DubyoTUwp0m2RLMt> (дата обращения: 20.10.2025); Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2023 № 77-1148/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=45346&cacheid=6302468B824C29B4A3E13ECD910162A3&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#hBhyoTUKUOA9Ag6Q2> (дата обращения: 20.10.2025).

² См.: Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 августа 2023 г. № 77-1148/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=45346&cacheid=9B382C5517B456D94E14B07C5791A876&mode=splus&rnd=y7Z9Q#puOYZsTcJu3tRtK72> (дата обращения: 20.10.2025); Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2023 г. № 77-2651/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=126815&cacheid=AEFD452C1BA1BEF6945F63F57262E610&mode=splus&rnd=y7Z9Q#hbYYZsT3FDK4PsbB> (дата обращения: 20.10.2025).

³ См.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2022 г. № 77-79/2022 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=B8AF6264B94B8AC8A486C019903C06D8&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ007&n=53449#L9hPJRT6jqa46X2S1> (дата обращения: 20.10.2025).

⁴ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11 апреля 2023 г. № 77-1057/2023 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=103542&cacheid=D06BA709EEE84D9249484685ECFFAC4E&mode=splus&rnd=y7Z9Q#U3qXZsTqU7jFPbqN> (дата обращения: 20.10.2025).

- показания защитника об участии в следственном действии, данные вопреки интересам подзащитного¹;
- протоколы адвокатского опроса, полученные адвокатом-защитников в рамках ч. 3 ст. 86 УПК РФ²;
- доказательства, собранные по уголовному делу, постановление о возбуждении которого было отменено³;
- постановление о возбуждении уголовного дела и рапорт об обнаружении признаков преступления как процессуальные документы, фиксирующие повод и основание для возбуждения дела, которые не входят в перечень доказательств статьи 74 УПК РФ⁴;
- видеозапись, полученная в нарушение процессуальной формы при её производстве⁵.

Приведённый обзор судебных решений кассационных инстанций позволяет увидеть существенную проблему современного правоприменения института допустимости доказательств: суды неодинаково квалифицируют

¹ См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15 ноября 2022 г. № 77-5594/2022 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=99402&cacheid=4ED5B0334A3D79F6ED7CE621497ABF1F&mode=splus&rnd=y7Z9Q#AmYXZsTqqZGypXzk> (дата обращения: 20.10.2025).

² См.: Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2021 г. № 77-1900/2021 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=CF8D0AA97D4CA56670169500FECE48D6&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ003&n=41069#VF1SJRTwx4UMkSpS1> (дата обращения: 20.10.2025).

³ См.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2022 г. № 77-706/2022 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=1B56B8A6B25C940420D3DB2036E05048&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ007&n=52466#Gt7SJRTX6wuFXKl6> (дата обращения: 20.10.2025).

⁴ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 декабря 2021 г. № 77-4468/2021 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=F9DD02EAD6A690BA57B2640EFC94E20C&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ002&n=71124#iRySJRTVRgNK7xs4> (дата обращения: 20.10.2025).

⁵ См.: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 июня 2022 г. № 77-2703/2022 // КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=F28FE4B95EEDE999B633C3CFC35F56AF&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ001&n=89379#GODRJRTQ7GeQBuOo> (дата обращения: 20.10.2025).

нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, и не всегда используют единый критерий такой оценки. Выделение семи групп нарушений имеет в данном случае аналитико-описательный характер: оно показывает, какие типы дефектов фактически встречаются в судебных решениях, но само по себе ещё не образует завершённой системы судебной практики. Особенно отчётливо эта проблема проявляется в случаях, когда правоприменитель сталкивается с необходимостью разграничить нарушения, затрагивающие содержание процессуального права или законного интереса, и нарушения, касающиеся лишь формы фиксации соблюдения соответствующего требования. Поэтому неуказание точного времени начала и окончания следственного действия в протоколе в одних случаях не влечёт процессуальных последствий, а в других становится основанием исключения такого доказательства как недопустимого.

Критическое осмысление правоприменительной практики позволяет констатировать, что концепция деления нарушений уголовно-процессуального закона на существенные и несущественные применительно к допустимости доказательств является методологически уязвимой. Эта концепция не имеет чёткого нормативного основания в тексте уголовно-процессуального закона, поскольку статья 75 УПК РФ формулирует безусловное правило о недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований Кодекса, не вводя градации нарушений по степени их значимости. Попытки судебной практики разграничить существенные и несущественные нарушения фактически расширяют сферу судебного усмотрения и смягчают императивность законодательной формулы статьи 75 УПК РФ. Однако само по себе судебное усмотрение в вопросах допустимости доказательств требует более определенных ориентиров. Если критерии оценки не раскрыты достаточно ясно, сходные нарушения могут получать разную правовую оценку, что снижает предсказуемость правоприменения.

Особенно спорной является категория «несущественного» нарушения при получении доказательства. Если УПК РФ устанавливает определенное

требование к производству или оформлению процессуального действия, значит, это требование выполняет конкретную гарантийную или удостоверительную функцию. Поэтому признание нарушения «несущественным» не должно означать, что соответствующее требование можно фактически не соблюдать. Иначе возникает не предусмотренная законом иерархия процессуальных предписаний, при которой одни требования признаются обязательными, а другие – лишь желательными по усмотрению суда.

Анализ представленного массива судебных решений также обнаруживает, что категория «существенности» нарушения зачастую используется судами не как объективный юридический критерий, но как инструмент рационализации уже принятого решения. Когда суд приходит к выводу о виновности лица на основании совокупности доказательств, он склонен оценивать процессуальные дефекты как несущественные, поскольку их устранение потребовало бы пересмотра всей доказательственной конструкции по уголовному делу. Напротив, при сомнениях в обоснованности обвинения суд более охотно квалифицирует нарушения как «существенные», используя институт допустимости доказательств как механизм ослабления позиции обвинения. Такое инструментальное использование категории «существенности» нарушения искажает саму природу института допустимости доказательств, превращая его из объективного процессуального фильтра в инструмент достижения желаемого материально-правового результата.

Представленный выше обзор судебных решений по семи группам нарушений, таким образом, имеет прежде всего аналитико-описательное значение. Он позволяет показать повторяющиеся типы процессуальных дефектов, встречающиеся в судебной практике, но не выявляет устойчивого критерия определения их «существенности». Один и тот же тип нарушения в различных процессуальных контекстах оценивается по-разному, и эта вариативность не всегда подчиняется ясно выраженным закономерностям. Поэтому судебная практика нуждается не только в описании типичных нарушений, но и в более определённом классификационном критерии,

позволяющем соотнести дефект с конкретным элементом доказательственной деятельности.

Следовательно, современное состояние судебной практики по вопросу о видах (классификации) нарушений УПК РФ, влекущих исключение недопустимых доказательств, характеризуется отсутствием системности, единообразия и предсказуемости. Концепция деления нарушений на существенные и несущественные, не имея легального нормативного основания и не будучи обеспечена выработанными правоприменительными критериями, создаёт пространство судейского усмотрения, которое на практике оборачивается правовой неопределённостью и возможностью произвольного правоприменения. Эта ситуация требует концептуального переосмысления самого подхода к основаниям недопустимости доказательств и выработки более определённых и верифицируемых критериев процессуальной дефектности доказательственной информации.

Эти выводы подтверждаются результатами анкетирования практических работников. 78,0% респондентов указали, что единообразные критерии разграничения нарушений, влекущих признание доказательств недопустимыми, и процессуальных дефектов, допускающих сохранение доказательственного значения, отсутствуют либо сформированы непоследовательно. Одновременно 70,0% опрошенных фактически используют деление нарушений на «существенные» и «несущественные», причём 35,6% из них испытывают затруднения в определении критериев существенности¹. Следовательно, проблема неопределённости носит не только доктринальный, но и выраженный правоприменительный характер.

Изложенный анализ свидетельствует о том, что преодоление выявленной правовой неопределённости возможно не путём дальнейшего умножения оценочных критериев «существенности», а посредством предварительной структурной идентификации нарушенного элемента доказательственной деятельности. Четырёхэлементная классификация нарушений уголовно-

¹ См.: Приложение № 3.

процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, не устраняет необходимости оценивать последствия конкретного дефекта, но задаёт более определённую основу для такой оценки. В этом смысле она может быть использована при совершенствовании статьи 75 УПК РФ, в том числе при формулировании дифференцированных правовых последствий нарушений в зависимости от того, какой элемент доказательственной деятельности затронут процессуальным дефектом. Нарушения требований УПК РФ к субъектам получения доказательств, к процессуальным источникам (видам) доказательств и к способам получения доказательств обычно образуют основание для признания доказательств недопустимыми, если соответствующий дефект выводит получение сведений за пределы законного процессуального канала, препятствует проверке их происхождения либо затрагивает конституционные гарантии участников. Нарушения требований к порядку производства следственных и иных процессуальных действий могут влечь недопустимость доказательств с учётом того, является ли процессуальный дефект восполнимым, то есть могут ли его негативные последствия быть устранены дополнительными процессуальными действиями без нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и без искажения доказательственной информации. Такое законодательное решение позволило бы заменить неформализуемый критерий «существенности» более верифицируемым критерием принадлежности нарушения к определённому элементу доказательственной деятельности, сохранив при этом необходимую гибкость в отношении восполнимых дефектов процессуального оформления.

Таким образом, основной недостаток деления нарушений на существенные и несущественные состоит в его чрезмерной общности. Внутри категории «существенных нарушений» оказываются качественно различные дефекты – например, отсутствие защитника при допросе обвиняемого, использование ненадлежащего источника доказательственной информации или несоблюдение требований к оформлению протокола следственного действия. Такая

классификация фиксирует итоговую оценку нарушения, но не показывает, какой именно элемент доказательственной деятельности оказался дефектным.

Поэтому степень «существенности» нарушения УПК РФ может использоваться как последующий оценочный критерий, но не как основание базовой классификации нарушений, влекущих недопустимость доказательств. Сначала необходимо установить, какое конкретно требование УПК РФ нарушено – требование о надлежащем субъекте получения доказательства, о надлежащем виде доказательства, о способе получения либо о порядке производства процессуального действия, – и лишь затем оценивать влияние этого нарушения на допустимость доказательства.

Третьим возможным основанием классификации выступает характер прав, законных интересов и процессуальных гарантий, затронутых нарушением. Такой подход структурирует нарушения в зависимости от того, какие именно права или законные интересы участников уголовного судопроизводства были ограничены в результате процессуального дефекта. При таком подходе самостоятельное значение приобретают нарушения, затрагивающие наиболее важные процессуальные гарантии: право на защиту, неприкосновенность жилища, запрет свидетельствовать против себя и близких родственников, презумпцию невиновности, право на справедливое судебное разбирательство. Эти гарантии важны не только сами по себе, но и потому, что через них обеспечивается законный способ получения доказательственной информации. Такой критерий позволяет увидеть, что институт допустимости доказательств связан не только с проверкой достоверности сведений, но и с защитой прав личности в уголовном судопроизводстве. Поэтому при оценке конкретного нарушения необходимо учитывать, какое право или законный интерес оказалось затронуто, какую процессуальную гарантию нарушенное требование должно было обеспечивать и повлияло ли это на возможность использовать полученные сведения в доказывании.

Однако и этот критерий имеет, как представляется, ограничения в качестве основания классификации нарушений, влекущих недопустимость доказательств.

Во-первых, не все уголовно-процессуальные предписания к получению доказательств напрямую связаны с правами конкретных участников процесса. Некоторые требования УПК РФ имеют организационно-процедурный характер и направлены на обеспечение общей законности, проверяемости и порядка доказывания, не будучи при этом непосредственными гарантиями субъективных прав и законных интересов. Например, требование о составлении протокола следственного действия в определённой форме и с определёнными реквизитами призвано обеспечить полноту и точность фиксации хода и результатов следственного действия. Нарушение этих требований влечёт недопустимость доказательства не потому, что обязательно ограничены чьи-то конкретные права, а потому, что не соблюдена процессуальная форма, гарантирующая достоверность и проверяемость зафиксированной информации. Классификация же по характеру затронутых прав и законных интересов оставляет такие нарушения «за скобками» или вынуждает искусственно привязывать их к правам участников.

Во-вторых, одно и то же нарушение УПК РФ может одновременно затрагивать несколько различных прав, законных интересов или гарантий. Так, допрос обвиняемого в отсутствие защитника нарушает право на защиту и одновременно может повлиять на реализацию права не свидетельствовать против себя. Производство обыска в жилище без судебного решения нарушает право на неприкосновенность жилища и одновременно затрагивает конституционный принцип судебной защиты прав и свобод. Такая множественность затронутых ценностей делает классификацию по этому критерию нечёткой и допускающей пересечение различных групп нарушений.

В-третьих, классификация по характеру затронутых прав, законных интересов и гарантий не структурирует нарушения по их месту в доказательственной деятельности. Этот критерий показывает ценностное значение нарушения, но не указывает на то, какой именно элемент процедуры получения доказательств был дефектен – кто получал доказательство, из какого источника, каким способом, с соблюдением какого порядка. А именно такая

структурная локализация нарушения необходима для систематической проверки и оценки допустимости доказательства, а также для предупреждения аналогичных нарушений в будущем. Поэтому классификация по характеру затронутых прав или законных интересов, при всей её важности для понимания правозащитной функции института допустимости, может дополнять структурную классификацию, но не заменяет базовый критерий деления нарушений по месту дефекта в доказательственной деятельности.

Четвёртым теоретически возможным основанием классификации выступает источник правового регулирования процессуальных требований, нарушение которых влечёт недопустимость доказательств. Согласно этому критерию, нарушения могут быть разделены на несколько категорий: нарушения норм УПК РФ, нарушения конституционных норм, нарушения норм международного права. Такая классификация отражает иерархию правовых актов и имеет значение для определения юридической силы процессуальных требований для получения допустимых доказательств. В этой связи конституционные нормы обладают высшей юридической силой, и их нарушение всегда влечёт наиболее серьёзные правовые последствия. Нормы международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией, в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции РФ являются составной частью правовой системы России и в случае коллизии с внутренним законодательством имеют приоритет.

Однако и этот формально-юридический критерий малопродуктивен для классификации нарушений, влекущих недопустимость доказательств. Дело в том, что подавляющее большинство процессуальных требований к получению доказательств закреплено именно в УПК РФ, а конституционные нормы и нормы международного права носят более общий, принципиальный (концептуальный) характер и конкретизируются через уголовно-процессуальное законодательство. Когда следователь допрашивает обвиняемого в отсутствие защитника в случае, когда его участие обязательно, он нарушает и норму УПК РФ о обязательном участии защитника, и конституционное право на получение квалифицированной

юридической помощи. Разграничивать же эти нарушения по источнику правового регулирования будет выглядеть искусственно и непродуктивно. Кроме того, классификация по источнику регулирования никак не структурирует сами требования УПК РФ по их содержанию. Внутри категории «нарушений норм УПК РФ» оказываются все процессуальные дефекты – от самых «сущностных» до самых «незначительных», от нарушений, затрагивающих субъект получения доказательства, до нарушений порядка оформления протокола.

Проведённый анализ теоретически возможных оснований классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, показывает, что каждый из рассмотренных критериев обладает определённым эвристическим потенциалом, но не образует достаточной базовой основы для систематизации этих нарушений. «Стадийный» критерий указывает на процессуальный контекст нарушения, но не раскрывает его природу. Критерий «существенности» характеризует правовые последствия нарушения, но остаётся оценочным и ситуативным. Критерий затронутых прав, законных интересов и гарантий высвечивает правозащитную функцию института допустимости, но не структурирует нарушения по их месту в доказательственной деятельности. Критерий источника правового регулирования отражает иерархию норм, но не систематизирует процессуальные требования по их содержанию.

В качестве базового критерия классификации нарушений УПК РФ, влекущих недопустимость доказательств, целесообразно использовать место нарушенного требования в предусмотренной УПК РФ структуре доказательственной деятельности. Такой критерий является теоретически обоснованным, поскольку исходит из самой процессуальной формы доказывания, и практически применимым, поскольку позволяет правоприменителю последовательно установить, какой элемент получения доказательства оказался дефектным. Для оценки допустимости доказательства важно исходить из того, что доказывание в уголовном процессе подчинено не

отдельным разрозненным правилам, а системе требований УПК РФ. Эти требования задают правовую форму работы с доказательственной информацией: определяют, кто вправе ее получать, из какого источника она может поступать, каким процессуальным действием вводится в дело и в каком порядке это действие должно быть произведено. Именно через соблюдение этих правил обеспечиваются проверяемость сведений, защита прав участников процесса и законность принимаемых решений.

Анализ норм УПК РФ, регулирующих доказывание, позволяет выделить четыре группы требований, от которых зависит процессуальная пригодность доказательства.

Первая группа относится к субъекту получения доказательственной информации. Сведения могут быть признаны доказательством лишь тогда, когда они получены лицом или органом, имеющим соответствующие полномочия в конкретной процессуальной ситуации. Нарушение требований к субъекту возникает в тех случаях, когда доказательственная информация получена лицом, не обладающим необходимым процессуальным статусом, не связанным с данным уголовным делом надлежащими полномочиями либо вышедшим за пределы своей компетенции. В такой ситуации проблема состоит не только в формальном нарушении должностной подчиненности или распределения обязанностей, а в отсутствии законного процессуального канала, через который сведения могли быть введены в уголовное судопроизводство.

Вторая группа требований относится к виду (форме) доказательства. УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень видов доказательств: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний; иные документы. Информация, не облеченная ни в один из этих процессуальных источников, не может использоваться в качестве доказательства. Нарушение требований к надлежащему виду доказательства — это использование в процессе доказывания информации из источников, не

предусмотренных УПК РФ, либо придание ненадлежащему источнику статуса доказательства. Третья группа требований касается способов получения доказательств. Так, ст. 86 УПК РФ определяет, что собирание доказательств осуществляется путём производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. В досудебном производстве конкретные способы собирания различных видов доказательств регламентированы в главах 24-27 УПК РФ. Нарушение требований к надлежащему (законному) способу собирания доказательства – это получение информации путём действий, не предусмотренных УПК РФ в качестве законных способов собирания доказательств, либо использование предусмотренного способа в ситуации, когда он неприменим к данному виду доказательства. Четвёртая группа требований относится к порядку (процедуре) производства следственных и иных процессуальных действий по получению доказательств. Каждое процессуальное действие должно производиться в строгом соответствии с регламентирующими его нормами УПК РФ, которые устанавливают основания производства действия, процессуальную форму принятия решения о его производстве, круг участников, их права и обязанности, последовательность процессуальных операций, требования к фиксации хода и результатов действия. Нарушение требований к надлежащему порядку получения доказательства – это несоблюдение процессуальной процедуры при производстве следственного или иного процессуального действия.

Названные выше четыре группы требований УПК РФ составляют структурный каркас института допустимости доказательств. Их соблюдение является необходимым условием существования допустимого доказательства. Нарушение любого из этих требований позволяет локализовать дефект в процессуальной форме доказательства и определить, с каким элементом доказательственной деятельности он связан. Вопрос о конкретных правовых последствиях такого дефекта может требовать дополнительной оценки, однако сама классификация нарушения должна начинаться с установления того, относится ли оно к субъекту получения доказательства, виду (форме)

доказательства, способу получения либо порядку производства следственного или иного процессуального действия.

На наш взгляд, предлагаемая классификационная модель нарушений обладает рядом методологических и практических достоинств. *Во-первых*, она обеспечивает более определённое распределение процессуальных дефектов по четырём группам и тем самым уменьшает риск их произвольного смешения. *Во-вторых*, данная классификация функциональна: она структурирует нарушения УПК РФ по их месту в процессе доказывания, что позволяет видеть, на каком элементе доказательственной деятельности произошёл сбой. *В-третьих*, она операциональна для правоприменения. Суд, оценивающий допустимость доказательства, может последовательно проверять соблюдение всех четырёх групп требований УПК РФ, что обеспечивает систематичность и полноту такой оценки. *В-четвёртых*, предлагаемая модель согласуется с системой УПК РФ, где требования к субъектам, видам, способам и порядку получения доказательств закреплены в различных нормах и главах отечественного уголовно-процессуального закона¹.

Практическая проверка предложенной модели также подтверждает её восприимчивость правоприменителями: 84,0% опрошенных признали четырёхэлементную классификацию методологически обоснованной. Среди предложений о дополнении модели респонденты чаще всего называли учёт стадии уголовного судопроизводства и специфику электронных (цифровых) доказательств. Эти данные не опровергают структурный критерий классификации, а показывают, какие дополнительные признаки могут использоваться на последующем уровне оценки конкретного процессуального дефекта².

Предлагаемая четырёхэлементная классификация нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств,

¹ Рассматриваемая четырёхэлементная классификация будет подробно развёрнута и конкретизирована во второй главе нашего диссертационного исследования, где каждой из четырёх групп нарушений посвящён отдельный параграф.

² См.: Приложение № 3.

основана на структуре доказательственной деятельности. Хотя детальный сравнительно-правовой анализ таких нарушений составит предмет следующего параграфа диссертации, уже на уровне обоснования представленной классификационной модели необходимо отметить её связь с общими закономерностями процессуального регулирования доказывания. Различия между правовыми системами касаются не столько самой необходимости проверки субъекта, источника, способа и порядка получения доказательства, сколько степени формализации этих требований, последствий их нарушения и соотношения между правилами, защищающими достоверность информации, и правилами, защищающими права личности. Это свидетельствует о том, что предлагаемая классификация отражает существенные характеристики правового регулирования института допустимости доказательств.

Основные выводы по итогам данного параграфа диссертации:

1. Систематизация совокупности нарушений УПК РФ, влекущих недопустимость доказательств, является необходимой, поскольку действующий УПК РФ не содержит исчерпывающего перечня таких нарушений, а требования к доказыванию рассредоточены по различным главам Кодекса, что создаёт риск произвольного толкования и неединообразного правоприменения.

2. Отечественная уголовно-процессуальная доктрина выработала ряд подходов к классификации нарушений УПК РФ, влекущих исключение недопустимых доказательств: по процессуальной форме, по степени влияния нарушения на допустимость доказательства, по затронутым правам и законным интересам, по стадиям уголовного процесса, по видам доказательств и по сравнительно-правовым особенностям регулирования.

3. Концепция деления нарушений на существенные и несущественные является методологически уязвимой, поскольку этот критерий оценочен, не имеет чёткого нормативного основания в тексте УПК РФ (ст. 75 УПК РФ формулирует общее правило недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований Кодекса) и при отсутствии единых критериев ведёт к непредсказуемости правоприменения.

4. Классификационные критерии, связанные со стадиями уголовного судопроизводства, характером затронутых прав, законных интересов и гарантий, а также источником правового регулирования, имеют самостоятельное значение, но не могут служить базовой основой систематизации нарушений УПК РФ, влекущих недопустимость доказательств, поскольку не раскрывают место процессуального дефекта в структуре доказательственной деятельности либо приводят к пересечению групп нарушений.

5. Методологически обоснованным и практически применимым базовым критерием классификации является место нарушенного требования в предусмотренной УПК РФ структуре доказательственной деятельности, поскольку оно позволяет определить, какой элемент получения доказательства оказался дефектным.

6. Нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, обоснованно систематизируются по структуре доказательственной деятельности на четыре группы: нарушения требований к надлежащему субъекту получения доказательства, к виду (форме) доказательства, к способу получения доказательства и к порядку (процедуре) производства следственных и иных процессуальных действий.

7. Предлагаемая четырёхэлементная классификационная модель обладает высокой степенью полноты, уменьшает пересечение групп нарушений и является операциональной для правоприменения, поскольку обеспечивает последовательную проверку соблюдения требований УПК РФ к субъекту, виду, способу и порядку получения доказательства.

§ 1.3. Сравнительно-правовой анализ нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств

Обоснованность классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, рассмотренной в предыдущем параграфе, нуждается в дополнительной проверке не только на

материале российского уголовно-процессуального закона, но и посредством сопоставления с иными правовыми системами. Компаративистский анализ в данном параграфе используется как форма внешней методологической проверки предложенной модели: он позволяет установить, обнаруживаются ли в зарубежных правовых системах сопоставимые группы требований к допустимости доказательств – к субъекту получения, процессуальному источнику (виду и форме), способу получения и порядку (процедуре) получения доказательств. Такая проверка не подменяет иные способы научного обоснования классификации, но показывает, является ли она исключительно особенностью российского регулирования либо обладает более широким объяснительным потенциалом. Если сходные группы уголовно-процессуальных дефектов выявляются в правовых системах, развивавшихся на иных правовых основаниях, это позволяет говорить не об абсолютной универсальности модели, а о её пригодности как сравнительно-правового инструмента анализа.

С.А. Сущенко обращает внимание на то, что различия между правовыми традициями проявляются главным образом в конкретном содержании правил исключения доказательств, степени их формализации и распределении бремени обоснования процессуальных нарушений¹. Вместе с тем сама необходимость установить субъект, источник, способ и порядок получения доказательственной информации обнаруживается в разных моделях уголовного процесса.

Сравнительно-правовой анализ поэтому важен не для утверждения полной тождественности правовых систем, а для проверки устойчивости выделенных элементов классификации. Он показывает, что при различиях в процедуре, терминологии и последствиях нарушения правопорядки сталкиваются с близкими вопросами: кто вправе получать доказательства, из какого источника поступают сведения, каким действием они вводятся в процесс и какие правила должны быть соблюдены при их получении.

¹ См.: Сущенко С.А. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных государств англо-американской и континентальной правовых семей: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сущенко Светлана Алексеевна. М., 2020. С. 13-15, 238-241.

Кроме того, в этих системах неодинаково соотносятся дефекты, направленные на защиту достоверности доказательственной информации, и дефекты, обеспечивающие защиту прав личности.

Более того, анализ зарубежного опыта позволяет точнее оценить отечественное регулирование: отделить проблемы, обусловленные общей сложностью института допустимости доказательств, от пробелов и неоптимальных решений именно российского УПК РФ, а также выявить возможные варианты нормативного решения сходных вопросов.

В силу изложенного для целей настоящего параграфа методологически оправданным является сопоставление российского подхода к нарушениям уголовно-процессуального закона, влекущим исключение недопустимых доказательств, с правовыми системами, выбранными по двум критериям: принадлежность к разным правовым семьям и различный способ закрепления правил исключения доказательств. В этой связи анализируются англо-американская традиция на примере США и континентальная традиция на примере Германии и Франции. Выбор именно этих правовых систем не является произвольным. США представляют прецедентную систему права, где правила исключения недопустимых доказательств формировались преимущественно судебной практикой в рамках состязательной модели уголовного процесса с выраженной дифференциацией функций обвинения и защиты. Германия и Франция, напротив, воплощают континентальную кодифицированную традицию со смешанной моделью уголовного процесса, где элементы розыскного и состязательного начал сочетаются в различных пропорциях. Россия, будучи частью континентально-европейской правовой семьи, исторически воспринимала и перерабатывала идеи как германской, так и французской уголовно-процессуальной школы, что делает сопоставление с этими системами особенно актуальным. Одновременно обращение к американскому опыту позволяет увидеть иной способ концептуализации правил исключения доказательств, основанный преимущественно на судебно-конституционных стандартах. Кроме того, УПК РФ, принятый в 2001 году в

период активного обновления отечественного уголовного судопроизводства, воспринял ряд элементов состязательной модели и правил о недопустимости доказательств, что требует сопоставления российского подхода не только с классическими континентальными правопорядками, но и с англо-американской традицией.

Американская модель исключения недопустимых доказательств (*exclusionary rule*) представляет собой доктрину, выработанную судебной практикой и направленную на защиту конституционных прав граждан, в первую очередь закреплённых в IV, V и VI Поправках к Конституции США. Формирование этой доктрины носило эволюционный характер, через ряд прецедентных решений Верховного Суда США, которые последовательно уточняли и расширяли сферу применения правил исключения доказательств в уголовном процессе.

Фундаментальное значение для понимания американского подхода имеет IV Поправка к Конституции США, устанавливающая: «Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков или арестов не должно нарушаться, и ордера не будут выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтверждённого присягой или торжественным заявлением»¹. Нарушение этой конституционной гарантии влечёт исключение доказательств, полученных в результате незаконного обыска или ареста.

Доктринальное обоснование *exclusionary rule* было сформулировано Верховным Судом США в деле *Weeks v. United States* (1914)², где суд установил, что использование доказательств, полученных федеральными агентами с нарушением IV Поправки, обесценивает конституционную защиту и делает её бессмысленной. Первоначально это правило применялось только к

¹ Конституция США. Поправка IV. Билль о правах. Принята 15.12.1791 г. // Национальные архивы США. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights-transcript> (дата обращения: 30.10.2025).

² *Weeks v. United States*, 232 U.S. 383 (1914) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/232/383/> (дата обращения: 30.10.2025).

федеральному уровню, но в решении *Mapp v. Ohio* (1961)¹ Верховный Суд США распространил *exclusionary rule* на уровень штатов через доктрину инкорпорации XIV Поправки, установив, что допустимость доказательств, полученных с нарушением конституционных прав, противоречит требованиям надлежащей правовой процедуры (*due process*)².

Целевое обоснование *exclusionary rule* в американской доктрине и судебной практике постепенно претерпело эволюцию. Первоначальная доктринальная база строилась на императиве «судебной честности» (*judicial integrity*). Этот подход постулировал, что судебная система не должна легитимировать противоправное поведение правоохранительных органов, допуская к рассмотрению «плоды» таких нарушений, и, таким образом, становиться их соучастником.

Начиная с середины XX столетия, Верховный Суд США произвел концептуальную переориентацию. Обоснование сместилось в сторону утилитаристской «логики превенции» (*deterrence rationale*). В рамках этой парадигмы главной задачей *exclusionary rule* стало сдерживание полиции от будущих посягательств на конституционные права. Исключение неправомерно полученных доказательств стало рассматриваться как действенный механизм, устраняющий у правоохранителей мотивацию к противоправным действиям.

Анализируя структуру американских правил исключения недопустимых доказательств через призму предложенной нами четырёхэлементной классификации нарушений, обнаруживаются следующие специфические особенности.

Первая группа нарушений – нарушения, связанные с субъектами получения доказательства – находит своё выражение в чёткой дифференциации между действиями государственных агентов (*state actors*) и частных лиц (*private*

¹ *Mapp v. Ohio*, 367 U.S. 643 (1961) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/643/> (дата обращения: 30.10.2025).

² Конституция США. Поправка XIV. Принята 09.07.1868 г. // Конституция США. Аннотированный текст. Конгресс США. URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-14/> (дата обращения: 30.10.2025).

parties). Ключевая особенность *exclusionary rule* заключается в том, что его действие распространяется только на те доказательства, которые были получены в результате нарушения конституционных прав именно представителями государственной власти. Доказательства, собранные частными лицами даже с нарушением закона (например, незаконное проникновение в жилище или незаконный перехват коммуникаций), по общему правилу являются допустимыми, поскольку IV Поправка ограничивает именно государственную власть, а не частных акторов¹. Частные лица могут нести гражданско-правовую и уголовную ответственность за свои действия, но собранные ими доказательства не исключаются как недопустимые. Исключение составляют случаи, когда частное лицо действует как агент государства (*government agent*) по поручению или под контролем правоохранительных органов. Таким образом, американское уголовно-процессуальное право чётко структурирует требования к допустимости доказательств по критерию субъекта, не наделённого соответствующими полномочиями для получения доказательств, хотя и с существенными отличиями от российского уголовно-процессуального подхода.

Вторая категория процессуальных дефектов, относящаяся к виду (форме) доказательств, в американской правовой традиции не имеет той строгой степени формализации, которая свойственна российскому УПК РФ. В частности, Федеральные правила о доказательствах (*Federal Rules of Evidence*) не содержат исчерпывающей номенклатуры (закрытого перечня) видов доказательств. Такой подход обеспечивает существенную гибкость в решении вопроса о том, какая именно информация, может быть, в итоге представлена суду². Однако определённые категориальные ограничения всё же существуют. Так, правило о *hearsay* (доказательствах, основанных на слухах) по существу является формальным требованием к виду доказательства: внесудебные заявления,

¹ Конституция США. Поправка IV. Билль о правах. Принята 15.12.1791 г. // Национальные архивы США. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights-transcript> (дата обращения: 30.10.2025).

² Федеральные правила о доказательствах США (Federal Rules of Evidence) // Cornell Law School, Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/fre> (дата обращения: 30.10.2025).

предлагаемые для подтверждения истинности содержащихся в них утверждений, по общему правилу недопустимы, если не подпадают под одно из многочисленных исключений. Аналогично, требования о квалификации экспертов, закреплённые в правиле *Daubert*¹ и последующей практике Верховного Суда США, устанавливают критерии допустимости заключений экспертов как особого вида доказательств. Таким образом, хотя американская система более либеральна и менее формализована в вопросе классификации нарушений по видам доказательств, определённые категориальные требования к форме доказательственной информации в ней присутствуют.

Третья группа нарушений – нарушения способов получения доказательства – находит наиболее выраженное воплощение в американской уголовно-процессуальной модели. IV Поправка к Конституции США прямо регламентирует способ получения доказательств путём обыска, требуя наличия судебного ордера, основанного на вероятной причине (*probable cause*). Отсутствие ордера или его дефектность влекут исключение доказательств, если только ситуация не подпадает под одно из признанных исключений (согласие лица, обыск при законном аресте, неотложные обстоятельства и т.д.)². V Поправка к Конституции США, защищающая от самообвинения, устанавливает требования к способу получения признательных показаний³, что нашло отражение в знаменитом решении *Miranda v. Arizona* (1966)⁴, установившем обязанность информирования подозреваемого о его правах перед допросом. Нарушение этих правил делает показания недопустимыми. Шестая поправка к Конституции США, закрепляющая право обвиняемого на помощь защитника,

¹ *Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc.*, 509 U.S. 579 (1993) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/509/579/> (дата обращения: 30.10.2025).

² Конституция США. Поправка IV. Билль о правах. Принята 15.12.1791 г. // Национальные архивы США. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights-transcript> (дата обращения: 30.10.2025).

³ Конституция США. Поправка V. Принята 15.12.1791 г. // Конституция США. Аннотированный текст. Конгресс США. URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-5/> (дата обращения: 30.10.2025).

⁴ *Miranda v. Arizona*, 384 U.S. 436 (1966) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/384/436/> (дата обращения: 30.10.2025).

также влияет на правила допустимости доказательств. Если после предъявления обвинения лицо допрашивается без адвоката при отсутствии надлежащего отказа от такой помощи, полученные показания могут быть исключены из доказывания¹.

Наряду с вопросом о допустимом способе получения сведений американское право уделяет значительное внимание процедуре производства отдельных действий. Требования к обыску, изъятию, допросу и опознанию формировались как на конституционном уровне, так и через судебные прецеденты. Нарушение таких требований обычно оценивается с учётом того, затронуло ли оно конституционную гарантию и повлияло ли на законность получения конкретного доказательства.

Особое место в американской модели занимает доктрина «плодов отравленного дерева» (*fruit of the poisonous tree doctrine*), сформулированная в решении *Silverthorne Lumber Co. v. United States* (1920)² и развитая в последующей практике. Её смысл состоит в том, что исключению могут подлежать не только сведения, полученные непосредственно незаконным способом, но и производные доказательства, обнаруженные благодаря первоначальному нарушению. Эта доктрина устанавливает, что не только непосредственно полученные с нарушением конституционных прав доказательства, но и производные доказательства (*derivative evidence*), полученные благодаря информации из первоначального незаконного источника, также подлежат исключению как недопустимые. Если, например, полиция провела незаконный обыск жилища, в ходе которого обнаружила адрес свидетеля, и затем законным образом допросила этого свидетеля, показания свидетеля будут признаны «плодом отравленного дерева» и исключены как недопустимые. Однако из этого правила существуют три важных исключения:

¹ Конституция США. Поправка IV. Принята 15.12.1791 г. // Конституция США. Аннотированный текст. Конгресс США. URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-4/> (дата обращения: 30.10.2025).

² *Silverthorne Lumber Co. v. United States*, 251 U.S. 385 (1920) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/251/385/> (дата обращения: 30.10.2025).

доктрина «независимого источника» (*independent source*), доктрина «неизбежного обнаружения» (*inevitable discovery*) и доктрина «ослабленной связи» (*attenuated connection*). Эти исключения допускают использование производных доказательств, если сторона обвинения докажет, что они были бы получены и независимым законным путём, или что связь между первоначальным нарушением и производным доказательством столь ослаблена, что исключение доказательства не будет служить превентивной цели.

Не менее значимым является исключение «добросовестной ошибки» (*good faith exception*), установленное в деле *United States v. Leon* (1984)¹. Если офицер полиции действовал добросовестно, полагаясь на судебный ордер, который впоследствии был признан незаконным, доказательства, полученные на основании такого ордера, могут быть признаны допустимыми. Обоснование этого исключения строится на утилитаристской логике: исключение доказательств не будет иметь превентивного эффекта, поскольку офицер полиции действовал правомерно с его точки зрения, полагаясь на судебное решение.

Таким образом, американская модель исключения недопустимых доказательств демонстрирует наличие всех четырёх видов нарушений предложенной нами классификации – нарушения законодательных требований о субъектах, видах (формах), способах и порядке получения доказательств. Американская модель при этом отличается существенной процессуальной пластичностью и утилитаристской ориентацией: нормы об исключении доказательств не носят императивного характера, допуская широкий спектр изъятий, обусловленных необходимостью обеспечения процессуальной рациональности и результативности уголовно-правовой репрессии. Превентивная функция *exclusionary rule* рассматривается как центральная, что приводит к тому, что в случаях, когда исключение доказательств не будет иметь превентивного эффекта, суды склонны их допускать. Соответственно, можно

¹ *United States v. Leon*, 468 U.S. 897 (1984) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/468/897/> (дата обращения: 30.10.2025).

сказать, что в американской традиции доминирует «функциональная» классификация уголовно-процессуальных нарушений по их влиянию на процесс доказывания и конституционные права обвиняемого, что отличает её от континентального формально-процессуального подхода¹. Эта «функциональность» проявляется в том, что американские суды, решая вопрос об исключении недопустимого доказательства, в первую очередь оценивают не формальное соответствие процедуры получения доказательств закону, а реальное воздействие нарушения на защищаемые правовые блага.

Германская модель допустимости доказательств (*Beweisverbote*) представляет собой сложную доктринальную конструкцию, исторически разработанную немецкой правовой наукой и нашедшую отражение в судебной практике и отдельных нормах Уголовно-процессуального кодекса Германии (*Strafprozessordnung* – далее StPO)². В отличие от американского подхода, где правила исключения доказательств выкристаллизовались преимущественно в судебных прецедентах, германская доктрина *Beweisverbote* сформировалась в академической юриспруденции и лишь частично кодифицирована. Германская уголовно-процессуальная доктрина традиционно различает запреты на получение доказательств (*Beweiserhebungsverbote*) и запреты на использование доказательств (*Beweisverwertungsverbote*). Первые определяют, какие способы получения доказательств недопустимы, вторые – когда информация, даже если она была получена в соответствии с установленными законом требованиями, не может быть использована судом при принятии решения. Эта дихотомия отражает фундаментальное различие между уголовно-процессуальной неправомерностью действия по сбору доказательства и доказательственными последствиями этой неправомерности.

Beweiserhebungsverbote (запреты на получение доказательств) закреплены в StPO в виде императивных норм, запрещающих определённые способы

¹ См.: Сущенко С.А. Указ. соч. С. С. 67-72.

² Уголовно-процессуальный кодекс Германии (*Strafprozessordnung* – StPO) // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stpo/englisch_stpo.html (дата обращения: 30.10.2025).

получения доказательственной информации. Наиболее значимым является § 136a StPO, категорически запрещающий применение пыток, насилия, обмана, гипноза, медикаментозного воздействия или иных методов, нарушающих свободу волеизъявления и решения обвиняемого¹. Этот запрет носит абсолютный характер: показания, полученные с нарушением § 136a, не могут использоваться ни при каких обстоятельствах, даже если обвиняемый впоследствии согласится на их использование.

В германском уголовном процессе запреты, связанные с получением доказательств, направлены не только на защиту интересов обвиняемого, но и на охрану публичного интереса в законном и справедливом производстве. Особое значение имеют запрет недопустимого государственного принуждения и запрет понуждения лица к самоизобличению. К числу *Beweiserhebungsverbote* относятся, в частности, запрет допроса без предварительного разъяснения процессуальных прав (§ 136 StPO), ограничения вмешательства в частную сферу при проведении акустического наблюдения жилища (§ 100c StPO), а также запреты, связанные с изъятием документов и сведений, охраняемых профессиональной тайной (§§ 97, 160a StPO). Такие запреты различаются по степени строгости: одни исключают отступление от установленного правила, другие допускают оценку конкретных условий производства действия.

Иначе устроены *Beweisverwertungsverbote*, то есть запреты использования доказательств. Германское право не исходит из общего правила об автоматическом исключении всякого незаконно полученного доказательства. Вопрос о возможности его использования решается с учетом характера нарушенной нормы, значения затронутого права, тяжести нарушения и влияния дефекта на справедливость процесса. Вместо этого StPO закрепляет лишь отдельные случаи запрета на использование (например, § 136a StPO прямо указывает, что доказательства, полученные с нарушением этой нормы, не могут использоваться, даже если обвиняемый согласен)². В остальных случаях вопрос

¹ Там же.

² Там же.

о недопустимости доказательства решается судом путём «взвешивания» (*Abwägung*) конкурирующих интересов: с одной стороны, интереса обвиняемого в защите его процессуальных прав и интереса в установлении истины, с другой стороны.

Анализируя германскую модель через призму четырёхэлементной классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, мы вновь обнаруживаем соответствие с отечественной доктриной.

Первая категория нарушений – нарушения требований закона к субъекту получения доказательства – в германском уголовно-процессуальном праве проявляется в разграничении полномочий различных органов уголовной юрисдикции. StPO детально регламентирует, какие следственные действия вправе производить прокурор, какие – полиция, какие требуют санкции суда. Нарушение этих положений о компетенции влечёт недопустимость доказательства, хотя суды применяют здесь метод «взвешивания интересов», а не автоматическое исключение.

Вторая разновидность нарушений – нарушения требований закона к видам доказательств – менее выражена в германском уголовно-процессуальном праве, поскольку StPO придерживается принципа свободы доказательств (*Grundsatz der freien Beweiswürdigung*), не устанавливая исчерпывающего перечня видов доказательств. Однако определённые формальные требования всё-таки существуют. Так, заключения экспертов должны исходить от лиц, обладающих специальными познаниями и назначенных в установленном законом порядке. Показания свидетелей подлежат определённым формальным требованиям (предупреждение об ответственности, разъяснение прав и т.д.).

Третья и четвёртая разновидности нарушений – установленные законом требования к способу и порядку получения доказательства – тесно переплетены в германском уголовно-процессуальном праве и воплощены в детальной регламентации производства следственных действий. StPO устанавливает подробные процедурные правила проведения обыска, выемки,

освидетельствования, допроса и иных следственных действий. Нарушение этих правил может повлечь недопустимость доказательства, но, повторимся, не автоматически, а через механизм судебного «взвешивания интересов».

Вместе с тем, принципиальное отличие германского подхода к оценке нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих недопустимость доказательств, от американского заключается в том, что германское уголовно-процессуальное право отдаёт приоритет установлению материальной истины (*materielle Wahrheit*) и рассматривает исключение доказательств как исключительную меру, применяемую лишь тогда, когда защита прав личности не может быть обеспечена иным способом. Американская модель, напротив, придаёт правилам исключения недопустимых доказательств более императивный характер, рассматривая их как необходимый механизм сдерживания государственной власти в ходе уголовно-процессуальной деятельности.

Уголовно-процессуальный кодекс Франции (*Code de procédure pénale*) не содержит специальной главы или статьи (статей), посвящённой правилам недопустимости доказательств и видам нарушений уголовно-процессуального закона, влекущим исключение доказательств¹. Вместо этого французское уголовно-процессуальное право оперирует общей доктриной процессуальных «недействительностей» (*nullités de procédure*), распространяющейся не только на доказательства, но и на все уголовно-процессуальные акты. «Недействительность» уголовно-процессуального акта может повлечь его исключение из уголовного дела, что, применительно к доказательствам, означает их недопустимость.

Французская доктрина и практика различают абсолютные (*nullités absolues*) и относительные (*nullités relatives*) «недействительности». Абсолютные «недействительности» затрагивают существенные публичные интересы и могут

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Франции (*Code de procédure pénale*) // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/ (дата обращения: 30.10.2025).

быть заявлены в любой момент уголовного процесса любым участником, а также констатированы судом по собственной инициативе. К абсолютным «недействительностям» относятся, в частности, нарушения, касающиеся компетенции суда, соблюдения прав на защиту (право на адвоката, право быть уведомлённым об обвинении и т.д.), публичности судебного разбирательства. Относительные «недействительности» защищают интересы отдельных участников уголовного процесса и могут быть заявлены только тем участником, чьи права нарушены, причём в установленные уголовно-процессуальные сроки. Пропуск срока влечёт утрату права ссылаться на относительную «недействительность».

Для французского подхода важное значение имеет ст. 171 Уголовно-процессуального кодекса Франции. Она связывает недействительность процессуального действия не с одним лишь формальным нарушением, а с тем, причинило ли это нарушение ущерб интересам стороны, которой соответствующая процессуальная гарантия должна была служить. Поэтому для исключения доказательства по основанию процессуальной недействительности необходимо установить не только факт несоблюдения нормы, но и его влияние на положение участника процесса. Такой подход близок к германской идее оценки конкретных обстоятельств нарушения, однако имеет собственный акцент: французский суд прежде всего проверяет, был ли причинен реальный вред процессуальным интересам стороны. Значение имеет не абстрактная «тяжесть» нарушения, а то, лишило ли оно участника предусмотренной законом возможности защищать свои права или повлияло на справедливость последующего использования полученных сведений.

Одновременно французское уголовно-процессуальное право традиционно исходит из принципа свободы доказательств. Суд не связан заранее закрытым перечнем допустимых способов доказывания и может учитывать любую информацию, которую признает относимой и достоверной, если ее получение и использование не нарушают установленные законом гарантии. Этот принцип закреплён в статье 427 Уголовно-процессуального кодекса Франции,

провозглашающей, что «доказательства могут быть представлены любыми средствами, и судья решает согласно своему внутреннему убеждению»¹.

Компаративное исследование французской модели процессуальных дефектов, обуславливающих недопустимость доказательственного материала, сквозь оптику предложенной четырёхкомпонентной систематизации выявляет более гибкий нормативный подход в сопоставлении с германской доктриной.

Первая группа нарушений – нарушения, связанные с субъектами получения доказательства – во французском уголовно-процессуальном праве проявляется в разграничении полномочий следственного судьи (*juge d'instruction*), прокурора (*procureur de la République*), судебной полиции (*police judiciaire*). Отступление от законодательно установленных полномочий или компетенции влечёт абсолютную *nullité* процессуального решения, принятого таким субъектом.

Вторая категория процессуальных дефектов – нарушения нормативных предписаний о процессуальной форме доказательств – получила недостаточное выражение во французском регулировании института допустимости. Вместе с тем отдельные формальные требования к доказательственной информации предусмотрены УПК Франции, например, к экспертным заключениям, которые должны быть выполнены назначенными экспертами в установленном законом порядке.

Третья и четвертая группы нарушений во французском уголовном процессе проявляются прежде всего через правила производства конкретных процессуальных действий: обыска, выемки, перехвата и прослушивания сообщений, допроса и иных действий, направленных на получение доказательственной информации. Несоблюдение таких правил может повлечь недействительность процессуального действия и исключение полученных сведений, однако французская модель не связывает это последствие с одним лишь фактом формального отступления от процедуры.

Решающим остаётся критерий причинения ущерба интересам стороны. Если нарушение установленного порядка не повлияло на возможность участника

¹ Там же.

защищать свои права и не поставило под сомнение справедливость использования полученных сведений, суд может не исключать доказательство. Если же дефект лишил сторону процессуальной гарантии либо существенно ограничил ее положение в процессе, он приобретает значение основания для признания доказательства недопустимым.

Тем самым французская система демонстрирует более гибкий подход к последствиям процессуальных нарушений. Исключение доказательства рассматривается не как автоматическая санкция за всякое несоблюдение формы, а как средство защиты права на справедливое судебное разбирательство и поддержания баланса между эффективностью уголовного преследования и охраной прав личности.

Отдельного внимания заслуживает и то, что сравнительно-правовая проблематика нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение доказательств, не сводится к традиционному противопоставлению англосаксонской и континентальной правовых семей. Как показывает исследование М.Э. Каац, посвящённое отдельным странам Ближнего Востока, специфика правового регулирования института допустимости доказательств обусловлена не только принадлежностью к определённой правовой семье, но и культурно-религиозными традициями, историческим опытом развития правовой системы, уровнем защиты прав человека в конкретном государстве¹. Нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, обладают компаративистской валидностью: они применимы не только к российскому уголовному процессу, но и к уголовно-процессуальным системам иных правовых семей. В связи с этим В.Э. Пермяков отмечает, что компаративистский подход позволяет не только верифицировать теоретические конструкции, разработанные на материале одной правовой системы, но и

¹ См.: Каац М.Э. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе отдельных стран Ближнего Востока // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 2 (56). С. 119-127.

обогащать национальную доктрину идеями и решениями, выработанными в иных правовых порядках¹.

Продолжая компаративистский анализ нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, представляется необходимым обратиться к правовым порядкам стран постсоветского пространства, которые, находясь в общем историко-правовом континууме с Российской Федерацией, осуществили самостоятельное реформирование уголовно-процессуального законодательства после распада СССР. Уголовно-процессуальные кодексы большинства стран ближнего зарубежья воплощают различные векторы трансформации общего советского уголовно-процессуального наследия под влиянием континентально-европейской и/или англо-американской доктрины, международных стандартов прав человека и собственного правоприменительного опыта. Исследование этих правовых систем обладает особой эвристической ценностью, поскольку позволяет проследить, как идентичная исходная уголовно-процессуальная матрица эволюционировала в различных институциональных условиях, какие элементы института допустимости доказательств, в том числе нормативные предписания, определяющие нарушения, влекущие исключение доказательств, оказались инвариантными, а какие подверглись существенной трансформации.

Методологическая специфика анализа постсоветских правовых порядков заключается в том, что в отличие от США, Германии и Франции, где формирование института допустимости доказательств происходило органически на протяжении столетий, страны постсоветского пространства осуществили радикальную кодификационную реформу уголовного судопроизводства в сжатые исторические сроки. Это обстоятельство придаёт особую рельефность тем решениям, которые законодатели этих стран избрали в отношении

¹ См.: Пермяков В.Э. Допустимость доказательств в российском и зарубежном уголовном процессе: сравнительно-правовой анализ // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23-24 июня 2023 года. М.: ООО «Русайнс», 2024. С. 284-292.

структурирования нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств.

В УПК Республики Казахстан вопрос о недопустимости доказательственной информации получил специальное нормативное закрепление. Статья 112 данного Кодекса прямо посвящена фактическим данным, которые не могут использоваться в качестве доказательств¹. Казахстанский законодатель избрал смешанную модель регулирования: с одной стороны, сформулирован общий критерий недопустимости, а с другой – предусмотрены конкретные случаи, при которых полученные сведения исключаются из доказывания. Общая формула ч. 1 ст. 112 УПК Республики Казахстан связывает недопустимость фактических данных с нарушениями уголовно-процессуального закона, если такие нарушения привели к лишению или ограничению гарантированных прав участников процесса либо к несоблюдению иных правил досудебного расследования или судебного разбирательства, повлиявшему или способному повлиять на достоверность полученных сведений. Тем самым акцент сделан не только на самом факте нарушения, но и на его связи с правами участников и надежностью доказательственной информации.

После этой генеральной клаузулы законодатель приводит примерный, но не исчерпывающий перечень нарушений, влекущих недопустимость доказательств. Анализ этого перечня через призму четырёхэлементной классификации нарушений обнаруживает следующую структурированность. К первой группе нарушений, связанных с субъектами получения доказательства, казахстанский законодатель относит ситуации, когда фактические данные получены «в связи с проведением процессуального действия лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному уголовному делу» (пункт 3 части первой статьи 112), а также «в связи с участием в процессуальном

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года (действующая редакция) // ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 30.10.2025).

действию лица, подлежащего отводу» (пункт 4). Вторая категория процессуальных дефектов, относящаяся к процессуальной форме доказательственного материала, в казахстанском законодательстве находит косвенное закрепление посредством установления запрета на использование «от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в судебном заседании» (пункт 6 части первой статьи 112). Часть третья статьи 112 дополнительно конкретизирует формальные требования, устанавливая, что «показания подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, заключение эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы не могут быть положены в основу обвинения, если они не включены в опись материалов уголовного дела». Третья группа нарушений, относящаяся к способам получения доказательства, представлена в казахстанском УПК наиболее развёрнуто. Пункт 1 части первой статьи 112 запрещает использование доказательств, полученных «с применением пыток, насилия, угроз, обмана, а равно иных незаконных действий и жестокого обращения». Пункт 2 той же статьи относит к недопустимым доказательствам данные, полученные «с использованием заблуждения лица, участвующего в уголовном процессе, относительно своих прав и обязанностей, возникшего вследствие неразъяснения, неполного или неправильного их разъяснения». Наконец, пункт 7 части первой статьи 112 устанавливает недопустимость доказательств, полученных «с применением в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям». Эта норма, не имеющая прямых аналогов в российском УПК РФ, вводит стандарт научной обоснованности методов получения доказательственной информации и функционально близка к американским правилам о допустимости экспертных заключений. Четвёртая категория процессуальных дефектов, касающаяся процедурных требований к формированию доказательственного материала, закреплена в пункте 5 части первой статьи 112 посредством установления недопустимости доказательств, собранных «с существенным нарушением порядка производства процессуального действия». Введение критерия

«существенности» процессуального дефекта демонстрирует отступление казахстанского законодателя от строго формализованного подхода, согласно которому всякое уклонение от нормативно установленной процедуры детерминирует недопустимость доказательства, и имплементацию доктрины дифференциации процессуальных нарушений по степени их значимости для доказывания.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан в части первой статье 95.1 формулирует такую генеральную клаузулу о процессуальной дефектности доказательственного материала: фактическая информация утрачивает процессуальную силу при её формировании противоправными способами, при умалении или стеснении процессуальных гарантий участников судопроизводства, а равно при отступлении от императивных предписаний уголовно-процессуального законодательства¹. Специфика узбекистанской нормативной конструкции в сопоставлении с казахстанским регулированием проявляется в отсутствии эксплицитного закрепления критерия воздействия процессуального нарушения на эпистемическую надёжность доказательственной информации, что свидетельствует о более формальном подходе к недопустимости доказательств. Анализ конкретных разновидностей нарушений, влекущих недопустимость доказательств, перечисленных в статье 95.1 УПК Узбекистана, обнаруживает структурное соответствие четырёхэлементной классификации. К первой группе нарушений, связанных с субъектами получения доказательств, относится пункт 4 части первой: недопустимы доказательства, полученные «в результате проведения процессуального действия по уголовному делу лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному уголовному делу». Вторая категория процессуальных дефектов, связанная с процессуальной формой доказательственного материала, закреплена в узбекистанском законодательстве

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утверждён Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII) (действующая редакция) // LEX.UZ. URL: <https://lex.uz/docs/111463> (дата обращения: 30.10.2025).

посредством пункта 5 части первой статьи 95.1, который исключает возможность использования доказательственной информации, источник которой остаётся анонимным либо не поддаётся верификации в рамках производства по уголовному делу. Последняя часть статьи 95.1 дополнительно конкретизирует требования к процессуальной форме, запрещая использование показаний, заключений эксперта, вещественных, письменных и цифровых доказательств, аудио- и видеозаписей, и иных материалов, полученных с нарушением норм УПК. Заслуживает внимания положение узбекистанского уголовно-процессуального законодательства о том, что цифровая информация, зафиксированная в ходе изъятия или осмотра без привлечения лица, обладающего специальными познаниями, утрачивает процессуальную силу. К третьей категории процессуальных дефектов, обусловленных незаконностью способов формирования доказательственного материала, узбекистанское уголовно-процессуальное регулирование относит пункт 1 части первой статьи 95.1, воспрещающий использование доказательств, собранных «с применением пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в отношении участников уголовного процесса либо их близких родственников». Пункт 2 данной статьи императивно исключает процессуальную пригодность доказательств, сформированных «путем их фальсификации (подделки)», что позиционирует фальсификацию в качестве самостоятельного противоправного метода создания доказательственной информации. Пункт 3 детерминирует процессуальную несостоятельность доказательств, собранных «с нарушением прав подозреваемого, обвиняемого или подсудимого на защиту, а также права пользования услугами переводчика». Четвёртая группа нарушений, связанная с порядком получения доказательств, в узбекском УПК не выделена в качестве самостоятельного основания недопустимости с той же степенью определённости, как в казахстанском уголовно-процессуальном законодательстве.

Специфической особенностью узбекского подхода является пункт 6 части первой статьи 95.1, в силу которого утрачивают процессуальную пригодность

показания потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, зафиксированные в ходе досудебного производства, если они не получили верификации в судебном разбирательстве через их согласованность с иными доказательствами по делу.

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики инкорпорирует конкретные требования признания доказательств недопустимыми в общую статью 82 «Доказательства»¹. Данная законодательная техника отличается от подхода большинства других постсоветских правовых порядков, обособляющих правила о недопустимости доказательств в специальные статьи. Концептуальная новизна кыргызского подхода обнаруживается в части четвёртой статьи 82, содержащей исчерпывающий перечень из семи категорий недопустимых доказательств. Детальный анализ этого перечня через призму четырёхэлементной классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, обнаруживает системность и структурированность кыргызской модели. К первой группе нарушений, связанных с субъектами получения доказательств, можно отнести положения о том, что «недопустимыми являются сведения, полученные при проведении любого процессуального действия лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному уголовному делу, а также при участии в нём лица, подлежащего отводу» (пункт 5 части четвёртой статьи 82). Ко второй группе нарушений, касающейся надлежащего вида доказательства, кыргызский законодатель относит следующие положения. Пункт 3 части четвёртой статьи 82 исключает процессуальную пригодность показаний потерпевшего и свидетеля, опирающихся на предположительные суждения, гипотетические построения, неverified информацию, а равно показаний свидетеля, который не может указать источник своей осведомлённости. Пункт 4 части четвёртой статьи 82 устанавливает

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года (действующая редакция) // Параграф Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 30.10.2025).

недопустимость показаний лица, которое в установленном уголовно-процессуальным законом порядке было признано неспособным на момент допроса правильно воспринимать или воспроизводить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. В третьей группе нарушений, относящейся к способам получения доказательств, кыргызский законодатель выделяет два самостоятельных основания недопустимости, демонстрирующих концептуальную значимость защиты прав личности и научной обоснованности доказывания. Так, пункт 2 части четвёртой статьи 82 устанавливает недопустимость показаний свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, полученных в ходе досудебного производства с применением пыток, насилия, угроз, обмана, а равно иных незаконных действий и жестокого обращения, а также показаний, полученных в результате применения к лицу пыток. Соответственно, пункт 6 части четвёртой статьи 82 устанавливает недопустимость сведений, полученных с применением методов, противоречащих научным знаниям. К четвёртой группе нарушений, связанной с порядком получения доказательств, кыргызский законодатель относит специфическое основание недопустимости, воплощающее конституционное право на защиту. Пункт 1 части четвёртой статьи 82 устанавливает недопустимость показаний подозреваемого, обвиняемого относительно совершения преступного посягательства, полученных на досудебных стадиях процесса при отсутствии адвоката, если только лицо не отказалось от правовой помощи (что зафиксировано письменно в присутствии защитника), однако подобные показания требуют судебной верификации.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан демонстрирует значительное структурное сходство с казахстанским подходом к систематизации нарушений, влекущих исключение недопустимых доказательств, что отражает общность правовых традиций центральноазиатских республик. Конкретные случаи признания доказательств недопустимыми

перечислены в части первой статьи 88(1) УПК Таджикистана¹, они соотносятся с четырёхэлементной структурной классификацией нарушений следующим образом. К первой группе нарушений, связанных с субъектами получения доказательств, относятся ситуации проведения процессуального действия лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному уголовному делу, а также проведения процессуального действия с участием лица, подлежащего отводу. Ко второй категории процессуальных дефектов, затрагивающей процессуальную форму доказательственного материала, таджикистанское уголовно-процессуальное законодательство относит формирование доказательственной информации из анонимного источника либо из источника, верификация которого невозможна в рамках уголовно-процессуальной деятельности. К третьей категории процессуальных дефектов, детерминированных незаконностью способов формирования доказательств, таджикистанский УПК относит использование пыточных практик, бесчеловечного обращения, физического принуждения, устрашения, введения в заблуждение или иных противоправных действий, а равно эксплуатацию ошибочных представлений участника процесса о его процессуальном статусе, возникших вследствие неинформирования, фрагментарного или искажённого разъяснения процессуальных прав и обязанностей. К четвёртой категории процессуальных дефектов, обусловленных нарушением процедурных требований к формированию доказательств, относится положение о существенном отступлении от нормативно установленного алгоритма производства процессуального действия. Использование квалифицирующего признака «существенное» свидетельствует о восприятии таджикским законодателем концепции градации процессуальных дефектов по критерию «тяжести».

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (действующая редакция) // Параграф Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594313 (дата обращения: 30.10.2025).

Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана демонстрирует практически полную идентичность с казахстанской и таджикской моделями регулирования института допустимости доказательств. Так, статья 125 УПК Туркменистана, озаглавленная «Фактические данные, недопустимые в качестве доказательств», воспроизводит структуру казахстанской статьи 112 уголовно-процессуального кодекса с минимальными терминологическими вариациями¹.

Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики демонстрирует более выраженную терминологическую и концептуальную специфику по сравнению с центральноазиатскими правовыми порядками, что отражает влияние как континентально-европейской, так и англосаксонской правовой традиции на формирование азербайджанского уголовно-процессуального права. В азербайджанском уголовно-процессуальном законодательстве нормативное регулирование института допустимости доказательственного материала сосредоточено в двух законодательных установлениях: статье 124 «Понятие доказательств и их виды» и статье 125 «Допустимость доказательств»². Характерной особенностью азербайджанского законодательного подхода выступает имплементация критерия допустимости в дефинитивную норму о доказательствах: часть первая статьи 124 устанавливает, что доказательственный материал должен формироваться в соответствии с императивными предписаниями уголовно-процессуального законодательства при условии сохранения конституционно защищённых прав и свобод личности в неприкосновенности либо при их судебном-санкционированном ограничении. В то же время статья 125 УПК Азербайджана сочетает позитивное определение допустимости доказательств с перечислением конкретных оснований признания их недопустимыми. Часть вторая статьи 125 перечисляет десять конкретных

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 года (действующая редакция) // ИС КОНТИНЕНТ. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31344376 (дата обращения: 30.10.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года (действующая редакция) // Официальный сайт Государственной миграционной службы Азербайджанской Республики. URL: <https://www.migration.gov.az/content/pdf/f5875139b52568b64830edb7a3d5855d.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).

категорий нарушений, влекущих недопустимость доказательств. Анализ этого перечня через призму четырёхэлементной классификации обнаруживает следующую структуру. К первой группе нарушений, связанных с субъектами получения доказательств, азербайджанское уголовно-процессуальное законодательство относит ситуации осуществления уголовно-процессуальной деятельности по изобличению, производству следственных или иных процессуальных мероприятий субъектом, не обладающим соответствующими властными полномочиями (пункт 125.2.5), а равно вовлечение в процессуальные действия лица, которому надлежит быть устранённому от участия ввиду наличия обстоятельств, препятствующих его беспристрастности, если таковые обстоятельства являлись очевидными либо должны были быть установлены (пункт 125.2.6). Ко второй категории процессуальных дефектов, затрагивающей процессуальную форму доказательственного материала, азербайджанский УПК относит формирование доказательственной информации от субъекта, чья личность не может быть верифицирована в судебном заседании, либо от источника, не поддающегося идентификации в судебном разбирательстве (пункт 125.2.9), а равно от субъекта, не обладающего способностью идентифицировать документ или материальный объект, засвидетельствовать их аутентичность, происхождение и обстоятельства появления (пункт 125.2.8). К третьей категории процессуальных дефектов, детерминированных противоправностью способов формирования доказательств, азербайджанское уголовно-процессуальное законодательство относит достаточно развёрнутое их количество. Пункт 125.2.2 исключает процессуальную пригодность доказательств, сформированных посредством физического принуждения, устрашения, введения в заблуждение, пыточных практик и иных жестоких, бесчеловечных либо унижающих человеческое достоинство действий. Пункт 125.2.3 детерминирует процессуальную несостоятельность доказательств, собранных при умалении права на правовую помощь и процессуальных гарантий лица, не владеющего языком судопроизводства. Пункт 125.2.4 воспроизводит норму об эксплуатации ошибочного понимания субъектом своего процессуального статуса, возникшего

вследствие неинформирования либо искажённого разъяснения прав и обязанностей. Пункт 125.2.10 императивно исключает доказательства, сформированные посредством применения методов, вступающих в противоречие с современными научными воззрениями. К четвёртой категории процессуальных дефектов, обусловленных нарушением процедурных императивов формирования доказательств, относится пункт 125.2.7, детерминирующий процессуальную несостоятельность доказательств, собранных при существенных отступлениях от нормативно установленного алгоритма производства следственных или иных процессуальных действий.

Армянское уголовно-процессуальное законодательство воплощает наиболее прогрессивную в постсоветском правовом пространстве нормативную модель института допустимости доказательственного материала, аккумулируя в себе элементы как континентально-европейской доктрины, так и англо-американских правовых концепций. Армянский законодатель посвятил этому институту статью 97 «Допустимость доказательств и ограничения их использования», содержащую двенадцать частей, регламентирующих различные аспекты допустимости¹. Часть первая статьи 97 УПК Армении устанавливает: доказательственный материал, сформированный в процессе уголовного судопроизводства, в том числе представленный субъектами, не обладающими властными полномочиями, приобретает процессуальную силу при кумулятивном соблюдении трёх критериев: наличие правомерных оснований для его формирования, использование законных способов его получения и происхождение из установленных источников. Часть вторая статьи 97 устанавливает генеральную клаузулу недопустимости: доказательственная информация, сформированная при существенном отступлении от законодательных предписаний, а равно доказательственный материал, возникший вследствие процессуальных действий, осуществлённых при

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 года (действующая редакция) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: http://www.parliament.am/law_docs/27072021ZR306_ru.pdf (дата обращения: 30.10.2025).

отсутствии надлежащих правовых оснований, утрачивает процессуальную пригодность. Часть третья статьи 97 закрепляет детализированный набор случаев, которые идентифицируются в качестве существенных законодательных нарушений. Анализ этого перечня случаев через призму четырёхэлементной классификации нарушений обнаруживает следующую структуру. К первой группе нарушений, связанных с субъектами получения доказательств, относится пункт 1, устанавливающий недопустимость доказательственного материала, сформированного субъектом, не обладающим властными полномочиями для ведения конкретного уголовного судопроизводства, осуществление релевантных процессуальных действий. Данная формулировка является наиболее широкой среди рассмотренных постсоветских правовых порядков, поскольку охватывает не только нарушения подследственности и компетенции, но и отсутствие полномочия на выполнение конкретных процессуальных действий. Пункт 2 устанавливает недопустимость доказательств, сформированных при вовлечении субъекта, которому надлежит быть устранённым от участия в процессе, если данному субъекту было достоверно известно либо он при проявлении должной процессуальной осмотрительности обязан был осознавать наличие обстоятельств, исключающих своё участие. Ко второй группе нарушений, касающейся надлежащего вида доказательств, армянский законодатель относит пункт 5, устанавливающий недопустимость сведений из неизвестного источника. Лаконичность формулировки свидетельствует о восприятии этого требования как самоочевидного. К третьей группе нарушений, связанной со способами получения доказательств, относится пункт 6, устанавливающий недопустимость сведений, полученных с применением методов, противоречащих современной науке. Данная норма идентична соответствующим положениям других постсоветских УПК. Часть четвёртая статьи 97 формулирует общее правило, согласно которому процессуальную значимость при формировании доказательственного материала приобретают также дефекты, возникшие в результате преднамеренных действий либо вследствие пренебрежения фундаментальными началами уголовно-

процессуальной деятельности. К четвёртой категории процессуальных дефектов, детерминированных отступлением от процедурных императивов формирования доказательств, армянское уголовно-процессуальное законодательство относит пункт 3 части третьей статьи 97, который детерминирует процессуальную несостоятельность доказательственной информации, полученной при нарушении нормативно установленного алгоритма, закреплённого армянским УПК, при условии невозможности устранения негативных последствий посредством надлежащего производства альтернативного процессуального действия по доказыванию. Данная формулировка воплощает концепцию «исправимости процессуальных дефектов»: процедурное нарушение влечёт недопустимость только в том случае, если его последствия не могут быть устранены посредством повторного или дополнительного процессуального действия. Эта конструкция отличается от моделей, использующих критерий «существенного нарушения», тем, что вводит функциональный критерий оценки «тяжести» дефекта через призму возможности его устранения.

Пункт 4 части третьей статьи 97 содержит специфическое основание недопустимости доказательств, не имеющее прямых аналогов в других постсоветских правовых порядках: недопустимы сведения, полученные от субъекта, не обладавшего в момент производства процессуального действия официальным процессуальным статусом обвиняемого, хотя в отношении данного лица фактически реализовывались меры уголовно-процессуального преследования без надлежащего его уведомления об этом.

Кроме того, УПК Армении содержит ещё ряд специальных положений о признании доказательств недопустимости, не имеющих аналогов в других постсоветских правовых порядках. Часть пятая статьи 97 императивно устанавливает, что доказательственный материал, сформированный в нормативно определённой процедуре, утрачивает процессуальную пригодность при наличии объективных сомнений в подлинности источника информации либо в достоверности его содержания, а равно при условии происхождения такого материала от субъекта, осуществлявшего последующую процессуальную

верификацию, удостоверение либо воспроизведение фактических обстоятельств. Часть шестая статьи 97 закрепляет специализированную норму о показаниях обвиняемого: «показания, зафиксированные от обвиняемого при отсутствии адвоката, утрачивают процессуальную силу, если обвиняемый отказался от их подтверждения в судебном разбирательстве». Часть седьмая статьи 97 детерминирует, что доказательственная информация, сформированная посредством негласных оперативно-розыскных мероприятий, произведённых при отступлении от законодательно установленных требований, не может быть использована в процессе доказывания. Часть восьмая распространяет аналогичный запрет на результаты оперативно-розыскной деятельности, осуществлённой с нарушениями. Часть десятая статьи 97 содержит специальные правила об использовании непроцессуальных документов для обоснования обвинения, устанавливая временные ограничения в зависимости от категории преступления.

Уголовно-процессуальный кодекс Грузии демонстрирует достаточно оригинальный подход к регулированию вопросов допустимости доказательств, выделяющий его среди других постсоветских и закавказских правопорядков. В соответствии с частью первой статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Грузии, законодатель закрепляет общее положение, согласно которому сведения, добытые с существенным отступлением от требований закона, а равно и производные от них сведения, если их использование способно ухудшить положение обвиняемого, подлежат исключению из доказательственной базы и не могут обладать юридической силой¹. Примечательно, что первоначальная редакция части первой статьи 72 ограничивала исключение недопустимости доказательств случаями нарушения УПК Грузии. Конституционный Суд Грузии постановлением от 31 июля 2015 года № 2/2/579 признал это ограничение неконституционным, указав, что Конституция Грузии рассматривает

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 года (действующая редакция) // Портал о суде присяжных. URL: <http://jurytrial.ru/media/files/library/file895.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).

«нарушение закона» более широко, включая и другие нормативные акты, регулирующие процедуру сбора доказательств¹. После этого решения соответствующая норма была скорректирована, и в настоящее время часть первая статьи 72 оперирует понятием «существенное нарушение закона» без ограничения только УПК. Вторая часть статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Грузии вводит особое основание признания доказательств недопустимыми. Закон допускает возможность исключения из процесса доказывания даже тех доказательств, которые формально были получены при соблюдении всех процессуальных требований, если при этом сохраняется обоснованное сомнение относительно их неизменности, подлинности либо целостности. Иными словами, когда существует вероятность подмены, утраты идентифицирующих признаков или уничтожения следов, данные доказательства теряют доказательственную силу и не могут использоваться судом.

В украинском уголовном процессе институт допустимости доказательств получил детальное нормативное закрепление в статьях 86-88 УПК Украины². В статье 87 сформулирована система оснований для признания доказательств недопустимыми, построенная по критерию градации «серьёзности» допущенных нарушений. Первая часть данной нормы предусматривает исключение из доказательственной базы сведений, добытых с нарушением фундаментальных прав и свобод личности, гарантированных Конституцией Украины, национальным законодательством и ратифицированными международными договорами. Аналогичное последствие распространяется и на производные доказательства, если их получение стало результатом информации, полученной в условиях существенного посягательства на конституционные права человека. Часть вторая статьи 87 УПК Украины перечисляет конкретные случаи существенных нарушений прав человека, влекущих безусловную

¹ Решение Конституционного суда Грузии от 31 июля 2015 года № 2/2/579 по делу «Гражданин Грузии Майя Робахидзе против Парламента Грузии» // URL: <https://constcourt.ge/ka/judicial-acts?legal=1018> (дата обращения: 30.10.2025).

² Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года (действующая редакция) // ИС КОНТИНЕНТ. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения: 30.10.2025).

недопустимость доказательств. Анализ этого перечня через призму четырёхэлементной классификации обнаруживает следующую структуру. К первой группе нарушений, связанных с субъектами, относятся пункты о получении доказательств лицом, не уполномоченным или неправомочным осуществлять процессуальные действия в данном производстве, или во время осуществления процессуальных действий судом, следственным судьей, прокурором, следователем, дознавателем, подлежащим отводу (пункты 3, 4 части второй статьи 87). Украинский законодатель, таким образом, квалифицирует эти нарушения как существенные нарушения прав человека, что усиливает правовые последствия таких дефектов. Во вторую категорию процессуальных нарушений, затрагивающих вид доказательственных источников, можно отнести пункт 6 части второй статьи 87 УПК Украины. В нём закреплён запрет на использование в качестве доказательств показаний, документов и вещественных объектов, полученных в результате проведения негласных следственных действий, не предусмотренных кодексом, либо осуществлённых без судебного разрешения в ситуациях, когда такое разрешение является обязательным. Третья группа нарушений охватывает случаи, когда доказательства получаются путём существенного нарушения прав и свобод личности, гарантированных Конституцией Украины, законами и международными договорами (пункт 1 части второй статьи 87). К четвёртой группе отнесены дефекты процессуального порядка производства следственных действий: в пункте 1 той же части нормы содержится общее положение о существенном нарушении прав человека, охватывающее и процедурные отклонения, достигшие уровня, способного повлиять на справедливость процесса. В третьей части статьи 87 украинский УПК конкретизирует понятие «существенного нарушения прав человека», придавая ему самостоятельное нормативное значение, а именно таковыми являются «нарушения, которые сами по себе или в совокупности с другими нарушениями, допущенными в ходе уголовного производства, ограничили возможность лица реализовать свои права, предусмотренные УПК Украины, международными договорами, и

повлияли или могли повлиять на достоверность доказательств, полученных вследствие такого нарушения». Часть четвёртая статьи 87 дополнительно конкретизирует понятие существенного нарушения применительно к обыску жилища или другого владения лица, недопустимость доказательств в случае незаконного обыска определяется рядом специальных условий, что отражает особую конституционную защиту неприкосновенности жилища.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова в статье 94 предусмотрел подробный перечень оснований признания доказательств недопустимыми, структурированный по характеру процессуального дефекта¹. Анализ этих оснований через призму четырёхэлементной классификации нарушений обнаруживает следующую структуру. К категории нарушений, связанных с субъектами получения доказательств, отнесены случаи получения доказательственной информации лицом, не уполномоченным осуществлять процессуальные действия по делу (пункт 4 части первой), а также ситуации, когда действия совершает лицо, заведомо подлежащее отводу (пункт 5). Ко второй группе нарушений, касающейся надлежащих видов доказательств, может быть отнесён пункт 6, который исключает из доказательственной базы сведения, исходящие из источника, невозможного для проверки в судебном заседании. Дополнительную конкретизацию даёт пункт 9, указывающий на недопустимость материалов, не исследованных в установленном порядке в суде. Пункт 10, в свою очередь, касается достоверности происхождения – доказательства признаются неприемлемыми, если их представил субъект, не способный подтвердить подлинность или происхождение документа либо предмета. К третьему блоку – нарушениям, связанным со способами получения сведений, — законодатель относит целый ряд ситуаций. Так, пункт 1 части первой статьи 94 предусматривает исключение данных, добытых с применением насилия, угроз или иных форм принуждения, а также с нарушением фундаментальных прав

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года (действующая редакция) // Официальный сайт Legis.md. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=93477&lang=ru (дата обращения: 30.10.2025).

человека. Пункт 2 касается ограничений права на защиту участников процесса, а пункт 3 – нарушений права на переводчика. Дополнительно, в пункте 7 закреплён запрет на использование информации, полученной методами, противоречащими признанным научным принципам.

Примечательными специфическими основаниями признания доказательств недопустимыми, не имеющими прямых аналогов в других рассмотренных правовых порядках, являются пункты 11 и 12 части первой статьи 94. В пункте 11 статьи 94 закреплён запрет на использование сведений, добытых в результате провокационных действий со стороны должностных лиц либо иных участников процесса, а также в случаях, когда государственный орган прямо или косвенно способствовал совершению преступления или стимулировал его совершение. Пункт 12 дополняет данное положение, устанавливая, что доказательства, полученные посредством обещаний, посулов или предоставления выгод, не предусмотренных законом, признаются юридически неприемлемыми и подлежат исключению из доказательственной базы.

К группе нарушений, связанных с процессуальным порядком получения доказательств, УПК Молдовы относит случаи, когда следственные органы получают сведения с грубым отклонением от требований уголовно-процессуального закона (пункт 8 части первой статьи 94). Во второй части этой же статьи приводится нормативное разъяснение понятия «существенное нарушение». Под ним понимается такое отклонение от установленных законом правил, которое выражается в нарушении или ограничении конституционных прав участников процесса и способно оказать влияние – реальное либо потенциальное – на достоверность полученных сведений, документов или предметов.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь демонстрирует наиболее лаконичный среди постсоветских правовых порядков подход к определению нарушений, влекущих исключение недопустимых доказательств. В третьей части статьи 105 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь закреплено положение о том, что доказательственная информация

признаётся правомерной, если она получена процессуальными органами в соответствии с процедурой, установленной кодексом, и исходит из предусмотренных законом источников¹. Следующая, четвёртая часть этой статьи, устанавливает противоположное правило – доказательство подлежит исключению, когда его получение сопровождалось нарушением конституционных прав и свобод гражданина либо требований процессуального закона, в том числе в случаях ограничения прав участников уголовного судопроизводства или несоблюдения иных обязательных процессуальных норм.

Таким образом, в большинстве рассмотренных уголовно-процессуальных кодексов постсоветского пространства нормы о недопустимости доказательств позволяют выделить требования, соотносимые с четырьмя элементами анализируемой классификации: субъектом получения доказательства, процессуальным источником (видом и формой), способом получения и порядком его собирания, проверки и закрепления. При этом указанные элементы не всегда закреплены законодателем в виде самостоятельной классификации; чаще они выявляются при системном толковании норм о допустимости доказательств, а степень их детализации существенно различается.

Проведённый компаративистский анализ правопорядков стран постсоветского пространства обнаруживает ряд нормативных решений, которые могут быть учтены при обсуждении совершенствования российских оснований исключения недопустимых доказательств. Их возможное использование, однако, требует не механического заимствования, а проверки на совместимость с конструкцией статьи 75 УПК РФ, системой доказательственного права и сложившейся судебной практикой.

По нашему мнению, одно из таких решений связано с законодательным закреплением требования научной обоснованности способов получения доказательств. УПК Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Азербайджана и

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года (действующая редакция) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (Pravo.by). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900295> (дата обращения: 30.10.2025).

Армении содержат положения о недопустимости доказательств, полученных с применением методов, противоречащих современным научным знаниям или современной науке. Отечественный УПК РФ не содержит аналогичной нормы, хотя проблема научной обоснованности допустимых способов доказывания приобретает возрастающую актуальность в контексте использования новых технологий в уголовном судопроизводстве. Применение полиграфа, методик нейровизуализации, отдельных психологических техник допроса, а также некоторых экспертных методик периодически ставит перед правоприменителем вопрос о научной состоятельности и допустимости полученных результатов. Правовая ценность такого критерия состоит не в том, что он сам по себе предрешает допустимость доказательства, а в создании нормативного фильтра для тех способов получения доказательственной информации, достоверность и безопасность которых не являются очевидными для суда и сторон. Поэтому соответствующее положение могло бы быть включено в статью 75 УПК РФ как дополнительный критерий оценки способа получения доказательства, применимый прежде всего к новым, экспериментальным или научно спорным технологиям. При этом установление несоответствия метода современному уровню научных знаний не должно превращаться в обязательное назначение экспертизы по каждому делу: если методика официально утверждена, общепризнана и применена в установленной процедуре, суд и стороны оценивают соблюдение этих требований по материалам дела; экспертное заключение либо иная специальная оценка необходимы прежде всего при использовании новой, экспериментальной или научно спорной методики, а также при мотивированном споре о её надёжности. Такое решение не устраняет необходимость проверки иных элементов допустимости – надлежащего субъекта, источника доказательственной информации и порядка её получения, – но конкретизирует один из аспектов законного способа доказывания. Предложенное нормативное решение, безусловно, не исчерпывает всего спектра возможных заимствований из правопорядков стран постсоветского пространства. Однако важно подчеркнуть, что рецепция норм не должна

осуществляться механически: она требует их адаптации к системным особенностям российского уголовно-процессуального права, его концептуальным основаниям и сложившейся правоприменительной практике.

Основные выводы по итогам данного параграфа диссертации:

1. Компаративистский анализ нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, в правовых системах США, Германии, Франции и стран постсоветского пространства подтверждает не абсолютную универсальность, а сравнительно-правовую устойчивость и аналитическую применимость четырёхэлементной классификации этих нарушений (по субъектам, видам, способам и порядку получения доказательств). Сходные группы требований к допустимости доказательств выявляются в различных правовых системах, несмотря на различия в их нормативной форме, степени детализации и правовых последствиях нарушений.

2. Американская модель исключения недопустимых доказательств (*exclusionary rule*), сформированная во многом судебной практикой Верховного Суда США, воплощает конституционный подход к защите прав личности в уголовном судопроизводстве, где исключение доказательств обосновывается через доктрины судебной честности и превенции правонарушений со стороны правоохранительных органов.

3. Германская модель исходит из оценки конкретного нарушения и его последствий для справедливости процесса. Метод взвешивания интересов (*Abwägungslehre*) не предполагает автоматического исключения доказательства при каждом процессуальном дефекте. Суд сопоставляет характер нарушенной нормы, тяжесть допущенного нарушения, значение затронутого права и интерес установления истины. В этом состоит существенное отличие от буквального понимания ч. 1 ст. 75 УПК РФ как правила о безусловном исключении доказательства при любом нарушении УПК РФ.

4. Французская система процессуальных недействительностей (*nullités de procédure*) также строится на оценке последствий нарушения. Разграничение абсолютных и относительных недействительностей и применение критерия

причинения ущерба стороне (*grief*) показывают, что исключение доказательства рассматривается не как самоцель, а как способ защиты справедливости разбирательства и прав участников процесса.

5. Уголовно-процессуальные кодексы ряда постсоветских государств не воспроизводят четырехэлементную классификацию в готовом виде. Вместе с тем содержащиеся в них нормы позволяют анализировать основания недопустимости через субъект получения доказательственной информации, ее процессуальный источник, способ получения и порядок производства соответствующего действия. Это подтверждает эвристическую ценность данной классификации как инструмента сравнительно-правового анализа, а не как непосредственно закреплённой во всех кодексах нормативной конструкции.

6. Сравнительно-правовое исследование обнаруживает три основных вектора дифференциации правового регулирования нарушений, влекущих исключение недопустимых доказательств, между зарубежными системами: степень формализации требований к доказательственной деятельности, целевое обоснование правил исключения доказательств, правовые последствия нарушений.

7. Законодательное закрепление в статье 75 УПК РФ требования научной обоснованности способов получения доказательств с учётом рассмотренного постсоветского опыта может рассматриваться как одно из направлений совершенствования российского регулирования допустимости доказательств. Его правовая ценность – в создании нормативного фильтра для новых или научно спорных технологий (полиграфа, нейровизуализации, психологических техник допроса). Критерий должен применяться вместе с проверкой иных элементов допустимости и опираться на утверждённые методики, правила и стандарты применения соответствующего метода, а при необходимости — на специальную, в том числе экспертную, оценку его научной состоятельности.

Глава 2. Виды нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств

§ 2.1. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с субъектами получения доказательств

В предыдущей главе нашего диссертационного исследования была обоснована четырёхэлементная классификация нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, построенная по структуре доказательственной деятельности: нарушения требований к субъекту получения доказательств, к виду доказательств, к способам их получения и к порядку производства следственных и иных процессуальных действий. Компаративистский анализ показал сравнительно-правовую устойчивость и аналитическую применимость данной классификационной модели, а также её способность описывать сходные группы требований к допустимости доказательств в различных правовых системах. Соответственно, вторая глава диссертации будет посвящена детальному рассмотрению каждого из четырёх элементов этой классификации применительно к российскому уголовному процессу, с выявлением сущности конкретных видов нарушений, их правовой природы, последствий и проблем правоприменения.

Анализ нарушений, связанных с субъектами получения доказательств, требует предварительного уточнения самого используемого понятия. В настоящем параграфе субъект получения доказательства понимается не как любой участник доказывания, а как лицо или орган, чьими процессуальными действиями доказательственная информация вводится в уголовное судопроизводство и закрепляется в предусмотренной УПК РФ форме. В более широком смысле такие лица входят в круг субъектов доказывания, однако для оценки допустимости решающее значение имеет наличие предусмотренного законом процессуального основания для участия лица в получении,

представлении или оформлении конкретного доказательства: для властных субъектов это выражается в компетенции и полномочии по делу, для иных участников – в их процессуальном статусе и связи с рассматриваемым доказательственным действием. Поэтому субъектный дефект предшествует иным группам нарушений: если доказательство получено лицом, которое не вправе совершать соответствующее действие по данному делу, нарушение затрагивает саму правовую форму появления доказательства. Вместе с тем этот вывод не означает автоматического исключения доказательства при любом организационном или ведомственном недостатке; правовое значение имеет связь дефекта с процессуальным основанием участия лица в получении доказательства и с гарантиями прав участников уголовного судопроизводства.

Для понимания природы нарушений, связанных с субъектами получения доказательств, необходимо исходить из понятия «надлежащий субъект». Действующий УПК РФ не формулирует его в виде самостоятельной дефиниции, однако содержание данного понятия может быть реконструировано из системного анализа норм, регулирующих полномочия следователя, дознавателя, органа дознания и суда, правила принятия дела к производству, подследственности и подсудности, отвода, а также судебного санкционирования отдельных действий. Надлежащим субъектом получения доказательств является лицо или орган, который: *во-первых*, обладает процессуальным статусом, предполагающим право на получение, представление или закрепление доказательственной информации; *во-вторых*, имеет надлежащую процессуальную связь с конкретным уголовным делом, выраженную в полномочии, поручении, процессуальном допуске либо ином предусмотренном УПК РФ основании участия; *в-третьих*, не подлежит отводу в связи с обстоятельствами, исключающими участие в производстве по делу; *в-четвёртых*, вправе совершить именно то следственное, судебное или иное процессуальное действие, посредством которого получается доказательство. Отсутствие одного из названных признаков не следует автоматически приравнивать к недопустимости доказательства. Однако такое обстоятельство

требует самостоятельной проверки: был ли у соответствующего лица законный процессуальный статус и полномочие на получение именно этой доказательственной информации, а также повлияло ли нарушение на права участников и возможность последующей проверки доказательства.

С учётом этих критериев можно выделить четыре группы субъектных нарушений. Первая охватывает случаи, когда сведения получены лицом, вообще не обладающим необходимым уголовно-процессуальным статусом. Вторая связана с ситуациями, когда лицо имеет общий процессуальный статус, но не наделено полномочиями применительно к конкретному уголовному делу: например, дело не принято к производству, отсутствует поручение либо иное законное основание участия в соответствующем действии. Третью группу образуют случаи, когда субъект подлежит отводу или имеются обстоятельства, ставящие под сомнение его беспристрастность и возможность участия в производстве по делу. Четвёртая группа касается выхода субъекта за пределы своей функциональной компетенции при совершении конкретного процессуального действия.

Первая группа нарушений – получение доказательств лицом, не обладающим процессуальным статусом субъекта доказывания – представляет собой наиболее очевидный и бесспорный уголовно-процессуальный дефект.

Первая группа нарушений связана с получением доказательств лицом, не обладающим требуемым уголовно-процессуальным статусом. Речь идёт о ситуациях, когда доказательственная информация фактически получена или закреплена лицом, которое в силу закона не вправе выступать субъектом соответствующего процессуального действия. Такой дефект имеет принципиальное значение не потому, что формальный статус сам по себе обладает доказательственной ценностью, а потому, что доказывание в уголовном процессе является публично-правовой деятельностью, допускаемой только в установленной законом форме. Субъект получения доказательства в этом смысле является не просто носителем познавательных способностей, а процессуально уполномоченным лицом, действия которого создают

предусмотренный законом способ введения сведений в уголовное судопроизводство.

Более того, надлежащий субъект доказывания является носителем процессуальных компетенций, обеспечивающих гарантии прав участников уголовного судопроизводства. К примеру, следователь и дознаватель обязаны разъяснять права допрашиваемым лицам, предупреждать свидетелей и потерпевших об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, обеспечивать участие защитника в случаях, предусмотренных УПК РФ, соблюдать иные уголовно-процессуальные гарантии. Лицо, не обладающее процессуальным статусом субъекта доказывания, не обладает этими компетенциями и не может обеспечить соблюдение процессуальных гарантий, что само по себе создаёт неустранимый порок в процедуре получения доказательственной информации.

Когда сведения об обстоятельствах уголовного дела получены лицом, не обладающим процессуальным статусом субъекта доказывания, они не приобретают качества допустимого уголовно-процессуального доказательства вне зависимости от их содержательной достоверности. Как справедливо отмечается в современной отечественной доктрине, процессуальный статус субъекта получения доказательств неразрывно связан с процессуальной формой доказательства, и отсутствие надлежащего субъекта разрушает эту форму, лишая информацию доказательственного значения¹.

¹ См.: Мальцагов И.Д., Увайсаева М.А.-В., Хадиев А.А. Получение доказательств в уголовном процессе надлежащим субъектом как условие его допустимости // Вестник Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова. 2022. Т. 27, № 3. С. 147-150; Ахмедов У.Н. Типовые проблемы допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 4. С. 204-210; Винокуров Э.А., Ю.А. Ковтун. Отдельные проблемы оценки допустимости и достоверности доказательств по уголовным делам // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 1. С. 131-136; Есина А.С., Чиковани М.А. К вопросу об оценке доказательств на наличие свойства допустимости в ходе предварительного расследования // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 160-163; Брянская Е.В. К вопросу о критериях оценки допустимости и недопустимости доказательств по уголовному делу // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 88-100.

Обратимся к конкретным разновидностям этой группы нарушений. Прежде всего, к данной категории нарушений относятся случаи, когда действия по собиранию доказательственной информации производятся сотрудниками органов, не входящих в систему органов предварительного расследования, или лицами, которым уголовно-процессуальный закон вообще не предоставляет властных полномочий в сфере уголовного судопроизводства.

Наиболее распространённым примером такого нарушения является производство действий, по форме напоминающих следственные, оперативными сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Оперативный сотрудник, не имеющий процессуального статуса следователя или дознавателя по конкретному уголовному делу, если производит действия, оформляя их результаты как протоколы следственных действий, создаёт процессуально ничтожные документы. Полученные таким образом сведения являются недопустимыми доказательствами, поскольку собраны ненадлежащим субъектом.

Оперативный сотрудник может участвовать в следственном действии по поручению следователя или дознавателя в качестве лица, оказывающего содействие, например при обеспечении безопасности, доставлении участников, применении технических средств. Кроме того, лицо, являющееся оперативным сотрудником, может быть привлечено не в этом служебном качестве, а в отдельном процессуальном статусе специалиста по смыслу ст. 58 УПК РФ, если оно обладает специальными знаниями и содействует обнаружению, закреплению или изъятию предметов и документов. Однако ни в одном из этих случаев оперативный сотрудник не замещает следователя или дознавателя как субъекта, производящего следственное действие. Доказательство возникает не из самостоятельной процессуальной деятельности оперативного сотрудника, а из действия надлежащего должностного лица, в рамках которого его помощь получает процессуальную форму.

Другая ситуация возникает, когда действия по собиранию доказательственной информации совершаются должностными лицами иных

государственных органов, не обладающих статусом органов предварительного расследования. В частности, ст. 151 УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень органов, уполномоченных на производство предварительного следствия и дознания. Должностные лица органов, не входящих в этот перечень, не вправе производить следственные действия по уголовным делам. Следует, однако, учитывать, что отдельные государственные органы наделены полномочиями органов дознания по определённым категориям уголовных дел на производство неотложных следственных действий. Так, согласно п. 3 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, таможенные органы Российской Федерации вправе возбудить уголовное дело и провести неотложные следственные действия. Однако полномочия по производству других следственных и иных процессуальных действий в рамках одного и того же уголовного дела возникают у конкретного должностного лица таможенного органа только после надлежащего оформления его процессуального статуса дознавателя. Если сотрудник таможенного органа, не наделённый в установленном порядке процессуальным статусом дознавателя, производит в дальнейшем следственные действия по уголовному делу, такие действия являются процессуально ничтожными, а полученные результаты – недопустимыми доказательствами.

Особую разновидность первой группы составляют случаи, когда лицо ранее обладало соответствующим процессуальным статусом, но утратило его к моменту получения доказательства. Такая ситуация может иметь место при увольнении, переводе на должность, не предполагающую осуществления предварительного расследования, прекращении полномочий судьи. Практически подобные случаи чаще проявляются как пограничные или организационно скрытые дефекты, однако с точки зрения допустимости доказательства ключевым остаётся не прежний статус лица, а наличие полномочий именно в момент совершения процессуального действия. Если лицо после утраты статуса продолжает фактически проводить следственные или судебные действия,

полученные результаты не могут рассматриваться как доказательства, полученные надлежащим субъектом.

К этой же категории нарушений могут быть отнесены ситуации, когда следственные действия производятся лицом, чьи процессуальные полномочия приостановлены в установленном УПК РФ порядке. В частности, прокурор, руководитель следственного органа вправе в определённых случаях отстранить следователя или дознавателя от участия в производстве расследования. Если отстранённое лицо продолжает производить следственные действия, оно действует без надлежащих процессуальных полномочий, что влечёт недопустимость полученных доказательств.

Более сложной является ситуация временного приостановления полномочий или отстранения должностного лица от исполнения обязанностей. Если следователь или дознаватель временно отстранён от должности, находится под служебным запретом на ведение конкретного дела или его полномочия приостановлены в установленном порядке, он не вправе осуществлять действия по получению и закреплению доказательственной информации, включая производство следственных и иных процессуальных действий. В административной практике временное отстранение от должности означает запрет на исполнение служебных обязанностей на соответствующий период¹.

¹ Речь идёт о законодательстве, регулирующем прохождение службы в соответствующих ведомствах (МВД, СКР, ФСБ, и т.п.), так как именно эти нормативные акты определяют момент приостановления властных полномочий сотрудника. См., например: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 73) // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/3e18b5edfba44f2c422dd879568307860fb027f4/ (дата обращения: 15.01.2026); Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (ст. 29; ст. 28) // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения: 15.01.2026); Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 71) // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334479/c9046e412e764a5adf5844d74d89c79a4d8d9d48/ (дата обращения: 15.01.2026); Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 32) // КонсультантПлюс: URL:

При нарушении такого запрета возникает дефект субъекта, поскольку лицо формально сохраняет должность, но лишено возможности реализовывать связанные с ней процессуальные полномочия.

Отдельного внимания заслуживают случаи участия в производстве по уголовному делу так называемых «официальных помощников» должностных лиц органов предварительного расследования (когда в качестве таких помощников привлекаются студенты-практиканты юридических вузов, либо лица, проходящие стажировку в органах предварительного расследования). Если эти лица не наделены в установленном законом порядке процессуальным статусом следователя или дознавателя, они не вправе самостоятельно производить следственные действия, и любые доказательства, которые оказались бы получены ими, являются недопустимыми.

Особый случай представляет собой участие в производстве следственных действий лиц, наделённых статусом стажёров. Статус стажёра в органах предварительного расследования не предусмотрен действующим УПК РФ как самостоятельный уголовно-процессуальный статус. Соответственно, стажёр не вправе самостоятельно производить следственные действия и собирать доказательства. Он может лишь присутствовать при производстве следственных действий, осуществляемых следователем или дознавателем, в качестве обучающегося лица. Если стажёр фактически производит следственное действие (например, проводит осмотр места происшествия, допрашивает свидетеля), а следователь или дознаватель лишь присутствует при этом, то формально такое действие является ничтожным, а полученные доказательства – недопустимыми, поскольку фактическим субъектом получения доказательства выступает лицо, не обладающее соответствующим уголовно-процессуальным статусом.

Наконец, к рассматриваемой категории нарушений относятся случаи участия в производстве по уголовному делу лиц, выдающих себя за должностных лиц органов предварительного расследования. Такие ситуации,

хотя и крайне редки на практике, но теоретически возможны. Очевидно, что доказательства, полученные лицом, не имеющим никакого отношения к органам предварительного расследования, но выдающим себя за следователя или дознавателя, являются недопустимыми. Более того, действия такого лица могут образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ или иных преступлений против правосудия.

Требуется отдельно оговорить, что изложенная логика применима не только к субъектам доказывания на досудебных стадиях, но и к суду как субъекту доказывания в судебном производстве, поскольку именно суд осуществляет судебные действия и формирует допустимую доказательственную основу в рамках строго «процессуализированной» публично-правовой деятельности. В судебных стадиях формализация доказывания проявляется, в частности, в том, что получение доказательственной информации опосредуется судебными действиями, результаты которых закрепляются в предусмотренной УПК РФ форме и приобретают юридическое значение лишь при условии их совершения надлежащим субъектом – судом (судьёй) в пределах его полномочий. Отсюда следует, что любые действия, по внешней форме напоминающие судебные, не могут порождать допустимые доказательства, если они совершены лицом, не обладающим действующим статусом судьи и полномочиями по осуществлению правосудия. Прекращение полномочий судьи влечёт утрату самого статуса судьи, а значит – утрату публично-правовой компетенции на совершение судебных действий в рамках отправления правосудия; соответствующие основания прекращения полномочий закреплены в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации»¹. Следовательно, если лицо после прекращения полномочий (например, после отставки либо досрочного прекращения полномочий) продолжает участвовать в рассмотрении уголовного дела и/или совершает судебные действия по непосредственному исследованию

¹ См.: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 15.01.2026).

доказательств, то такие действия совершаются ненадлежащим субъектом и не могут придавать полученной (зафиксированной) информации качество допустимого доказательства.

Особого внимания заслуживают ситуации, когда полномочия судьи формально не прекращены, но участие конкретного судьи в производстве по уголовному делу законом исключено. Так, УПК РФ устанавливает запрет повторного участия судьи в рассмотрении одного и того же уголовного дела (ст. 63 УПК РФ). В таких ситуациях дефект затрагивает саму легитимность субъекта доказывания применительно к данному уголовному делу, а потому любые судебные действия по непосредственному исследованию доказательств, совершённые судьёй при наличии предусмотренного УПК РФ запрета на участие, концептуально соотносимы с получением доказательственной информации ненадлежащим субъектом (поскольку судья не вправе выступать субъектом доказывания именно по этому уголовному делу).

Также необходимо подчеркнуть, что участие в судебном разбирательстве работников аппарата суда (секретаря судебного заседания, помощника судьи и иных работников) само по себе не трансформирует их в субъектов доказывания: они обеспечивают организацию и фиксацию уголовно-процессуальной деятельности, но не подменяют суд в осуществлении судебных действий по непосредственному исследованию доказательств. Поэтому любые попытки фактической «делекации» судебных полномочий по получению доказательственной информации лицам, не являющимся судьями, должны рассматриваться как получение доказательства ненадлежащим субъектом, влекущее утрату процессуальной формы и, как следствие, недопустимость соответствующих результатов вне зависимости от их фактической достоверности.

Вторая группа нарушений связана с отсутствием надлежащей процессуальной связи с конкретным уголовным делом у лица, которое в целом обладает необходимым уголовно-процессуальным статусом. В отношении властных субъектов это проявляется в отсутствии компетенции, принятия дела к

производству, поручения либо иного законного основания действовать по данному делу, эпизоду, лицу или материалу. В отношении невластных участников речь идёт о случаях, когда лицо формально относится к участникам уголовного судопроизводства, но не допущено или не привлечено к конкретному процессуальному действию в предусмотренном УПК РФ порядке. Такой дефект можно обозначить как отсутствие индивидуализированного процессуального основания участия в получении доказательства.

Эту группу составляют нарушения, связанные с выходом субъекта доказывания за пределы своей компетенции, определённой правилами о подследственности, подсудности и предметной компетенции органов предварительного расследования и судов. В отличие от первой категории нарушений, здесь субъект доказывания обладает процессуальными полномочиями в принципе, но не вправе производить следственные или судебные действия по данному конкретному уголовному делу в силу того, что оно не подсудно или не подследственно данному органу или должностному лицу.

Вместе с тем, законодатель и правоприменительная практика исходят из того, что нарушение правил подследственности само по себе не образует безусловного основания недопустимости доказательств. УПК РФ предусматривает ситуации, когда субъект, которому уголовное дело в целом не подследственно, тем не менее временно наделяется полномочиями по собиранию доказательственной информации. Так, орган дознания вправе возбудить уголовное дело и произвести неотложные следственные действия при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно; по окончании таких действий уголовное дело подлежит направлению руководителю следственного органа для организации дальнейшего расследования в пределах надлежащей подследственности. В этих случаях доказательства, полученные в рамках законно осуществлённых неотложных следственных действий, не утрачивают допустимости ввиду нарушения правил

подследственности, поскольку компетенция органа дознания прямо вытекает из УПК РФ.

Аналогично, при возбуждении и производстве расследования следователем при соблюдении правил подследственности исходя из имеющихся на тот момент данных, последующее изменение уголовно-правовой квалификации, повлекшее отнесение уголовного дела к подследственности иного органа, не влечёт автоматического признания недопустимыми доказательств, полученных ранее, поскольку на момент их собирания должностное лицо действовало в пределах предоставленных полномочий. В то же время, на наш взгляд, если следователь либо дознаватель заведомо осуществляет следственные действия по уголовному делу, не подследственному его органу, при отсутствии предусмотренных УПК РФ оснований (в частности, вне режима неотложных следственных действий), полученные сведения подлежат оценке с позиции ст. 75 УПК РФ как доказательства, полученные с нарушением требований закона, и должен ставиться вопрос об их исключении.

Особого внимания заслуживает позиция Верховного Суда РФ, изложенная в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам от 17 декабря 2020 г. № 41-УД20-27-К4. В данном деле суд указал, что сведения, полученные следователем по событию, по которому уголовное дело не было возбуждено, не могли использоваться как доказательства по обвинению в этом преступлении¹. Данный пример относится прежде всего не к подследственности в узком смысле, а к более общей проблеме процессуальной компетенции субъекта применительно к конкретному факту обвинения: даже лицо, обладающее статусом следователя и ведущее уголовное дело, не вправе собирать доказательства по эпизоду, который не введён в производство в установленной законом форме. Поэтому при обращении к правилам подследственности и

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2020 № 89-УДП20-10 // LegalActs: законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17122020-n-89-udp20-10/> (дата обращения: 15.01.2026).

подсудности необходимо проводить различие между техническим нарушением распределения дел и таким дефектом компетенции, который фактически лишает субъект полномочия получать доказательства по конкретному обвинению. Недопустимость доказательства в подобных ситуациях должна связываться не с формальной ошибкой как таковой, а с существенным, осознанным или повлиявшим на права защиты нарушением установленной процессуальной формы.

С этой точки зрения институт неотложных следственных действий не должен толковаться расширительно. Он допускает временное отступление от обычных правил подследственности лишь при наличии предусмотренных законом условий и лишь в объёме, необходимом для сохранения доказательственной информации. Если же должностное лицо сознательно продолжает расследование дела вне своей компетенции без признаков неотложности и без последующей передачи дела надлежащему органу, такое поведение может свидетельствовать уже не о допустимом исключении, а о существенном нарушении правил о субъекте получения доказательств. В этом случае вопрос о допустимости должен решаться с учётом характера нарушения, его влияния на процессуальные гарантии и возможности проверки полученных сведений.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о делегировании полномочий посредством поручения. Уголовно-процессуальный закон (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, ч. 1 ст. 152 УПК РФ) наделяет следователя правом поручить производство следственных или оперативно-розыскных действий органу дознания, а в случае необходимости производства действий вне места расследования – соответствующему следователю или органу дознания. Лицо, исполняющее такое поручение, временно приобретает процессуальный статус субъекта получения доказательств по конкретному уголовному делу. Однако объём его полномочий строго лимитирован содержанием самого поручения. С точки зрения законодательной логики, поручение выступает единственным правовым основанием легитимации действий данного должностного лица по

чужому (для него) уголовному делу. Такой же критерий применим при производстве отдельных действий с использованием видео-конференц-связи: если фактическое получение и фиксация сведений осуществляются следователем-исполнителем по поручению, именно поручение и его пределы определяют надлежащий объём его субъектных полномочий. Следовательно, произвольный выход исполнителя за пределы поручения – например, проведение допросов лиц, не указанных в поручении, или производство обыска вместо порученной выемки – означает, что соответствующие действия совершены лицом, не уполномоченным на их производство. Поэтому доказательства, полученные в результате такого «эксцесса исполнителя», подлежат признанию недопустимыми как собранные ненадлежащим субъектом, за исключением случаев, когда УПК РФ прямо разрешает производство сопутствующего следственного действия без отдельного решения (например, личный обыск при задержании или обыске жилища).

Третья группа нарушений охватывает ситуации получения доказательств лицом, подлежащим отводу. Теоретическое обоснование связи между институтом отвода и допустимостью доказательств представляется более сложным по сравнению с нарушениями первых двух групп. Если в предыдущих случаях процессуальный дефект носит объективный характер и не зависит от фактического содержания полученной информации, то применительно к нарушениям, связанным с субъектным составом, следует констатировать иную природу порока доказательства.

Полагаем, что догматическое обоснование недопустимости доказательств, полученных лицом, подлежащим отводу, базируется на признании того, что процесс формирования доказательства неразрывно связан с деятельностью конкретного должностного лица, осуществляющего следственные или судебные действия. Поэтому, например, заинтересованность субъекта доказывания в исходе уголовного дела создаёт объективную предпосылку для искажения процесса познания обстоятельств совершённого преступления, что влечёт утрату доказательств свойства допустимости. Вместе с тем, наличие оснований для

отвода само по себе не означает, что субъект доказывания действительно действовал пристрастно; УПК РФ исходит из презумпции невозможности гарантировать объективность должностного лица при наличии обстоятельств, порождающих сомнения в его беспристрастности.

Показательным в этом отношении является определение Верховного Суда РФ от 23 мая 2024 г. № 53-УДП24-10-К8¹. В нём Суд оценивал довод о недопустимости доказательств, полученных следователем, который ранее подал рапорт об оскорблении его тем же лицом. Верховный Суд пришёл к выводу, что сама по себе подача такого рапорта не свидетельствовала о заинтересованности следователя в исходе другого уголовного дела, находившегося в его производстве². Значение данного примера состоит в том, что основание отвода должно быть связано именно с рассматриваемым делом и с возможностью влияния личного интереса на получение доказательств. Иначе говоря, не всякий конфликт между участником процесса и должностным лицом автоматически превращается в субъектный дефект.

Пленум Верховного Суда РФ также ориентирует суды на необходимость конкретной проверки доводов о недопустимости доказательств. В постановлении от 19 декабря 2017 г. № 51 указано, что ходатайство об исключении доказательства должно содержать указание на конкретное доказательство и основания его исключения, а суд обязан проверить приведённые доводы³. Хотя данное разъяснение не формулирует специального правила об отводе следователя, оно задаёт общий стандарт судебной проверки: заявитель должен показать, какое именно обстоятельство исключало участие субъекта и как оно связано с получением конкретного доказательства. При

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.05.2024 № 53-УДП24-10-К8 // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/409315720/> (дата обращения: 16.01.2026).

² Там же.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 7) // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71836922/> (дата обращения: 16.01.2026).

разрешении вопроса об отводе суду недостаточно ограничиться тем, что соответствующее заявление было подано или что формально указано на возможный конфликт. Необходимо установить, связано ли названное обстоятельство с производством конкретного следственного или иного процессуального действия и могло ли оно реально сказаться на беспристрастности лица, получавшего либо оформлявшего доказательственную информацию¹.

Поэтому применительно к относительным основаниям отвода значение имеет не сама по себе абстрактная связь лица с участниками дела или обстоятельствами расследования, а ее влияние на конкретную доказательственную ситуацию. Если такое обстоятельство не затрагивает предмет расследования, содержание процессуального действия и положение его участников, оно не должно автоматически приводить к признанию доказательства недопустимым. Иная оценка требуется тогда, когда личная, служебная или иная заинтересованность создает реальный риск влияния на получение, фиксацию либо последующую оценку сведений. В этом случае участие соответствующего лица нарушает требование надлежащего субъекта получения доказательства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о временных границах недопустимости доказательств, полученных субъектом, подлежащим отводу. УПК РФ прямо не определяет, с какого момента доказательства, полученные таким лицом, должны признаваться недопустимыми. Для решения этого вопроса необходимо различать три момента: фактическое возникновение обстоятельства, исключающего участие лица в деле; момент, когда это обстоятельство стало известно или было процессуально установлено; и момент формального разрешения заявления об отводе. Постановление об отводе не создаёт само основание отвода, а лишь подтверждает или процессуально фиксирует уже существующее обстоятельство. Поэтому если основание существовало до начала участия лица в деле, дефект может распространяться на все полученные им

¹ Там же.

доказательства. Если же обстоятельство возникло позднее, например должностное лицо приобрело статус свидетеля, потерпевшего или иным образом оказалось лично заинтересованным именно в данном уголовном деле, оценке подлежат прежде всего доказательства, полученные после возникновения такого обстоятельства. Сам по себе факт подачи сообщения о преступлении или рапорта не во всех случаях является основанием отвода; значение имеет то, создаёт ли он личную заинтересованность в исходе данного дела. Представляется, что законодательство должно закрепить более определённые критерии определения момента возникновения субъектного дефекта при отводе, чтобы исключить как необоснованное сохранение доказательств, полученных заинтересованным лицом, так и чрезмерное распространение последствий отвода на доказательства, полученные до возникновения соответствующих обстоятельств¹.

Четвёртая группа нарушений объединяет случаи, когда лицо, уполномоченное на производство по уголовному делу, совершает процессуальное (следственное или судебное) действие, выходящее за пределы его функциональной компетенции. Эта группа нарушений отличается от предыдущих тем, что здесь дефект связан не с субъектом как таковым, а с соотношением между статусом субъекта и характером совершаемого им действия. Теоретическим основанием этой группы нарушений служит концепт разделения уголовно-процессуальных функций. УПК РФ разграничивает полномочия различных участников уголовного судопроизводства, устанавливая для каждого из них специфический круг процессуальных действий, которые он вправе совершать. Выход за пределы этого круга представляет собой нарушение процессуальной формы, влекущее недопустимость полученных результатов.

Наиболее характерным примером нарушений данной группы является производство следственных действий, требующих судебного решения, без получения такового. Статья 29 УПК РФ устанавливает перечень следственных действий, производство которых допускается только на основании судебного решения. Следователь или дознаватель, производящий такие действия без

¹ См.: Приложение № 1.

судебного решения (за исключением случаев, не терпящих отлагательства, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ), выходит за пределы своей функциональной компетенции.

Здесь важно подчеркнуть различие между полномочиями следователя и суда в контексте доказывания. Следователь уполномочен на производство следственных действий, однако в случаях, когда эти действия затрагивают конституционные права граждан, их производство требует предварительной судебной санкции. Судебное решение в данном случае выступает не просто формальным условием законности действия, но гарантией защиты прав личности от произвольного вторжения государственной власти. Игнорирование этой гарантии влечёт недопустимость полученных доказательств как полученных с нарушением конституционных прав граждан.

Другим примером нарушений четвёртой группы является совершение дознавателем действий, отнесённых УПК РФ к исключительной компетенции следователя, либо совершение процессуальных действий без требуемых УПК РФ согласований с вышестоящими должностными лицами. Дознаватель обладает меньшей процессуальной самостоятельностью по сравнению со следователем: согласно ч. 4 ст. 41 УПК РФ, дознаватель обязан выполнять письменные указания начальника органа дознания и прокурора. Статья 223 УПК РФ устанавливает, что продление срока дознания осуществляется прокурором. Соответственно, производство дознавателем процессуальных действий за пределами установленного срока без его надлежащего продления прокурором влечёт процессуальную дефектность соответствующих действий и недопустимость полученных доказательств. Аналогично, выполнение дознавателем действий, требующих согласия прокурора (например, возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу без согласования с прокурором), представляет собой нарушение процессуальной формы, свидетельствующее о несоблюдении установленного УПК РФ порядка участия субъектов уголовного судопроизводства.

Наконец, к четвёртой группе следует отнести ситуации, когда субъект выходит за пределы своей функциональной компетенции. Такой выход может проявляться, например, в производстве следственного действия без требуемого судебного решения, в совершении дознавателем действия, отнесённого законом к полномочиям следователя, либо в получении доказательства судом за пределами предоставленных ему процессуальных полномочий. Кассационные суды при оценке подобных ситуаций исходят из того, что существенные дефекты компетенции субъекта способны повлечь признание доказательств недопустимыми, особенно когда нарушение затрагивает конституционные гарантии личности или лишает участников возможности эффективной процессуальной защиты¹. Тем самым функциональная компетенция выступает самостоятельным элементом надлежащего субъекта получения доказательств.

Основные выводы по итогам данного параграфа:

1. Нарушения, связанные с субъектом получения доказательств, имеют самостоятельное значение в системе оснований недопустимости. Они затрагивают не только последующую оценку достоверности сведений, но и саму правовую форму их появления в уголовном процессе. Вместе с тем субъектный дефект должен оцениваться не формально, а через вопрос о том, имело ли лицо реальное процессуальное основание получить, представить или закрепить конкретное доказательство и были ли затронуты гарантии участников уголовного судопроизводства.

2. Понятие надлежащего субъекта получения доказательств выводится из системного анализа норм УПК РФ и подтверждается судебной практикой, в которой разграничиваются технические нарушения распределения полномочий и существенные дефекты компетенции. Надлежащий субъект должен одновременно обладать общим процессуальным статусом, надлежащей процессуальной связью с конкретным делом, отсутствием обстоятельств,

¹ См.: Обзор практики кассационных судов общей юрисдикции о признании доказательств недопустимыми (2024-2025 гг.) / ФПА РФ // Федеральная палата адвокатов РФ: сайт. URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-o-priznanii-dokazatelstv-2024-2025/> (дата обращения: 16.01.2026).

исключающих участие, и функциональной компетенцией на совершение конкретного действия.

3. На этой основе нарушения, связанные с субъектами получения доказательств, могут быть классифицированы на четыре группы: получение доказательства лицом, не имеющим необходимого процессуального статуса; получение доказательства лицом, обладающим общим статусом, но не имеющим надлежащей процессуальной связи с данным делом; получение доказательства лицом, подлежащим отводу; получение доказательства субъектом, вышедшим за пределы функциональной компетенции. Такая классификация позволяет точнее определить, какое именно звено процессуального полномочия нарушено.

4. Получение доказательств лицом, не обладающим процессуальным статусом, представляет наиболее выраженную форму субъектного дефекта. К ней относятся случаи самостоятельного производства процессуальных действий оперативными сотрудниками, иными государственными органами, помощниками, стажёрами или лицами, утратившими соответствующие полномочия, когда их участие не получает предусмотренной законом процессуальной формы.

5. Нарушения, связанные с отсутствием надлежащей процессуальной связи с конкретным делом, требуют дифференцированной оценки. Не всякое нарушение правил подследственности или подсудности автоматически исключает доказательство. Решающим является то, привело ли нарушение к фактическому отсутствию законного основания участвовать в получении или оформлении доказательства по конкретному обвинению, было ли оно существенным и затронуло ли права участников процесса.

6. Участие субъекта, подлежащего отводу, образует дефект допустимости лишь при наличии связи между соответствующим обстоятельством и конкретной доказательственной деятельностью. При этом необходимо различать момент возникновения основания отвода, момент его выявления и момент формального процессуального решения, поскольку именно от этого зависит

объём доказательств, на которые распространяются последствия субъектного дефекта.

7. Выход субъекта за пределы функциональной компетенции показывает, что наличие общего статуса и процессуальной связи с делом ещё не означает права совершать любое доказательственное действие. Допустимость доказательства зависит также от соблюдения специального порядка получения соответствующего вида сведений, включая судебное санкционирование, пределы полномочий дознавателя, следователя и суда, а также процессуальные гарантии участников.

§ 2.2. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с видами доказательств

Анализ нарушений, связанных с субъектами получения доказательств, проведённый в предыдущем параграфе, показал, что допустимость доказательства зависит не только от полномочий лица, получающего доказательственную информацию. Следующим самостоятельным элементом проверки выступает вид доказательства, то есть предусмотренный УПК РФ процессуальный источник, посредством которого сведения вводятся в уголовное судопроизводство. Именно в этом значении термин «вид доказательства» используется в настоящем параграфе. Его нельзя отождествлять со всей процессуальной формой доказательства: процессуальная форма шире и включает также субъекта, способ получения, порядок производства действия и правила фиксации. Поэтому нарушения, связанные с видом доказательства, охватывают не любой дефект процессуальной формы, а прежде всего случаи использования ненадлежащего источника либо деформации нормативной модели источника, прямо названного в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Российская законодательная модель института доказательств исходит из закрытого перечня процессуальных источников доказательственной информации. Часть 2 статьи 74 УПК РФ относит к видам доказательств

показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы. Иными словами, законодатель связывает доказательственное значение сведений не просто с их фактической относимостью к делу, а с включением этих сведений в один из предусмотренных законом источников. Такой источник обеспечивает проверяемость происхождения информации, определяет круг специальных правил её получения и фиксации, а также задаёт гарантии, позволяющие участникам процесса оспаривать и оценивать соответствующее доказательство.

Закрытый перечень видов доказательств в ч. 2 ст. 74 УПК РФ закономерно вызывает дискуссию о пределах гибкости доказательственного права. Сторонники закрытого перечня указывают, что он обеспечивает правовую определённость, предсказуемость правоприменения и препятствует произвольному расширению доказательственной базы за счёт непроверяемых источников информации¹. Оппоненты, напротив, полагают, что такая модель может создавать излишнюю ригидность и затруднять использование новых носителей информации, возникающих в результате технологического развития². Для целей настоящего исследования этот спор важен постольку, поскольку показывает: новый носитель информации сам по себе не образует новый вид доказательства. Он должен быть соотнесён с одним из процессуальных источников, названных в УПК РФ, чаще всего с категорией «иные документы», вещественными доказательствами либо протоколами процессуальных действий.

Категория «иные документы» действительно выполняет адаптационную функцию, позволяя включать в уголовное судопроизводство сведения,

¹ См.: Терехин В.В., Шевченко О.А. О нормативно-правовой конструкции допустимости доказательств и возможности ее совершенствования в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 131-136.

² См.: Костенко Р.В. Допустимость надлежащих процессуальных источников доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2015. № 3 (20). С. 348-356; Дикарев И.С. Правила допустимости доказательств с позитивным характером в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 112-118.

существующие на новых материальных или цифровых носителях. Однако это не снимает вопроса о пределах данного вида доказательства. Статья 84 УПК РФ определяет иные документы через общий признак наличия сведений, изложенных или удостоверенных в них и имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, но не содержит специальных критериев для электронных документов и цифровых данных. Поэтому электронная форма информации рассматривается здесь не как самостоятельный предмет параграфа и не как особый вид доказательства, а как пример того, что один и тот же процессуальный источник нуждается в уточнении своих видовых требований. Для электронных иных документов такими требованиями могут выступать подтверждение аутентичности (происхождения) документа, целостности и неизменности его содержания. Метаданные, сведения о технической среде создания и хранения, контрольные суммы, журналы изменений и иные технические средства не образуют самостоятельный видовой критерий, а служат средствами проверки указанных требований, позволяя идентифицировать источник, время создания и историю изменений электронного документа.

Практическое значение этого вопроса подтверждается результатами анкетирования. Так, 49,6% респондентов отнесли электронные доказательства к числу наиболее сложных для правоприменения, а часть опрошенных прямо указала на необходимость учитывать специфику электронных и цифровых сведений при уточнении классификации нарушений¹. Эти данные показывают, что проблема цифровой формы доказательственной информации имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

Вместе с тем электронная форма сведений сама по себе не образует самостоятельного вида доказательства, не предусмотренного УПК РФ². В

¹ См.: Приложение № 3.

² См.: Лупинская П.А. Избранные труды: монография / сост. Т.Ю. Вилкова, М.И. Воронин; отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: изд-во «Норма: ИНФРА-М», 2024. 608 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2094353> (дата обращения: 20.01.2026); Смирнов А.В. Судебные доказательства по уголовным делам. М.: изд-во «Юр. НОРМА, НИЦ ИНФРА-М»,

настоящем параграфе вид доказательства рассматривается как один из элементов процессуальной формы, через который сведения приобретают значение доказательства. Поэтому правильное определение вида доказательства не снимает необходимости проверить иные элементы допустимости: надлежащий субъект, способ получения сведений и порядок производства соответствующего процессуального действия.

Современная доктрина справедливо рассматривает процессуальную форму не как техническое требование, а как гарантию достоверности, проверяемости и допустимости доказательственной информации¹.

Исчерпывающий характер перечня видов доказательств означает, что сведения, не включённые в один из предусмотренных УПК РФ процессуальных источников, не могут непосредственно использоваться в качестве доказательств независимо от их потенциальной достоверности и относимости к предмету доказывания. Такие сведения могут иметь ориентирующее, поисковое или проверочное значение, служить поводом для процессуальной проверки либо основанием для выдвижения версии, но доказательственное значение они приобретают только после введения в уголовное судопроизводство через надлежащий источник.

Для понимания природы нарушений, связанных с видами доказательств, необходимо реконструировать понятие «надлежащий вид доказательства». Здесь используется та же методологическая операция, что и при анализе надлежащего

2026. 376 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2235920> (дата обращения: 20.01.2026).

¹ См.: Артамонова Е.А., Фирсов О.В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России: учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. М.: изд-во «Норма: ИНФРА-М», 2023. 240 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2044250> (дата обращения: 20.01.2026); Брянская Е.В., Алтунина А.А. Основы процесса доказывания в свете судебной практики по уголовным делам: монография. М.: изд-во «Норма: ИНФРА-М», 2025. 222 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2149118> (дата обращения: 20.01.2026); Слифиш М.В. Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации: учебное пособие. М.: изд-во «Норма: ИНФРА-М», 2025. 255 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2201253> (дата обращения: 20.01.2026); Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник; под общ. ред. А.В. Смирнова; вступ. ст. В.Д. Зорькина. 9-е изд., перераб. М.: изд-во «Норма: ИНФРА-М», 2026. 840 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2220825> (дата обращения: 20.01.2026).

субъекта: содержание понятия выводится не из специальной легальной дефиниции, а из системы норм УПК РФ. Однако число и характер критериев иные, поскольку речь идёт не о полномочиях лица, а о процессуальном источнике доказательственной информации.

Во-первых, надлежащий вид доказательства предполагает использование одного из процессуальных источников, прямо указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Именно этот критерий отвечает на вопрос, может ли соответствующий источник вообще выступать видом доказательства. Например, результаты частной детективной деятельности, материалы служебных проверок, заключения ревизионных органов, сообщения из открытых источников или иные ориентирующие сведения не становятся доказательствами сами по себе. Они могут приобрести доказательственное значение лишь тогда, когда представлены и проверены в форме одного из источников, предусмотренных УПК РФ.

Во-вторых, выбранный процессуальный источник должен соответствовать своей нормативной модели, закреплённой в специальных нормах УПК РФ. Под сущностными характеристиками вида доказательства в настоящем исследовании понимаются признаки, без которых соответствующий источник утрачивает юридическую идентичность: для показаний это сообщение сведений лицом, которое может быть допрошено в данном процессуальном качестве; для заключения эксперта – результат исследования, проведённого лицом, обладающим специальными знаниями и процессуальным статусом эксперта; для вещественных доказательств – наличие предмета, признанного и приобщённого к делу в установленном порядке. Если источник только внешне обозначен как предусмотренный УПК РФ вид доказательства, но не отвечает его нормативной модели, возникает дефект вида.

В-третьих, должен соблюдаться критерий функциональной пригодности избранного источника для соответствующей доказательственной информации. Этот критерий отличается от предыдущего: он касается не внутренней модели уже выбранного источника, а соотношения между характером сведений и тем источником, через который они вводятся в процесс. Если требуется

зафиксировать непосредственно воспринятые лицом обстоятельства, используются показания; если необходимо закрепить ход и результаты следственного действия, используется протокол; если требуется получить вывод на основе специальных знаний, назначается экспертиза или используется предусмотренный законом институт специалиста. Нарушение возникает тогда, когда сведения искусственно помещаются в источник, функционально не предназначенный для их проверки.

Предложенная система критериев не сводится к простой замене понятия вида доказательства понятием процессуальной формы. Она корреспондирует с теоретическими разработками о многоуровневой природе требований к допустимости. Так, С.А. Шейфер выделял формальную и содержательную допустимость доказательств, связывая первую с соответствием процессуальной форме, а вторую - с соответствием содержания информации характеристикам данного вида доказательств¹. Другие авторы предлагали различать допустимость источника и допустимость способа получения доказательства². В настоящем параграфе эти подходы используются для уточнения именно видового элемента: доказательство должно быть введено через предусмотренный законом источник, источник должен отвечать своей нормативной модели, а характер сведений должен соответствовать избранному источнику.

Нарушение любого из указанных требований создаёт дефект, связанный с видом доказательства. С учётом этого нарушения данной группы могут быть разделены на два типа. Первый тип составляют случаи использования ненадлежащих источников, то есть сведений, которые ещё не введены в уголовное судопроизводство через один из видов доказательств,

¹ См.: Шейфер С.А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография. М.: изд-во «Норма: ИНФРА-М», 2026. 112 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2199045> (дата обращения: 20.01.2026).

² См.: Воскобойник И.О. Некоторые аспекты свойства допустимости доказательств по уголовным делам // Российско-Азиатский правовой журнал. 2021. № 1. С. 8-11; Новиков А.А., Петросян Д.А. Проблемы допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Научные известия Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 27. С. 268-273.

предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Второй тип охватывает деформацию надлежащих источников: формально используется предусмотренный УПК РФ вид доказательства, но он не отвечает своей нормативной модели либо функционально не пригоден для представления соответствующей информации. Такое деление позволяет отделить дефекты вида от нарушений субъекта, способа и порядка получения доказательств.

Первая группа нарушений – использование в процессе доказывания ненадлежащих источников – объединяет случаи, когда доказательственное значение придаётся сведениям, не включённым в исчерпывающий перечень ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Ключевая проблема здесь заключается в том, что в уголовном судопроизводстве обращается значительный объём информации, относящейся к обстоятельствам дела, но ещё не являющейся доказательством. Это объяснения лиц, полученные в ходе доследственной проверки, материалы оперативно-розыскной деятельности, результаты ведомственных проверок и ревизий, данные из частных источников, анонимные сообщения, сведения из открытых источников. Такая информация может использоваться для выдвижения версий, определения направлений проверки, принятия решения о производстве процессуальных действий или возбуждении уголовного дела, однако не может непосредственно подменять доказательства, на которых основываются выводы по обстоятельствам, указанным в ст. 73 УПК РФ.

При этом важно различать две ситуации. В первой сведения исходят из источника, который сам по себе не может быть непосредственно превращён в доказательство: например, анонимное сообщение не становится показаниями, поскольку лицо, сообщившее сведения, не установлено и не может быть допрошено. Однако это не исключает его проверочного значения: по такому сообщению могут быть проведены оперативно-розыскные, проверочные или процессуальные действия, а полученные в результате сведения при наличии оснований вводятся в дело уже через надлежащие источники. Во второй ситуации источник потенциально может быть оформлен процессуально, но такая процессуальная трансформация ещё не произошла. Так, объяснения лица,

полученные при проверке сообщения о преступлении, сами по себе не являются доказательством; доказательственное значение приобретают не они как документ проверки, а последующие показания этого лица, если оно допрошено в установленном УПК РФ порядке.

Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции в определении от 27 декабря 2021 года указал, что постановление о возбуждении уголовного дела и рапорт об обнаружении признаков преступления не могут использоваться в качестве доказательств, поскольку эти процессуальные документы не включены в перечень видов доказательств¹. Речь идёт не о запрете использовать такие документы как повод или ориентир для проверки, а о недопустимости их непосредственного предъявления как доказательств обстоятельств обвинения. Аналогичным образом суд признал недопустимыми объяснения, полученные до возбуждения уголовного дела, если впоследствии лицо не было допрошено в установленном порядке и его показания не были зафиксированы в протоколе допроса².

Особую категорию в рамках данной группы составляют случаи использования материалов оперативно-розыскной деятельности без их надлежащего процессуального введения в уголовное судопроизводство. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам³, однако это не означает, что оперативно-служебный материал автоматически становится доказательством. Предметы и документы, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, могут быть приобщены как вещественные доказательства или иные документы; сведения, сообщённые лицом, могут получить доказательственное значение после его

¹ См.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.12.2021 № 77-4468/2021 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=71124#4r71q8Vi2bCVMu361> (дата обращения: 20.01.2026).

² Там же.

³ См.: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (действующая редакция) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/10104229/> (дата обращения: 20.01.2026).

допроса; аудио- и видеозаписи должны быть процессуально оформлены и проверены в соответствующем источнике. Непосредственное использование оперативно-служебных документов вместо предусмотренных УПК РФ видов доказательств является нарушением требований к виду доказательства.

Другой тип нарушений из этой группы – использование в качестве доказательств материалов ведомственных проверок, ревизий, служебных расследований. Заключение ревизионных комиссий, акты документальных проверок, справки о результатах служебных расследований содержат информацию о фактах, которые могут иметь значение для уголовного дела. Однако сами по себе эти документы не являются доказательствами в смысле УПК РФ. Они могут быть представлены в качестве иных документов в порядке статьи 84 УПК РФ, если отвечают требованиям этой статьи. Но если в таких документах содержатся выводы, основанные на специальных знаниях, и эти выводы используются для установления обстоятельств, требующих специальных познаний, необходимо назначение судебной экспертизы. Считаем, что нельзя заменить заключение эксперта актом ревизии или иным подобным документом, даже если оба документа подготовлены специалистами и содержат сходные выводы. Заключение эксперта как вид доказательства обладает специфическими характеристиками: эксперт предупреждается об уголовной ответственности, исследование проводится по определённой научной методике, выводы должны быть мотивированы и обоснованы, эксперт может быть допрошен для разъяснения данного им заключения. Такие процессуальные гарантии обеспечивают проверяемость и допустимость экспертного заключения. Акты ведомственных проверок, служебные справки или иные документы, подготовленные вне процессуального режима судебной экспертизы, не могут подменять заключение эксперта, даже если по содержанию затрагивают вопросы, требующие специальных знаний.

Отдельно следует учитывать сведения, поступающие из частных источников. Результаты частной детективной деятельности, материалы внутренних расследований коммерческих организаций, объяснения, собранные

представителями потерпевшего или стороны защиты, сами по себе не приобретают значения доказательств по уголовному делу. Они могут служить поводом для заявления ходатайств, ориентировать сторону на собирание доказательственной информации, использоваться для постановки вопросов перед следствием или судом. Однако доказательственное значение такие сведения получают только после их введения в процессуальную форму, предусмотренную УПК РФ: например, через допрос соответствующих лиц, приобщение документа, осмотр предмета или назначение экспертизы.

Вторая группа нарушений связана с деформацией надлежащего процессуального источника. Речь идет о ситуациях, когда формально используется один из видов доказательств, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, но фактически источник не соответствует своей нормативной модели либо используется для сведений, которые по своей природе требуют иной процессуальной формы. Именно поэтому такие нарушения нельзя описывать только как ошибки формы: они затрагивают юридическую идентичность конкретного вида доказательства.

К первой категории деформаций относятся случаи, когда показания получены от лица, которое не может выступать источником данного вида доказательства. Это прежде всего касается свидетельского иммунитета. Часть 3 статьи 56 УПК РФ устанавливает круг лиц, которые не подлежат допросу в качестве свидетелей по определённым обстоятельствам, одновременно предусматривая специальные исключения для адвоката или защитника при наличии ходатайства, согласия и интереса доверителя. Поэтому дефект возникает не при всяком допросе адвоката или защитника, а тогда, когда допрос производится вне предусмотренных законом исключений и касается сведений, охраняемых свидетельским иммунитетом. В такой ситуации показания формально оформлены как показания свидетеля, но источник не обладает процессуальной способностью давать их в данном качестве.

Пограничной является ситуация, когда лицо допрашивается в качестве свидетеля, хотя по своему процессуальному положению оно должно было быть

допрошено как подозреваемый или обвиняемый. Судебная практика последних лет выработала устойчивую позицию: показания лица, данные им в качестве свидетеля, являются недопустимыми, если в момент допроса имелись достаточные основания подозревать или обвинять это лицо в совершении преступления, но ему не был разъяснён соответствующий статус и не были обеспечены гарантии права на защиту¹. Такое нарушение затрагивает сразу несколько элементов допустимости: статус допрашиваемого лица, порядок проведения допроса и гарантии права на защиту. Однако в рамках настоящего параграфа оно важно прежде всего как пример неправильного использования личного источника доказательственной информации. Сведения оформляются как показания свидетеля, хотя по своему процессуальному смыслу они должны были быть получены в ином режиме, с учетом положения лица и предоставленных ему законом гарантий.

Отдельной оценки требуют положения п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Эта норма не создает нового вида доказательства, а устанавливает требования к происхождению и содержанию показаний потерпевшего и свидетеля. Показания такого лица должны сообщать сведения о фактах, которые оно восприняло лично либо получило из источника, поддающегося проверке. Если же показания основаны на догадке, предположении, слухе или если свидетель не может указать источник своей осведомленности, внешняя форма показаний сохраняется, но их доказательственное значение утрачивает необходимую основу. Поэтому нарушение п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ можно рассматривать как деформацию видовой модели показаний. Проблема состоит не в том, что допрос как процессуальное действие проведен неправильно, а в том, что полученные

¹ См.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2023 по делу № 77-963/2023 (УИД 33RS0014-01-2019-002120-77) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=108746> (дата обращения: 20.01.2026); Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.06.2023 № 7У-4210/2023, 77-1931/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=110324> (дата обращения: 20.01.2026).

сведения не отвечают требованиям, предъявляемым к данному источнику доказательственной информации.

Вопрос о показаниях с чужих слов традиционно является одним из сложных в доказательственном праве. В англо-американской системе действует специальное правило *hearsay*, ограничивающее использование таких сведений, за исключением прямо предусмотренных случаев. Континентальная традиция, к которой принадлежит российский уголовный процесс, исторически была более либеральной в отношении производных доказательств. Однако п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ фактически закрепляет сходный по функции фильтр: он препятствует использованию показаний, происхождение которых невозможно проверить. Доктринальная дискуссия разворачивается вокруг вопроса о том, является ли данная норма абсолютным запретом любых производных показаний или лишь требует установления первоисточника информации. Одни учёные связывают запрет с ситуациями, когда первоисточник не может быть установлен и допрошен¹, другие настаивают на недопустимости любых показаний с чужих слов как нарушающих непосредственность исследования доказательств².

Правоприменитель, как показывает анализ, склоняется к первой позиции, признавая показания недопустимыми не всегда при их производном характере, а лишь когда свидетель не может указать источник осведомлённости либо этот источник опровергает сообщённые сведения.

Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции признал недопустимыми показания свидетеля, если лица, на которых он ссылался, не подтвердили якобы сообщённые ими сведения³. Тот же суд указал на

¹ См.: Костенко Р.В. Правило допустимости надлежащих процессуальных источников доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Вопросы правоведения. 2015. № 1. С. 101-118.

² См.: Нурбаев Д.М. Отдельные аспекты признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 2 (91). С. 136-143.

³ См.: Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2023 № 77-3281/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ002&n=121306&req=doc> (дата обращения: 20.01.2026).

недопустимость показаний, основанных на догадке, предположении или слухе, а также показаний свидетеля, не имеющего возможности сообщить источник своей осведомлённости. Кроме того, недопустимой была признана ссылка свидетеля на пояснения сотрудников полиции, поскольку в таком случае свидетель фактически передавал информацию от лиц, которые сами должны были быть допрошены в установленном порядке¹. Эти решения подтверждают, что производный характер показаний сам по себе не всегда исключает доказательство, но отсутствие проверяемого первоисточника деформирует видовую модель показаний.

Особая категория деформаций процессуального источника связана с заключением эксперта и заключением специалиста. Сущностные характеристики этих видов доказательств вытекают прежде всего из ст. 80 УПК РФ и различий процессуального режима их получения. Заключение эксперта предполагает проведение исследования, назначенного в установленном порядке, с использованием специальных знаний, постановкой вопросов, предупреждением эксперта об ответственности и возможностью последующей проверки выводов. Заключение специалиста выражает суждение лица, обладающего специальными знаниями, но получается в ином процессуальном режиме и не заменяет судебную экспертизу там, где закон или характер вопроса требуют именно экспертного исследования.

Деформация этих процессуальных источников может проявляться в нескольких вариантах. *Во-первых*, в качестве заключения эксперта может быть представлен документ, который не является результатом экспертного исследования и не содержит проверяемого применения специальных знаний. *Во-вторых*, дефект возникает, если заключение подготовлено лицом, не обладающим необходимыми специальными знаниями, не имеющим соответствующего процессуального статуса или не предупреждённым об

¹ См.: Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2022 № 77-4402/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ002&n=94424&req=doc> (дата обращения: 20.01.2026).

уголовной ответственности по статье 307 УК РФ¹. В-третьих, нарушение может выражаться в отсутствии исследовательской части, методики либо мотивированного обоснования выводов, когда документ внешне назван заключением эксперта, но по содержанию не соответствует нормативной модели этого вида доказательства.

Теоретическое разграничение заключения эксперта и заключения специалиста остаётся дискуссионным в российской уголовно-процессуальной доктрине. Традиционный подход основывается на критерии проведения исследования: эксперт проводит исследование с применением научной методологии, специалист даёт суждение без самостоятельного исследования². Однако этот критерий условен, поскольку в практике специалист нередко выполняет отдельные исследовательские действия, а эксперт может ограничиваться анализом представленных материалов³. Поэтому более убедительным является разграничение по процессуальному режиму получения

¹ Отсутствие отметки в материалах уголовного дела о предупреждении эксперта об ответственности неоднократно признавалось судами основанием недопустимости заключения эксперта. См., например: См.: Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.01.2024 № 77-229/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ004&dst=100001&n=165522&req=doc> (дата обращения: 20.01.2026); Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2025 № 77-1632/2025 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ004&n=217165&req=doc> (дата обращения: 20.01.2026).

² См.: Орлов А.А. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в уголовном процессе // Вестник. Государство и право. 2022. № 1 (32). С. 69-73; Казмиров М.А. Историко-правовой анализ правового статуса эксперта, специалиста и правовых норм, регулирующих использование специальных познаний, в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР // ГлаголЪ правосудия. 2024. № 1 (35). С. 7-15.

³ См.: Малина М.А. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект // Российский следователь. 2023. № 1. С. 20-24; Смолин А.В. Доказательства, формируемые с применением специальных знаний // Актуальные проблемы использования специальных знаний при выявлении и доказывании экономических преступлений: сб. науч. ст. по итогам Всеросс. науч.-практ. конф., Нижний Новгород, 12 декабря 2023 года. Нижний Новгород: ООО "Стимул-СТ", 2024. С. 343-345; Ендольцева А.А., Карпов А.Р. Соотношение заключения эксперта с заключением специалиста в процессе доказывания по уголовному делу // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 07 ноября 2024 года. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. С. 264-267.

соответствующего источника. Экспертиза назначается должностным лицом, ведущим производство по делу, предполагает процессуальные права участников, предупреждение эксперта об ответственности, фиксацию объектов и вопросов исследования; заключение специалиста может быть получено по инициативе стороны и не обладает тем же режимом процессуальной проверки. Именно поэтому замена экспертизы актом ведомственной проверки или заключением специалиста недопустима, если для установления обстоятельства требуется экспертное исследование.

Вещественные доказательства также подвержены специфическим деформациям. Предмет становится вещественным доказательством не потому, что он фактически имеет отношение к делу, а потому, что он осмотрен, описан, сохранён и приобщён к делу в установленном процессуальном порядке. Если предмет фактически используется в доказывании, но не получил статуса вещественного доказательства в установленном порядке, проблема не сводится к отдельным нарушениям осмотра или изъятия. В таком случае отсутствует сам процессуальный источник: предмет находится в материалах дела, но не введен в уголовное судопроизводство как вещественное доказательство. Иначе должна оцениваться ситуация, когда предмет уже признан вещественным доказательством, однако при его осмотре, хранении, упаковке, предъявлении или исследовании были нарушены отдельные правила. Тогда дефект относится преимущественно не к виду доказательства, а к порядку его получения, сохранения или проверки.

Особой осторожности требует оценка протоколов следственных действий и судебных заседаний. Эти документы могут выступать самостоятельным видом доказательств, но одновременно являются способом фиксации хода и результатов процессуальных действий. Поэтому необходимо различать случаи, когда протокол не соответствует собственной доказательственной природе, и случаи, когда через него лишь оформлено действие, произведенное с нарушением установленного порядка. Например, если фактически проводятся обысковые действия, но они оформляются протоколом осмотра места

происшествия, основной дефект обычно состоит в неправильном выборе и производстве процессуального действия¹. Однако это имеет значение постольку, поскольку неверно избранный протокол маскирует иную процессуальную природу совершённого действия и создаёт видимость допустимого источника там, где закон требовал другого процессуального режима. Следовательно, такой пример следует рассматривать как комплексный дефект, находящийся на границе между нарушением вида доказательства и нарушением способа его получения.

Иные документы как вид доказательств представляют собой наиболее широкую и неопределённую категорию. К ним могут относиться материалы фото- и киносъёмки, аудио- и видеозаписи² и иные носители информации, если они отвечают требованиям ст. 84 УПК РФ и действительно предназначены для удостоверения обстоятельств, имеющих значение для дела. Деформация этого источника возникает, когда статус иного документа придаётся материалам, которые выполняют другую процессуальную функцию либо должны быть

¹ См.: Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2023 N 77-1614/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=87615&cacheid=56F3935F761E104533B170228CCF425E&mode=splus&rnd=y7Z9Q#eH0ZZsTvxzt14ni> (дата обращения: 20.01.2026); Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 N 77-3316/2023 (УИД 55RS0006-01-2021-001350-62) КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=108917&cacheid=A7092E674BF6E8C612824065A30EE0CB&mode=splus&rnd=y7Z9Q#cU5ZZsTyFtwU3YeG1> (дата обращения: 20.01.2026).

² Видеозаписи, полученные с нарушением процессуальной формы, представляют собой отдельную проблему для квалификации характера нарушения. Здесь возникает вопрос: является ли это нарушением, связанным с видом доказательства, или нарушением порядка его получения? На наш взгляд, ответ зависит от конкретных обстоятельств. Если видеозапись была получена в ходе следственного действия (например, при производстве обыска или осмотра места происшествия) и нарушена процедура фиксации, это нарушение порядка получения доказательства. Если же видеозапись получена вне рамок следственного действия и представлена как доказательство без надлежащего процессуального оформления, это нарушение требований к виду доказательства, поскольку информация не облечена в надлежащую процессуальную форму. См., например: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.06.2022 № 77-2703/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ001&n=89379&req=doc> (дата обращения: 20.01.2026).

представлены через иной вид доказательства. Так, объяснения, полученные при проверке сообщения о преступлении, не могут подменять последующий допрос; рапорт об обнаружении признаков преступления и постановление о возбуждении уголовного дела подтверждают процессуальные решения или поводы к проверке, но не предназначены для доказывания обстоятельств обвинения.

В связи с этим разграничение нарушений, связанных с видом доказательств, и нарушений, относящихся к способу и порядку их получения, имеет принципиальное значение для концептуальной стройности всей классификационной модели, предложенной в диссертационном исследовании. Если вид доказательства понимать как процессуальный источник, а процессуальную форму – как более широкую конструкцию, включающую также способ и порядок получения, то становится возможным установить более точный критерий разграничения этих групп нарушений.

Основной критерий разграничения заключается в локализации дефекта. Нарушения, связанные с видом доказательства, затрагивают правомерность использования конкретного процессуального источника либо его соответствие нормативной модели, закреплённой в УПК РФ. Дефект локализован в источнике доказательственной информации. Нарушения способа и порядка получения доказательств касаются процедуры производства следственного, судебного или иного процессуального действия, посредством которого сведения получают, проверяются или фиксируются. В этом случае дефект локализован в действии или процедуре, а не в самом виде доказательства.

Наш подход к разграничению нарушений, связанных с видом доказательств, и нарушений порядка их получения основывается на критерии локализации дефекта в структуре доказательства. Если дефект относится к вопросу о том, является ли используемый источник предусмотренным законом видом доказательства и соответствует ли он своей нормативной модели, это нарушение требований к виду доказательства. Если же источник выбран правильно, но нарушены правила его получения, проверки или фиксации, это нарушение способа или порядка получения доказательства. Данный критерий

позволяет не только теоретически разграничить указанные группы нарушений, но и определить, может ли информация быть повторно введена в процесс через надлежащий источник либо дефект является неустранимым.

Конкретизируя этот критерий, можно сформулировать следующие правила разграничения. Если вопрос заключается в том, допустимо ли вообще использовать данный источник для представления соответствующей информации, это вопрос о виде доказательства. Если вопрос состоит в том, правильно ли проведено следственное или судебное действие, в ходе которого получено доказательство, это вопрос о способе и порядке получения. Если сведения облечены в источник, не предусмотренный УПК РФ, либо в источник, функционально не предназначенный для таких сведений, возникает нарушение вида. Если же дефект состоит в несоблюдении правил при производстве допроса, обыска, осмотра или иного процессуального действия при правильно избранном источнике, речь идёт о нарушении порядка получения доказательства.

Проиллюстрируем это разграничение на конкретных примерах. Допрос защитника обвиняемого в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с оказанием юридической помощи, является нарушением требований к виду доказательства только при отсутствии предусмотренных законом исключений, связанных с ходатайством, согласием и интересом доверителя. В таком случае дефект заключается в том, что показания свидетеля получены от лица, которое не может выступать источником данного вида доказательства. Напротив, допрос свидетеля без разъяснения ему прав и обязанностей, предусмотренных ст. 56 УПК РФ, является нарушением порядка получения доказательства: источник выбран правомерно, но процедура допроса нарушена.

Аналогичным образом получение заключения от лица, не обладающего процессуальным статусом эксперта, либо представление в качестве заключения эксперта документа, не содержащего экспертного исследования, является нарушением требований к виду доказательства. Несоблюдение отдельных правил назначения и производства экспертизы, установленных ст. ст. 195-207

УПК РФ, при условии что эксперт обладает необходимыми знаниями, статусом и проводит исследование, относится прежде всего к порядку получения доказательства.

Приобщение к уголовному делу предмета без его осмотра и без вынесения постановления о признании вещественным доказательством может рассматриваться как нарушение требований к виду доказательства, поскольку предмет не приобрёл статуса соответствующего процессуального источника. Нарушение процедуры осмотра, хранения или предъявления вещественного доказательства, которое уже процессуально оформлено, относится к порядку получения или проверки доказательства.

Отдельного внимания заслуживает процессуальное оформление цифровых носителей информации. Один и тот же диск, флеш-накопитель, мобильное устройство или иной носитель может иметь значение либо как материальный объект со следами преступления и потому оформляться как вещественное доказательство, либо как средство хранения сведений, вводимых в процесс в качестве иного документа. Смешение этих режимов приводит к неопределённости: становится неясно, что именно подлежит проверке – сам материальный носитель, содержащаяся на нём электронная информация или оба элемента одновременно. Поэтому при приобщении цифровых носителей необходимо указывать, какой процессуальный источник формируется: вещественное доказательство, иной документ либо сочетание этих источников при соблюдении требований к каждому из них.

Некоторые процессуальные дефекты могут одновременно затрагивать и вид доказательства, и порядок его получения. В таких случаях необходимо определить ведущий дефект, то есть тот элемент, без которого сведения не могут быть признаны доказательством даже при устранении иных нарушений. Например, показания лица, допрошенного как свидетель, хотя фактически оно находилось в положении подозреваемого, соединяют нарушение статуса допрашиваемого, порядка допроса и видовой модели показаний. Однако

определяющим является то, что сведения получены через ненадлежащий личный источник и в процессуальном режиме, не соответствующем положению лица.

Разграничение нарушений, связанных с видом доказательств, и нарушений, касающихся способа получения доказательств, требует также учёта соотношения между процессуальным источником и процессуальным действием. Способ получения доказательства – это следственное, судебное или иное процессуальное действие, предусмотренное УПК РФ. Вид доказательства – это источник, в котором сведения получают доказательственное значение. Поэтому нарушение способа означает использование непредусмотренного, неприменимого или неправильно проведённого действия, тогда как нарушение вида означает использование ненадлежащего источника либо источника, утратившего свои нормативные характеристики.

Проведённый анализ показывает, что требование к виду доказательства не сводится к формализму и не предполагает механического предпочтения формы достоверному знанию. Если сведения получены из ненадлежащего источника, они не должны оставаться в деле как доказательство только потому, что кажутся достоверными. Их достоверность не может быть полноценно проверена без тех гарантий, которые связаны с надлежащим процессуальным источником. Вместе с тем такие сведения, если они не получены с неустранимым нарушением и не затрагивают запреты УПК РФ, могут иметь ориентирующее значение и при необходимости быть повторно введены в процесс через надлежащий вид доказательства: посредством допроса, назначения экспертизы, осмотра и приобщения предмета либо представления документа в порядке ст. 84 УПК РФ. Тем самым исключение доказательства, полученного с нарушением требований к его виду, защищает не абстрактную форму, а возможность проверяемого и процессуально гарантированного установления обстоятельств уголовного дела.

Основные выводы по итогам данного параграфа диссертации:

1. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с видами доказательств, представляют собой дефекты процессуального источника доказательственной информации. Они возникают тогда, когда сведения

используются вне закрытого перечня источников, установленного ч. 2 ст. 74 УПК РФ, либо когда формально избранный источник не соответствует своей нормативной модели.

2. Вид доказательства нельзя отождествлять со всей процессуальной формой доказательства. Вид указывает на процессуальный источник сведений, тогда как процессуальная форма включает также субъекта, способ получения, порядок производства действия, правила фиксации и проверки. Такое разграничение позволяет избежать смешения со способами и порядком получения доказательств.

3. Понятие «надлежащий вид доказательства» включает три взаимосвязанных критерия: использование источника, прямо указанного в ч. 2 ст. 74 УПК РФ; соответствие этого источника его нормативной модели, закреплённой в специальных нормах УПК РФ; функциональную пригодность избранного источника для представления соответствующей доказательственной информации.

4. Нарушения, связанные с видами доказательств, могут быть разделены на два типа. Первый тип образует использование ненадлежащих источников, когда сведения имеют лишь проверочное, ориентирующее или организационное значение, но непосредственно предъявляются как доказательства. Второй тип составляет деформация надлежащих источников, когда предусмотренный УПК РФ вид доказательства используется с нарушением его нормативной модели или не соответствует природе представляемых сведений.

5. Показания с чужих слов, допрос лица в ненадлежащем процессуальном качестве, подмена экспертизы заключением специалиста или ведомственным актом, использование материалов ОРД без процессуального введения в дело, а также придание статуса иного документа материалам, выполняющим другую процессуальную функцию, являются примерами дефектов вида доказательства лишь постольку, поскольку нарушают модель соответствующего источника.

6. Критерий разграничения нарушений вида доказательства и нарушений способа или порядка его получения состоит в локализации дефекта. Если дефект

относится к источнику сведений и его нормативной модели, речь идёт о виде доказательства; если источник выбран правильно, но нарушены правила производства процессуального действия или фиксации его результатов, речь идёт о способе или порядке получения. Такой подход позволяет определить, подлежит ли информация исключению как доказательство либо может быть повторно введена в процесс через надлежащий источник.

7. Электронная (цифровая) форма документа не создаёт самостоятельного вида доказательства, но требует специальных условий сохранения модели «иного документа»: подтверждения аутентичности (происхождения), целостности и неизменности содержания. Метаданные и технические средства фиксации источника, времени создания, контрольных значений и истории изменений выступают средствами проверки этих условий, а не самостоятельным критерием допустимости. При приобщении цифровых носителей необходимо разграничивать случаи, когда доказательственное значение имеет сам носитель как вещественное доказательство, и случаи, когда через него вводится электронная информация как иной документ.

§ 2.3. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные со способами получения доказательств

Анализ нарушений, связанных с видами доказательств, проведённый в предыдущем параграфе, показал, что допустимость доказательства предполагает не только наличие надлежащего процессуального источника, но и законный процессуальный канал получения сведений. В связи с этим критерий способа не тождествен критерию вида доказательства: вид отвечает на вопрос о том, в какой процессуальной форме существует доказательство, а способ – посредством какого предусмотренного УПК РФ действия сведения извлечены, зафиксированы и введены в уголовное судопроизводство. Иначе говоря, доказательственная информация должна быть не только оформлена в надлежащем источнике, но и получена тем познавательным инструментом,

который законодатель допускает для данного вида доказательств. Нарушение требований к способу затрагивает легитимность самой познавательной процедуры, посредством которой информация извлекается из материального и/или цифрового мира и вводится в сферу уголовного судопроизводства.

Прежде чем перейти к анализу конкретных видов нарушений, связанных со способами получения доказательств, необходимо определить содержание самого понятия «способ получения доказательств» и разграничить его с понятием «порядок получения доказательств». В УПК РФ эти категории прямо не противопоставлены, а в доктрине их использование не всегда последовательно, что нередко приводит к смешению двух самостоятельных уровней оценки допустимости: правильности выбора процессуального инструмента и соблюдения правил его производства. Между тем такое разграничение имеет принципиальное значение для построения непротиворечивой классификационной модели нарушений уголовно-процессуального закона.

Под способом получения доказательств следует понимать установленный УПК РФ тип следственного, иного процессуального или судебного действия, посредством которого субъект доказывания извлекает и фиксирует доказательственную информацию. Способ отвечает на вопрос «каким процессуальным действием получено доказательство» и тем самым характеризует выбор познавательного инструмента, а не детали его реализации. В досудебном производстве такими способами являются следственные действия, предусмотренные главами 24-27 УПК РФ, а также иные процессуальные действия (истребование, представление доказательств). В судебном производстве способами получения доказательств выступают судебные действия по исследованию доказательств, регламентированные главой 37 УПК РФ.

Порядок получения доказательств, в отличие от способа, представляет собой совокупность правил производства уже избранного следственного, иного процессуального или судебного действия. Он отвечает не на вопрос о том, каким

действием получено доказательство, а на вопрос, с соблюдением каких условий, гарантий и процедурных требований это действие произведено. Поэтому порядок охватывает требования к основаниям, времени, месту, участникам, последовательности операций, применению технических средств и фиксации хода и результатов соответствующего действия. Если способ определяет тип познавательной операции, то порядок регламентирует её внутреннюю структуру и процессуальные гарантии при её осуществлении.

Предложенное разграничение способа и порядка получения доказательств находит подтверждение в системном анализе норм УПК РФ. Статья 86 УПК РФ, определяя собирание доказательств, указывает, что оно осуществляется «путём производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом», тем самым фиксируя уровень способов. Детальная регламентация каждого следственного действия в главах 24-27 УПК РФ представляет уровень порядка. Аналогичная двухуровневая структура прослеживается и в судебном производстве: статья 240 УПК РФ закрепляет общее правило о непосредственном исследовании доказательств судом, а глава 37 УПК РФ детализирует процедуру производства конкретных судебных действий.

Разграничение способа и порядка имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Нарушение требований к способу означает, что доказательство получено посредством действия, которое либо вообще не предусмотрено УПК РФ, либо прямо запрещено законом, либо не пригодно для получения данного вида доказательства, либо использовано за пределами своего познавательного назначения. Нарушение требований к порядку предполагает иную ситуацию: избранный способ сам по себе является допустимым, но при его реализации допущены процессуальные отступления. Такое разграничение позволяет дифференцированно подходить к оценке процессуальных дефектов: дефект способа обычно затрагивает саму возможность использования полученного результата как доказательства, тогда как дефект порядка требует оценки его существенности и влияния на права участников процесса.

На наш взгляд, для понимания природы нарушений, связанных со способами получения доказательств, необходимо сформулировать понятие «надлежащий способ получения доказательства». По аналогии с предыдущими параграфами, где были выявлены критерии надлежащего субъекта и надлежащего вида доказательства, содержание понятия «надлежащий способ» может быть раскрыто через систему кумулятивных требований. Эти требования одновременно выполняют классификационную функцию: каждому из них соответствует самостоятельная группа нарушений, связанных со способами получения доказательств.

Во-первых, способ получения доказательства должен быть предусмотрен УПК РФ. Доказательственная информация может быть получена только путём производства тех следственных, иных процессуальных или судебных действий, которые установлены уголовно-процессуальным законодательством. Использование непредусмотренных законом способов познания, даже если они фактически способны дать сведения, имеющие значение для дела, недопустимо. Закрытый перечень способов получения доказательств обеспечивает правовую определённость и защищает участников процесса от произвольных действий органов уголовной юрисдикции.

Во-вторых, способ получения доказательства не должен относиться к числу запрещённых методов. Статья 9 УПК РФ устанавливает запрет на применение в ходе уголовного судопроизводства насилия, пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения. Этот запрет имеет конституционное основание (статья 21 Конституции РФ) и отражает фундаментальный принцип-постулат недопустимости использования негуманных способов получения доказательственной информации. Доказательства, полученные с применением запрещённых методов, признаются недопустимыми независимо от их содержательной достоверности.

В-третьих, избранный способ должен быть применим к конкретному виду доказательства. Не каждое следственное или судебное действие пригодно для получения любого вида доказательств: существует корреляция между

процессуальным источником и допустимым способом его формирования. Показания могут быть получены путём допроса или очной ставки; заключение эксперта – путём назначения и производства судебной экспертизы; вещественные доказательства приобщаются к делу после их обнаружения, изъятия, осмотра и процессуального оформления. Несоответствие способа виду доказательства создаёт процессуальный дефект, поскольку нарушает внутреннюю логику доказательственной деятельности.

В-четвёртых, способ должен использоваться в пределах его функциональной компетенции. Каждое следственное, иное процессуальное или судебное действие имеет определённую познавательную цель и может применяться только для решения тех задач, для которых оно предназначено. Выход за пределы функциональных возможностей способа, его использование не по прямому назначению создаёт процессуальный дефект, даже если само действие предусмотрено УПК РФ и формально относится к допустимым средствам доказывания.

Доктринальное обоснование требований к способам получения доказательств базируется на понимании следственных и судебных действий как познавательных операций, облечённых в процессуальную форму. Так, современная российская уголовно-процессуальная наука рассматривает следственные действия не просто как технические приёмы сбора информации, но как правовые инструменты, обеспечивающие баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности¹. Справедливо отмечается,

¹ См.: Коновалова А.Б., Гук А.Г. Следственные действия как способ собирания доказательств // Аллея науки. 2022. Т. 1, № 9 (72). С. 610-616; Одношвина Ю.А. Понятие следственных действий как способа собирания доказательств // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сб. ст. по материалам CCCXLI Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29 января 2024 года. М.: ООО "Интернаука", 2024. С. 134-137; Бачаев А.С.Э., Дадашов М.М. Следственные действия в уголовном судопроизводстве России: эффективность собирания доказательств и гарантии прав участников // Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами: сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 13-14 мая 2025 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. С. 15-19; Лазарева В.А. Следственные действия как способы собирания и формирования доказательств // Jus Strictum. 2025. № 1. С. 23-30; Семенцов В.А. Проблемы следственных действий в досудебном

что способы собирания доказательств представляют собой нормативно закреплённые процедуры, гарантирующие достоверность получаемой информации и исключаящие произвольное вторжение в права граждан¹. При этом подчёркивается, что каждое следственное действие обладает специфическим познавательным потенциалом, определяемым его процессуальной природой, и замена одного следственного действия другим недопустима даже при сходстве их фактических результатов². Также некоторые авторы указывают на системный характер способов получения доказательств, отмечая, что УПК РФ создаёт целостную систему познавательных инструментов, каждый из которых занимает определённое место в структуре доказывания³.

Конституционное обоснование требований к способам получения доказательств коренится в статье 50 Конституции РФ, которая устанавливает запрет на использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. В уголовно-процессуальном регулировании это положение конкретизируется ч. 1 ст. 75 УПК РФ, связывающей недопустимость доказательства с нарушением требований Кодекса. Поэтому требование законности способа получения доказательств представляет собой не формальное процессуальное правило, а конституционно значимую гарантию допустимости доказывания.

Нарушение любого из указанных выше требований создаёт процессуальный дефект, связанный со способом получения доказательства.

производстве: Учебное пособие для вузов. М.: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 176 с.

¹ См.: Давыдовская М.В. Судебно-следственные действия как способ собирания доказательств // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 369-372.

² См.: Баранов А.М. Следственные действия или способы собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 17-21; Гладышева О.В., Семенцов В.А. Участие прокурора в собирании доказательств при производстве следственных действий // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 1. С. 18-26.

³ См.: Абшилава Г.В., Пастухов П.С. Иные процессуальные действия в системе уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1 (44). С. 5-15; Россинский С.Б. Собирание доказательств vs исследование доказательств в контексте Шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 3. С. 47-54.

Исходя из этой структуры, нарушения уголовно-процессуального закона, связанные со способами получения доказательств, могут быть классифицированы на четыре группы. Первую группу составляют нарушения, при которых доказательство получено путём действий, не предусмотренных УПК РФ в качестве законных способов собирания доказательств. Вторая группа охватывает случаи использования запрещённых способов получения доказательств, прямо противоречащих ст. 9 УПК РФ и ст. 21 Конституции РФ. Третья группа включает ситуации несоответствия способа виду доказательства, когда следственное, иное процессуальное или судебное действие применяется для получения доказательственной информации, которая по своей природе не может быть получена данным способом. Четвёртая группа объединяет нарушения, при которых способ используется за пределами его функциональной компетенции. Рассмотрим каждую из этих групп нарушений.

Первая группа нарушений – использование непредусмотренных УПК РФ способов получения доказательств – представляет собой фундаментальный процессуальный дефект, при котором доказательственная информация извлекается посредством действий, не установленных уголовно-процессуальным законодательством в качестве легитимных познавательных инструментов.

По нашему мнению, теоретическое обоснование недопустимости использования непредусмотренных способов коренится в понимании самой процессуальной формы доказывания по уголовным делам. Современная российская доктрина рассматривает процессуальную форму не как произвольное ограничение познавательной деятельности, но как необходимый механизм обеспечения достоверности, проверяемости и воспроизводимости результатов доказывания. Так, ряд учёных обоснованно указывает, что процессуальная форма способов получения доказательств выполняет три взаимосвязанные функции: гносеологическую (обеспечивает адекватность познания), гарантийную (защищает права участников процесса) и легитимирующую

(придаёт результатам познания юридическую силу)¹. Использование непредусмотренных способов разрушает все три функции одновременно: полученная доказательственная информация не поддаётся процессуальной проверке, её получение осуществляется без установленных законом гарантий, результат не может быть легитимирован в рамках уголовного судопроизводства.

Закрытый характер перечня допустимых способов получения доказательств в российском уголовном процессе обусловлен, прежде всего, конституционными требованиями. Статья 55 Конституции РФ устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. Поскольку производство следственных и судебных действий неизбежно связано с вторжением в сферу конституционных прав (в частности, право на неприкосновенность жилища, тайну переписки, личную и семейную тайну), только законодатель вправе определять виды и границы такого вторжения. В связи с этим, некоторые авторы справедливо отмечают, что перечень следственных действий представляет собой своего рода «процессуальный каталог» дозволенных ограничений прав личности в интересах установления истины по уголовному делу. Выход за пределы этого каталога означает неконституционное ограничение прав без законного основания².

К первой группе нарушений относятся случаи, когда органы предварительного расследования или суд пытаются получить доказательственную информацию путём действий, которые формально не поименованы в УПК РФ как следственные, процессуальные или судебные действия. Характерным примером такой группы нарушений является попытка легализации в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности без их процессуального оформления. Сами по себе результаты

¹ См.: Шепелева О.Р., Преблагина К.И. Правовые и фактические основания формирования доказательств на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Юридические исследования. 2023. № 11. С. 42-52; Ястребова Т.И. Особенности формирования доказательств в уголовном процессе России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 24, № 1. С. 40-43.

² См.: Егоров Н.Н., Ищенко Е.П. Руководство по производству следственных действий: учебно-практическое пособие. М.: ООО «Проспект», 2025. 144 с.

оперативно-розыскных мероприятий не являются доказательствами и не могут непосредственно использоваться для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу¹.

Аналогичную проблему представляет использование в уголовно-процессуальном доказывании материалов служебных проверок, ревизий, аудиторских заключений, экспертных исследований, проведённых вне рамок уголовного процесса. Эти документы могут содержать информацию, имеющую значение для уголовного дела, однако они не являются доказательствами до тех пор, пока не будут представлены в одной из процессуальных форм, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Например, акт ревизии не может заменить заключение эксперта, поскольку ревизор не предупреждается об уголовной ответственности, исследование проводится не по процессуальному поручению следователя или суда, сторона защиты не имеет возможности реализовать права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ. Полагаем, что подмена процессуальных способов получения доказательств непроцессуальными формами получения информации создаёт иллюзию доказанности, при которой обвинение формально подкреплено документами, но эти документы не прошли проверку состязательными средствами.

Современная следственная и судебная практика сталкивается с новыми формами этого нарушения, обусловленными технологическим развитием. Например, попытки использования в качестве допустимых доказательств данных, полученных посредством систем видеонаблюдения, GPS-трекинга, анализа электронных коммуникаций, без производства предусмотренных УПК

¹ См., например: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.11.2024 № 7У-7839/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=155398&cacheid=10900CD3B3069A0C359DA703370D5FD5&mode=splus&rnd=4uK4Z3Vm668Fldau#Sk7AZ3Vikp9Adv71> (дата обращения: 21.01.2026); Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.11.2024 № 77-2900/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=155229&cacheid=033BF8199C922277073418B3A937E499&mode=splus&rnd=4uK4Z3Vm668Fldau#wlfeZ3V2J9J6OMdE1> (дата обращения: 21.01.2026).

РФ следственных действий¹. Представляется, что сами по себе технические средства фиксации информации не порочны, однако их использование в доказывании возможно только через установленные законом процессуальные формы: осмотр места происшествия с изъятием записей видеонаблюдения, выемка электронных носителей информации, производство судебных экспертиз. Технологическое обновление средств фиксации доказательственной информации не может служить основанием для обхода процессуальной формы; напротив, новые технические возможности должны встраиваться в существующую систему процессуально допустимых способов получения доказательств.

Особую разновидность рассматриваемой группы нарушений составляют случаи использования так называемых «нетипичных следственных действий» — действий, которые не предусмотрены УПК РФ, но конструируются правоприменителями путём комбинирования элементов различных следственных действий. Например, проведение «опознания по фотографиям» вне процедуры, установленной ст. ст. 193, 289 УПК РФ, или производство «прослушивания фонограмм» как самостоятельного следственного действия. На наш взгляд, подобная практика недопустима. Необходимо чёткое понимание: следственные/судебные действия представляют собой типизированные УПК РФ познавательные операции, произвольное изменение которых разрушает их процессуальную природу и лишает полученную информацию доказательственной силы. Законодатель сознательно ограничил перечень

¹ См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2022 № 77-462/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ006&cacheid=1E9C401EA9EEA8E5177BC04CC89916E9&mode=splus&n=71085&req=doc&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&ts=KgGJJRTaufzCYySs> (дата обращения: 21.01.2026); Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.02.2022 № 77-779/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ001&cacheid=0FCCB43AAA86084A6531163216A6EBEB&mode=splus&n=77185&req=doc&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&ts=KgGJJRTaufzCYySs> (дата обращения: 21.01.2026).

следственных/судебных действий, и правоприменитель не вправе расширять этот перечень путём создания гибридных форм.

Вторая группа нарушений – использование запрещённых способов получения доказательств – охватывает случаи применения методов, прямо запрещённых уголовно-процессуальным законодательством и противоречащих конституционному принципу уважения достоинства личности. Эта группа нарушений качественно отличается от первой: если там речь идёт о действиях, которые УПК РФ просто не предусматривает, то здесь имеют место действия, которые УПК РФ категорически запрещает.

Нормативную основу запрета использования определённых способов получения доказательств составляет ст. 9 УПК РФ, которая устанавливает, что в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Часть 2 этой же статьи конкретизирует запрет, указывая, что никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Эти положения корреспондируют статье 21 Конституции РФ, провозглашающей, что достоинство личности охраняется государством и никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Конституционно-правовое обоснование абсолютного запрета пыток и жестокого обращения коренится в концепции неотчуждаемых прав человека. Поэтому эффективность уголовного преследования не может оправдывать применение негуманных способов получения доказательств. Доказательства, полученные с применением запрещённых методов, признаются недопустимыми независимо от их содержательной достоверности, степени тяжести расследуемого преступления и процессуальной значимости информации для установления обстоятельств и фактов совершённого преступления.

К запрещённым способам получения доказательств относятся, прежде всего, любые формы физического воздействия на участников уголовного судопроизводства: избиение, причинение боли, лишение сна, пищи или воды, содержание в условиях, опасных для здоровья, применение психотропных веществ без медицинских показаний. Судебная практика демонстрирует нулевую толерантность к таким методам. К примеру, показания, полученные в результате физического насилия, признаются недопустимыми безусловно, без исследования вопроса о степени интенсивности насилия или характере причинённого вреда. Сам факт применения физического воздействия, даже если оно не повлекло телесных повреждений, порочит всё последующее доказывание с участием данного лица¹.

Наряду с физическим насилием к запрещённым способам относится психологическое принуждение в его различных формах. Угрозы применения насилия к допрашиваемому лицу или его близким, угрозы наступления иных негативных последствий (утраты работы, разглашения компрометирующей информации, лишения возможности видеться с детьми), шантаж, запугивание – всё это методы, несовместимые с конституционным принципом уважения достоинства личности. Полагаем, что психологическое принуждение может быть более эффективным для получения признательных показаний, чем физическое насилие, но оно в равной степени порочит процедуру получения доказательств и делает невозможным использование таких показаний в уголовном судопроизводстве.

Современная доктрина уголовного процесса включает в категорию запрещённых способов также такие формы обмана и введения в заблуждение, которые лишают участника процесса возможности осознанно реализовать свои

¹ См.: Обзор практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с запретом использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 августа 2020 г.) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/29220/ (дата обращения: 21.01.2026).

права и свободно формировать процессуальную позицию. Хотя ст. 9 УПК РФ прямо не упоминает обман, анализ системы уголовно-процессуальных гарантий позволяет сделать вывод о недопустимости недобросовестной манипуляции как способа получения доказательств. В теории справедливо указывается, что подобный обман несовместим с принципом уважения чести и достоинства участников процесса, поскольку превращает человека в объект манипуляции. К таким формам относятся: сообщение заведомо ложных сведений о правовых последствиях тех или иных процессуальных действий, создание ложного впечатления о наличии уличающих доказательств, имитация следственных действий, которые в действительности не проводились, использование подставных лиц под видом адвокатов или понятых¹.

Можно сказать, что судебная практика выработала презумпцию «недобровольности» показаний, данных в условиях применения запрещённых методов. Если обвиняемый заявляет о применении к нему насилия, угроз или обмана, бремя опровержения этого утверждения лежит на стороне обвинения. Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 55 устанавливает: «Если подсудимый объясняет изменение или отказ от полученных в присутствии защитника показаний тем, что они были даны под принуждением в связи с применением к нему недозволенных методов ведения расследования, то судом должны быть приняты достаточные и эффективные меры по проверке такого заявления подсудимого»². При этом согласно ч. 4 ст. 235 УПК РФ бремя опровержения доводов стороны защиты о том, что показания подсудимого были получены с нарушением требований закона, лежит на прокуроре (государственном обвинителе). При невозможности достоверно установить, применялись ли запрещённые методы, действует правило *in dubio*

¹ См.: Зотов Д.В., Панюшкин В.А. Обман в уголовном судопроизводстве: сущность, допустимость, формы // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 79-82; Чурилов С.Н. Об аморальности обмана как средства получения достоверных показаний // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2019. № 3 (35). С. 45-51.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» (действующая редакция) // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71551272/> (дата обращения: 21.01.2026).

pro reo: сомнения толкуются в пользу обвиняемого, а показания признаются недопустимыми. Пункт 14 того же Постановления императивно указывает: «Если в ходе судебного разбирательства доводы подсудимого о даче им показаний под воздействием недозволенных методов ведения расследования не опровергнуты, то такие показания не могут быть использованы в доказывании»¹.

В этом отношении показательна практика кассационных судов общей юрисдикции, где признаются недопустимыми показания обвиняемого, данные на стадии предварительного расследования, если в судебном заседании он заявил о применении к нему психологического давления, а органы предварительного расследования не представили убедительных доказательств обратного².

Особую разновидность нарушений представляет феномен «оперативного допроса» – неформального опроса лица оперативными сотрудниками до процессуального допроса. Более того, практика показывает, что именно в ходе таких неформальных опросов наиболее часто применяются запрещённые методы психологического давления³. Важным аспектом рассматриваемых нарушений является проблема так называемого «опосредованного применения запрещённых методов». Речь идёт о ситуациях, когда сам следователь или суд не применяют запрещённые способы, но используют показания, полученные другими лицами с применением таких способов.

Третья группа нарушений – несоответствие способа виду доказательства – охватывает случаи, когда следственное, процессуальное или судебное действие применяется для получения доказательственной информации, которая по своей

¹ Там же.

² См.: Обзор практики кассационных судов общей юрисдикции с примерами оснований для отмены решений судов первой и апелляционной инстанций // Федеральная палата адвокатов РФ: официальный сайт. URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-s-primerami-osnovaniy-dlya-otmeny-resheniy%2010-25/> (дата обращения: 21.01.2026).

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 № 18-О «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=8328&ysclid=mk01ely1b948696809#kzqVw8VcPau9CcY5> (дата обращения: 21.01.2026).

природе не может быть получена данным способом. Эта группа нарушений демонстрирует внутреннюю связь между видами доказательств и способами их получения: система процессуальных источников, рассмотренная в предыдущем параграфе, коррелирует с системой способов получения доказательств, образуя единую структуру доказательственной деятельности.

Теоретическое обоснование требования о соответствии способа виду доказательства базируется на понимании процессуальной формы как многоуровневой конструкции. Каждое следственное/судебное действие представляет собой познавательную операцию определённого типа, предназначенную для получения специфической доказательственной информации. К примеру, допрос предназначен для получения вербальной информации от лица, непосредственно воспринявшего обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела; осмотр – для непосредственного восприятия следователем или судом материальных объектов; экспертиза – для получения суждений специалиста, основанных на применении специальных знаний. Каждый способ обладает собственным познавательным потенциалом и собственными границами применения. Использование способа за пределами его познавательных возможностей создаёт процессуальный дефект, поскольку нарушает логику доказательственной деятельности.

Одним из наиболее распространённых проявлений несоответствия способа виду доказательства является получение показаний посредством процессуальных действий, не предназначенных для этого. Показания по своей уголовно-процессуальной природе представляют собой устные сообщения лица о фактах, которые оно непосредственно воспринимало или о которых ему стало известно. Допустимыми процессуальными способами получения показаний являются допрос, а в предусмотренных законом случаях – очная ставка и судебный допрос. Попытки получить показания иными путями – например, путём истребования письменных объяснений, проведения «беседы» с фиксацией в произвольной форме, использования аудиозаписи разговоров без процессуального оформления допроса – создают процессуальный дефект.

Процедура допроса не является технической формальностью; она обеспечивает разъяснение прав, предупреждение об ответственности, возможность задавать вопросы, участие защитника в предусмотренных УПК РФ случаях. Обход этой процедуры лишает полученную доказательственную информацию процессуальных гарантий допустимости¹.

Противоположную разновидность этого нарушения представляют случаи, когда доказательственная информация, которая должна быть представлена как иной документ, оформляется в виде показаний. Например, попытки превратить результаты ведомственной проверки в показания свидетеля путём допроса лица, проводившего проверку. Считаем, что такая трансформация недопустима, поскольку искажает природу доказательственной информации: проверяющий не являлся очевидцем установленных им обстоятельств, его выводы основаны на анализе документов и применении специальных познаний, что должно быть оформлено либо как иной документ, либо как заключение специалиста или эксперта в зависимости от характера исследования.

Отдельную проблему представляет соотношение экспертизы и умозаключений специалиста как различных допустимых способов использования специальных знаний в уголовно-процессуальном доказывании. Как отмечалось нами ранее, заключение эксперта и заключение специалиста различаются не только процессуальным режимом получения, но и функциональным назначением. Попытка заменить экспертизу заключением специалиста в случаях, когда требуется проведение исследования с применением

¹ Примеры такого рода нарушений: про «сведения со слов из непроцессуальной беседы», которые суд не разрешил использовать как допустимые доказательства (фактически – суррогат допроса): См.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2023 N 77-1008/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=102410> (дата обращения: 21.01.2026). Про недопустимость ссылки на рапорт оперативного сотрудника как на доказательство (рапорт – «внутренняя форма взаимоотношений органов полиции», не заменяет процессуальную проверку источника): См.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.08.2023 N 77-2422/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=112659&ysclid=mko28du0n4681230196#k7waw8Vw0WbFO9Kz> (дата обращения: 21.01.2026).

научных методик, представляет собой несоответствие способа виду доказательства. Обратная ситуация – назначение экспертизы для решения вопросов, не требующих экспертного исследования и могущих быть разрешёнными с помощью консультации специалиста, как правило, не образует дефекта способа, но может свидетельствовать об избыточном процессуальном оформлении.

В судебном производстве несоответствие способа виду доказательства может проявляться в попытках исследовать доказательства способом, не обеспечивающим полноценного судебного исследования данного вида доказательственной информации. Например, оглашение в судебном заседании заключения эксперта без предоставления сторонам реальной возможности задать вопросы эксперту фактически подменяет исследование экспертного знания простым воспроизведением письменного документа. Так, ст. 282 УПК РФ устанавливает, что после оглашения заключения эксперта ему могут быть заданы вопросы сторонами, при этом первой вопросы задаёт сторона, по инициативе которой была назначена экспертиза. Соответственно, эта норма отражает принципиальную позицию: экспертное заключение как письменный документ может быть дополнено устными пояснениями эксперта для обеспечения полноты судебного исследования.

Четвёртая группа нарушений – использование способа за пределами его функциональной компетенции – представляет собой наиболее сложную с доктринальной точки зрения категорию процессуальных дефектов. Здесь способ получения доказательства формально является предусмотренным УПК РФ, не принадлежит к числу запрещённых и соответствует виду доказательства, однако применяется для решения задач, выходящих за пределы его познавательного назначения. Эта группа нарушений демонстрирует, что законность способа определяется не только его наличием в УПК РФ, но и правильностью его применения в конкретной процессуальной ситуации.

Теоретическое обоснование функциональной специализации следственных и судебных действий довольно подробно разработано в трудах

отечественных процессуалистов¹. Согласно этой концепции, каждое следственное/судебное действие имеет определённую познавательную цель, достижение которой обеспечивается специфическим сочетанием познавательных приёмов и процессуальных гарантий. Использование следственного/судебного действия для целей, не соответствующих его познавательной природе, искажает его процессуальную сущность и подрывает гарантии допустимости получаемой доказательственной информации.

Вместе с тем современная уголовно-процессуальная доктрина разграничивает понятия «неправильный выбор способа» и «нарушение порядка производства процессуального действия»². Первое относится к нарушениям, связанным со способами получения доказательств. Второе касается нарушений процедуры производства конкретного следственного и/или судебного действия. Критерий разграничения заключается в следующем: нарушение способа возникает тогда, когда избран процессуальный инструмент, не соответствующий решаемой задаче; нарушение порядка возникает тогда, когда правильно избранный способ реализуется с отступлениями от процессуальной процедуры. Например, проведение обыска вместо выемки при отсутствии оснований для принудительного отыскания объектов представляет собой неправильный выбор способа. Проведение обыска без понятых в случаях, когда их участие обязательно, представляет собой нарушение порядка производства обыска. Необходимо подчеркнуть методологическую важность этого разграничения: способ определяет «что делается», порядок определяет «как делается»; первое относится к уровню выбора познавательного инструмента, второе – к уровню его процессуальной реализации.

Наиболее распространённым проявлением использования способа за пределами его функциональной компетенции является смешение обыска и

¹ См., например: Лазарева В.А. Теория следственного действия С.А. Шейфера (к юбилею Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 1. С. 41-50.

² См.: Костенко Р.В. Допустимость надлежащих процессуальных способов собирания доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Вопросы правоведения. 2016. № 1 (35). С. 159-166.

выемки. Статья 182 УПК РФ предусматривает производство обыска для отыскания и изъятия орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела, а также для обнаружения разыскиваемых лиц и трупов. Статья 183 УПК РФ регламентирует выемку как изъятие определённых предметов и документов, когда точно известно, где и у кого они находятся. Функциональное различие между этими способами собирания доказательств состоит в характере познавательной деятельности: обыск предполагает активное отыскание, выемка – простое изъятие известного объекта. Поэтому проведение обыска в ситуации, когда следователю точно известно местонахождение изымаемых предметов и отсутствуют основания полагать, что они не будут выданы добровольно, представляет собой необоснованное применение более интенсивной формы вторжения в конституционные права личности, что влечёт, как представляется, недопустимость полученных доказательств.

Аналогичное нарушение возникает при использовании очной ставки за пределами её функционального назначения. Статья 192 УПК РФ определяет, что очная ставка проводится для устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Функциональная цель очной ставки – сопоставление противоречивых показаний в присутствии обоих допрашиваемых лиц для выяснения причин расхождений. Поэтому очная ставка не должна превращаться в инструмент психологического давления на одного из участников посредством конфронтации с другим участником. Проведение очной ставки в отсутствие существенных противоречий в показаниях только для того, чтобы поставить допрашиваемое лицо в психологически дискомфортную ситуацию очного противостояния, выходит за пределы функциональной компетенции этого следственного действия.

Следственный эксперимент представляет ещё один пример процессуального действия, требующего строгого соблюдения функциональных границ. Статья 181 УПК РФ определяет, что следственный эксперимент проводится в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для

уголовного дела, путём воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определённого события и совершения необходимых опытных действий. Функциональное назначение следственного эксперимента – проверка объективной возможности восприятия каких-либо фактов, совершения определённых действий, наступления события, а также механизма образования следов. На наш взгляд, следственный эксперимент не может использоваться для проверки достоверности показаний конкретного лица путём воспроизведения описанных им действий; его цель – установление объективной возможности, а не субъективной правдивости. Попытки использовать следственный эксперимент как своеобразную «проверку на детекторе лжи» путём наблюдения за поведением проверяемого лица выходят за пределы функциональной компетенции этого способа и создают процессуальный дефект.

Особую разновидность рассматриваемого нарушения представляет назначение экспертизы для решения вопросов, не требующих применения специальных знаний или относящихся к исключительной компетенции следователя и суда. Экспертиза как допустимый способ получения доказательств функционально предназначена для исследования объектов с использованием научных, технических или иных специальных знаний и дачи заключения по вопросам, разрешение которых требует таких знаний. Недопустимым является назначение экспертизы для установления правовых вопросов, психологического состояния обычного человека, не требующего специальных познаний, обстоятельств, которые могут быть установлены следствием или судом без специальных знаний. Соответственно, подмена процессуальной деятельности следователя или суда экспертным исследованием искажает систему разграничения процессуальных функций и может привести к перекладыванию ответственности за принятие решений на эксперта.

Самостоятельное значение имеет и вопрос о научной обоснованности метода, лежащего в основе выбранного способа получения доказательственной информации. Такой критерий должен применяться дифференцированно. При использовании общепризнанных и нормативно утверждённых методик

достаточно проверить соблюдение установленной процедуры их применения; назначение экспертизы о «научности» метода в каждом случае излишне и способно неоправданно усложнить процесс. Напротив, при обращении к новым, экспериментальным или научно спорным технологиям, а также при мотивированном возражении стороны вопрос о соответствии метода современному уровню научных знаний должен разрешаться с использованием специальных знаний, в том числе посредством экспертного заключения.

На встречающиеся в практике случаи назначения так называемых «юридических экспертиз», когда на разрешение эксперта ставятся вопросы о квалификации деяния, наличии признаков состава преступления, обращает особое внимание Верховный Суд РФ. Исходя из постановления Пленума от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», не допускается поручать экспертам решение вопросов правового характера, поскольку это относится к исключительной компетенции органов, ведущих уголовное дело¹. Таким образом, использование экспертизы за пределами её функциональной компетенции создаёт процессуальный дефект, поскольку подменяет уголовно-процессуальное доказывание квазинаучным обоснованием правовых выводов.

Судебная практика также демонстрирует внимание к правильности выбора способа получения доказательств. К примеру, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции признал недопустимыми часть выводов экспертизы, которые были основаны на доказательствах, полученных при проведении незаконного оперативно-розыскного мероприятия. Суд указал, что нарушение процессуального порядка получения первичного доказательства влечет недопустимость производных от него доказательств. В свою очередь, Шестой кассационный суд общей юрисдикции признал недопустимыми протоколы осмотра объяснений лиц, поскольку проведение осмотра объяснений не

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (действующая редакция) // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12181630/> (дата обращения: 21.01.2026).

переводит их в разряд допустимых доказательств, а напротив – влечет недопустимость самого протокола осмотра. Такая форма «легализации» непроцессуальной информации не соответствует требованиям УПК РФ. Второй кассационный суд общей юрисдикции последовательно признаёт недопустимыми показания оперативных работников о результатах проведенных ими оперативно-розыскных мероприятий в отсутствие их документального оформления, а также показания сотрудников правоохранительных органов, основанные на «оперативной информации», то есть без указания источника своей осведомленности. Суд указал, что такая форма получения сведений не позволяет проверить их достоверность обычными процессуальными средствами и лишает сторону защиты реальной возможности оспорить соответствующее доказательство. Если показания оглашаются вне предусмотренных законом оснований, это нарушает баланс сторон и ослабляет непосредственность судебного исследования доказательств¹.

В судебном производстве неправильное использование данного способа может проявляться, например, в оглашении показаний, данных на предварительном расследовании, без тех условий, которые прямо предусмотрены УПК РФ. Сам институт оглашения предназначен для ситуаций, когда непосредственное получение показаний невозможно, затруднено либо когда требуется проверить противоречия с ранее данными показаниями. Использование его только для усиления позиции обвинения выходит за пределы функционального назначения этого способа исследования доказательств.

Важно различать неправильный выбор способа получения или исследования доказательства и нарушение порядка производства уже избранного действия. В первом случае ошибка состоит в том, что применяется процессуальное действие, которое не должно использоваться в данной ситуации. Во втором случае выбор способа правилен, но при его реализации допускаются

¹ См.: Обзор практики кассационных судов общей юрисдикции о признании доказательств недопустимыми (2024-2025 гг.) // Федеральная палата адвокатов РФ: официальный сайт. URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-o-priznanii-dokazatelstv-2024-2025/> (дата обращения: 21.01.2026).

процедурные отступления. Например, проведение опознания по фотографиям при объективной возможности предъявить сам объект в натуре представляет собой неправильный выбор способа. Проведение опознания объекта в натуре, но с нарушением требования о предъявлении объекта в группе сходных объектов, представляет собой нарушение порядка. Первое – это вопрос о том, какое следственное/судебное действие должно быть произведено; второе – это вопрос о том, как должно быть произведено избранное следственное/судебное действие. Смещение этих уровней анализа приводит к непоследовательности в оценке допустимости доказательств, поскольку неправильный выбор способа обычно затрагивает саму легитимность получения доказательства, тогда как нарушение порядка может потребовать применения критерия существенности.

Конституционно-правовое значение требования о соблюдении функциональных границ способов получения доказательств состоит в том, что оно защищает от произвольного и избыточного ограничения прав личности. В частности, следственные действия, связанные с ограничением конституционных прав граждан, могут проводиться лишь при наличии предусмотренных УПК РФ оснований и с соблюдением установленного порядка. Использование более интенсивного способа вмешательства в права личности там, где достаточно менее интенсивного, нарушает пропорциональность ограничений и не может быть признано допустимым. Поэтому выбор способа должен осуществляться с учётом характера решаемой познавательной задачи и минимально необходимого объёма вмешательства в права участников процесса.

В рамках рассматриваемой группы нарушений необходимо сказать о проблеме разграничения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. УПК РФ и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливают различные процессуальные режимы для этих видов деятельности. Следственные действия производятся в рамках возбуждённого уголовного дела с соблюдением процессуальных гарантий; оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться до возбуждения уголовного дела с меньшим уровнем процессуальной формализации. Границы

между следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями имеют не только процессуальное, но и конституционное значение, поскольку определяют объём гарантий прав личности. Соответственно, попытки замаскировать следственное действие под оперативно-розыскное мероприятие для обхода процессуальных гарантий или, напротив, придать результатам оперативно-розыскной деятельности статус результатов следственного действия представляют собой использование способов за пределами их функциональной компетенции.

Эмпирические данные подтверждают практическую остроту разграничения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. 49,6% опрошенных назвали использование результатов оперативно-розыскной деятельности с нарушением требований ст. 89 УПК РФ одним из наиболее распространённых нарушений требований к способам получения доказательств. Кроме того, 75,2% респондентов указали на необходимость законодательной конкретизации критериев разграничения допустимых и недопустимых способов получения доказательственной информации¹.

Проведённый анализ нарушений, связанных со способами получения доказательств, позволяет констатировать наличие нормативного пробела, существенно снижающего эффективность правового регулирования в рассматриваемой сфере. Действующая ст. 164 УПК РФ, устанавливая общие правила производства следственных действий, не содержит прямого запрета на производство следственных действий, не предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, а также на подмену одного следственного действия другим. Между тем, как было показано, правоприменительная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к созданию «гибридных» познавательных процедур, комбинирующих элементы различных следственных действий, что приводит к утрате уголовно-процессуальных гарантий, присущих каждому из них в отдельности. В связи с этим предлагаемые в данном параграфе группы нарушений следует понимать как дефекты именно способа получения

¹ См.: Приложение № 3.

доказательства: они ставят вопрос о недопустимости результата потому, что нарушается легальный канал получения доказательственной информации, а не только отдельное правило процедуры. Полагаем целесообразным дополнить ст. 164 УПК РФ нормативным положением следующего содержания: «Производство следственных действий, не предусмотренных настоящим Кодексом, не допускается. Не допускается подмена одного следственного действия другим или объединение элементов различных следственных действий, если это влечёт несоблюдение процессуальных гарантий, установленных для каждого из них». Указанное законодательное решение создаст прямое нормативное основание для признания недопустимыми доказательств, полученных посредством «нетипичных» уголовно-процессуальных действий. В настоящее время правоприменитель вынужден обосновывать недопустимость таких доказательств через системное толкование норм УПК РФ, что не всегда обеспечивает единообразие практики. Прямое закрепление соответствующего запрета в ст. 164 УПК РФ позволило бы избежать расширительного толкования и придало бы требованию о допустимых способах получения доказательств более определенный характер. Такая норма ориентировала бы правоприменителя на то, что выбор процессуального средства не может подменяться приемами, лишаящими участника возможности свободно и осознанно реализовать свои права¹.

Основные выводы по итогам параграфа:

1. Нарушения, связанные со способом получения доказательства, следует отличать от нарушений порядка производства следственных и судебных действий. Способ отвечает на вопрос, каким процессуальным действием сведения были получены, закреплены или исследованы. Порядок, напротив, характеризует правила реализации уже избранного действия: условия его проведения, последовательность процессуальных операций, участие необходимых лиц, разъяснение прав и фиксацию результатов. Данное разграничение имеет практическое значение: дефект способа обычно

¹ См.: Приложение № 1.

затрагивает саму легитимность получения доказательства, тогда как дефект порядка требует оценки существенности нарушения и его влияния на права участников процесса.

2. Понятие надлежащего способа получения доказательств, выявляемое из системного анализа норм УПК РФ, включает четыре взаимосвязанных критерия: способ должен быть предусмотрен УПК РФ; способ не должен принадлежать к категории запрещённых методов; способ должен быть применим к конкретному виду доказательства; способ должен использоваться в пределах его функциональной компетенции. Нарушение любого из этих критериев создаёт дефект способа получения доказательства и образует основание для постановки вопроса о признании соответствующего доказательства недопустимым.

3. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные со способами получения доказательств, структурируются на четыре группы в соответствии с выявленными критериями надлежащего способа: использование непредусмотренных УПК РФ способов получения доказательств; использование запрещённых способов; несоответствие способа виду доказательства; использование способа за пределами его функциональной компетенции. Данная классификация охватывает как досудебное, так и судебное производство, включая следственные, иные процессуальные и судебные действия.

4. Первая группа нарушений охватывает случаи извлечения доказательственной информации посредством действий, не установленных уголовно-процессуальным законодательством в качестве легитимных познавательных инструментов. К ней относятся попытки прямого использования результатов оперативно-розыскной деятельности без их процессуального оформления, применение материалов ведомственных проверок и ревизий в обход процессуальных способов получения доказательств, создание «нетипичных следственных действий» путём комбинирования элементов различных процессуальных действий, а также использование технических средств фиксации информации без последующего включения полученных сведений в предусмотренную УПК РФ процессуальную форму.

5. Вторая группа нарушений представляет собой применение методов, прямо запрещённых статьёй 9 УПК РФ и статьёй 21 Конституции РФ, включая физическое воздействие, психологическое принуждение, угрозы, а также недобросовестный обман и введение в заблуждение, лишаящие участника процесса возможности свободно и осознанно реализовать свои права.

6. Третья группа нарушений демонстрирует внутреннюю связь между видами доказательств и способами их получения, охватывая случаи применения следственного, иного процессуального или судебного действия для получения доказательственной информации, которая по своей природе не может быть получена данным способом. Система процессуальных источников коррелирует с системой способов получения доказательств, образуя единую структуру доказательственной деятельности, где каждый способ обладает специфическим познавательным потенциалом и собственными границами применения.

7. Четвёртая группа нарушений связана с использованием процессуального действия для решения задач, выходящих за пределы его познавательного назначения, что включает проведение обыска вместо выемки при отсутствии оснований для принудительного отыскания объектов, использование очной ставки не для устранения существенных противоречий в показаниях, а для психологического давления, назначение экспертизы для решения правовых вопросов или вопросов, не требующих специальных знаний, а также подмену следственного действия оперативно-розыскным мероприятием либо обратную легализацию результатов ОРД как результата следственного действия.

8. Правовое последствие указанных нарушений должно формулироваться через положения ст. 75 УПК РФ: все четыре группы относятся к дефектам способа получения доказательства и потому могут служить основанием для исключения доказательства, когда нарушение устраняет легальный процессуальный канал получения сведений, препятствует проверке источника информации либо затрагивает конституционные гарантии участников процесса. При этом дефекты порядка, не связанные с неправильным выбором способа и не

влияющие на указанные гарантии, должны оцениваться отдельно – по критерию существенности, что составляет предмет последующего анализа.

§ 2.4. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с порядком получения доказательств

Проведённый в предыдущем параграфе анализ нарушений, связанных со способами получения доказательств, показал, что законность выбора познавательного инструмента является необходимым, но недостаточным условием допустимости доказательства. Само по себе производство следственного или иного процессуального действия, предусмотренного УПК РФ, не гарантирует получение процессуально безупречного доказательства, если избранное действие осуществляется с отступлениями от нормативно установленной процедуры его реализации. Доказательство должно быть не только получено надлежащим способом, но и с соблюдением процессуального порядка производства избранного действия. В логике нашего исследования движение доказательственной информации предполагает последовательную проверку четырёх элементов: надлежащий субъект вводит сведения через предусмотренный УПК РФ процессуальный источник, использует законный способ их получения и реализует этот способ с соблюдением установленного порядка. Если нарушение требований к субъекту ставит под сомнение легитимность доказательственной деятельности, нарушение требований к виду деформирует процессуальный источник доказательственной информации, а нарушение требований к способу подрывает законность выбора познавательной операции, то нарушение требований к порядку затрагивает внутреннюю процессуальную организацию следственного, судебного или иного процессуального действия и способно компрометировать гарантии, заложенные законодателем в его структуру.

Категория «порядок получения доказательств» требует методологически строгого определения и отграничения от смежных уголовно-процессуальных

понятий. Ранее нами было проведено разграничение между способом и порядком: способ отвечает на вопрос, каким предусмотренным УПК РФ действием сведения извлечены, закреплены и введены в уголовное судопроизводство, тогда как порядок отвечает на вопрос, с соблюдением каких условий, гарантий и процедурных требований это действие произведено. Однако это терминологическое различие нуждается в дальнейшем концептуальном обосновании, которое позволит раскрыть внутреннюю структуру понятия «порядок» и его место в системе правового регулирования доказывания.

Полагаем, что порядок получения доказательств есть нормативно установленная процедура производства конкретного следственного, судебного или иного процессуального действия, включающая совокупность процессуальных требований к основаниям и условиям его производства, составу участников и их процессуальным правам, последовательности и содержанию процессуальных операций, а также к процессуальному оформлению и фиксации хода и результатов соответствующего действия. Порядок регламентирует не тип познавательной операции и не процессуальный источник сведений, а внутреннюю организацию уже избранной операции, её процессуальную оболочку, обеспечивающую как достоверность получаемой информации, так и защиту прав участников уголовного судопроизводства. В частности, каждое следственное, судебное или иное процессуальное действие, предусмотренное УПК РФ, обладает собственной процедурной спецификой, детально регламентированной в соответствующих статьях. Эта регламентация не является произвольной или избыточной: каждое процессуальное требование выполняет определённую функцию в механизме обеспечения допустимости доказательства.

Конституционное обоснование требований к порядку получения доказательств коренится в статье 50 Конституции РФ и развивающей её ч. 1 ст. 75 УПК РФ, устанавливающих запрет на использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Этот конституционный императив охватывает не только случаи применения незаконных способов получения информации, но и ситуации несоблюдения процессуальных

требований при производстве формально законных действий¹. Процессуальные гарантии, воплощённые в нормах о порядке производства следственных и иных процессуальных действий, формируют механизм обеспечения баланса между публичным интересом в установлении обстоятельств уголовного дела и правами личности, вовлечённой в сферу уголовного судопроизводства. Нарушение этого баланса через игнорирование процессуальных требований к порядку производства действий создаёт конституционно значимую проблему произвольного ограничения прав граждан.

По нашему мнению, нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с порядком получения доказательств, можно структурировать на четыре группы в соответствии с элементами процессуальной процедуры следственного, судебного или иного процессуального действия. Первую группу образуют нарушения требований к основаниям и условиям производства действия. Эти нарушения связаны с ситуациями, когда, к примеру, следственное или судебное действие производится при отсутствии предусмотренных законом фактических или юридических оснований либо с нарушением установленных условий его производства. Вторую группу составляют нарушения требований к составу участников следственного или судебного действия и их процессуальным правам. Сюда относятся случаи непривлечения обязательных участников, ненадлежащего уведомления участников об их правах или воспрепятствования реализации этих прав. Третья группа включает нарушения требований к последовательности и содержанию процессуальных операций при производстве действия. Эта категория охватывает отступления от предписанного алгоритма

¹ См.: Костенко Р.В., Шульгина Е.В. Проблема определения процессуальной формы показаний обвиняемого // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 23-32; Левченко И.А., Григорьева В.А. Недопустимость использования при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением закона, как конституционно-правовой принцип // Российское государство и право: история и современность: сб. ст., Новочеркасск, 18 мая 2023 года. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2023. С. 51-56; Гордей (Жданова) Я.В. Недопустимость (непригодность) доказательств в уголовном процессе РФ: теория и судебная практика // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2024. Т. 34, № 2. С. 290-300.

производства действия, пропуск обязательных этапов, искажение познавательной процедуры. Четвёртая группа объединяет нарушения требований к процессуальному оформлению и фиксации хода и результатов действия, включая дефекты протоколирования, применения технических средств фиксации и иных средств документального удостоверения процессуального результата.

Считаем, что предложенная классификация нарушений порядка получения доказательств обладает несколькими методологическими преимуществами. *Во-первых*, она опирается на саму структуру уголовно-процессуальной регламентации: закон отдельно устанавливает основания и условия производства действий, круг участников, последовательность процессуальных операций и требования к фиксации результатов. Поэтому выделяемые группы нарушений не являются искусственными, а соответствуют реальному устройству процессуальной формы. *Во-вторых*, классификация охватывает основные виды процедурных дефектов и позволяет разграничивать их по понятным критериям. *В-третьих*, она связана с оценкой правового значения нарушения: разные дефекты порядка неодинаково влияют на допустимость доказательства. *В-четвертых*, она согласуется с общей логикой нашего диссертационного исследования, в котором допустимость доказательства рассматривается через несколько взаимосвязанных элементов.

Первая группа нарушений порядка получения доказательств связана с несоблюдением требований к основаниям и условиям производства следственных и судебных действий. Эти требования образуют правовую основу вмешательства государства в сферу прав и свобод граждан при собирании и исследовании доказательственной информации. Каждое следственное или судебное действие, предусмотренное УПК РФ, может быть произведено только при наличии предусмотренных законом фактических и юридических оснований, а также при соблюдении установленных условий его производства. Отсутствие оснований или несоблюдение условий производства действия создаёт процессуальный дефект особого рода: такое действие становится процессуально

беспричинным, произвольным вторжением в сферу прав личности, не санкционированным законом.

Законодательная регламентация оснований и условий производства следственных действий в УПК РФ характеризуется дифференцированным подходом: различные следственные действия требуют различных по характеру и степени конкретизации оснований. Так, к примеру, обыск согласно ч. 1 ст. 182 УПК РФ производится при наличии достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Эта формулировка задаёт вероятностный стандарт обоснованности: достаточность данных оценивается следователем и, в необходимых случаях, судом при даче разрешения на производство обыска. В свою очередь, выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, согласно ч. 3 ст. 183 УПК РФ производится только на основании судебного решения, что создаёт дополнительное условие – судебный контроль. Назначение судебной экспертизы требует наличия оснований, перечисленных в ст. 196 УПК РФ для обязательного проведения экспертизы, либо необходимости в специальных знаниях для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в иных случаях согласно ст. 195 УПК РФ. Контроль и запись переговоров допускаются только при наличии достаточных оснований полагать, что в ходе переговоров могут быть получены сведения, имеющие значение для уголовного дела, и лишь в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях, что закреплено в ст. 186 УПК РФ. Очная ставка согласно ст. 192 УПК РФ проводится только при наличии в показаниях ранее допрошенных лиц существенных противоречий. Каждое из этих требований к основаниям выполняет функцию предотвращения произвольного или необоснованного применения соответствующего следственного действия.

К типичным нарушениям данной группы можно отнести производство обыска без достаточных фактических данных, указывающих на возможность обнаружения в конкретном месте предметов, документов или иных сведений, имеющих значение для уголовного дела. Само по себе формальное указание в постановлении на наличие оснований не является достаточным, если из материалов дела не видно, какие обстоятельства подтверждали необходимость соответствующего вмешательства. К этой же группе относится назначение судебной экспертизы при отсутствии предусмотренных законом оснований либо для решения вопросов, которые не требуют специальных знаний. Экспертиза не должна использоваться как замена доказательственной деятельности следователя или суда. Она допустима тогда, когда для установления обстоятельств действительно требуется применение специальных знаний, а не простое подтверждение уже имеющихся выводов. Производство очной ставки при отсутствии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц также образует нарушение требований к основаниям.

Особую категорию составляют нарушения судебного порядка получения разрешения на производство следственных действий, предусмотренного ст. 165 УПК РФ. Производство следственных действий, указанных в рассматриваемой норме, без судебного решения и без последующего судебного контроля в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ создаёт процессуальный дефект конституционного уровня. Если исключительная ситуация, не терпящая отлагательства, отсутствовала либо последующая судебная проверка не подтвердила законность произведённого действия, результаты такого действия должны оцениваться как полученные с нарушением установленного порядка и, как правило, подлежат исключению из доказательственной базы.

В судебной практике Верховного Суда РФ последовательно подчёркивается, что нарушение судебного порядка санкционирования следственных действий, затрагивающих конституционные права, является дефектом «конституционного уровня» и не может быть нейтрализовано последующим подтверждением полученных сведений. Так, при рассмотрении

дела суд указал, что получение доказательственной информации при вмешательстве в сферу охраняемых прав в обход предусмотренной законом судебной процедуры подрывает легитимность вмешательства и требует исключения соответствующих результатов из доказательственной базы¹.

В то же время необходимо учитывать: условия производства следственных действий отличаются от оснований тем, что определяют не причины проведения действия, а обстоятельства, при которых оно может быть осуществлено. Производство следственных действий в ночное время без случаев, не терпящих отлагательства, нарушает требование ч. 3 ст. 164 УПК РФ и образует дефект условий производства соответствующего действия.

Показательно, что Верховный Суд РФ расценивает проведение процессуальных действий в ночное время при отсутствии надлежащей мотивировки «неотложности» как существенный дефект условий производства, который влияет на допустимость полученного результата и требует от суда мотивированной проверки доводов защиты².

Проведение освидетельствования лица другого пола с присутствием следователя при обнажении освидетельствуемого противоречит ч. 4 ст. 179 УПК РФ: в такой ситуации освидетельствование производится врачом. Аналогично личный обыск, произведённый лицом иного пола либо без соблюдения требований к полу понятых и специалистов, если они участвуют в данном следственном действии, отступает от ч. 3 ст. 184 УПК РФ и затрагивает гарантии достоинства и личной неприкосновенности обыскиваемого.

Вторая группа нарушений порядка получения доказательств: нарушения требований к составу участников следственных и судебных действий и их

¹ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 18 декабря 2018 г. № 203-АП/18-26 // Судебная практика высших судов РФ (Legalacts). URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18122018-n-203-apu18-26/> (дата обращения: 25.01.2026).

² См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 июня 2024 г. № 33-УД24-9-А2 // Судебная практика высших судов РФ (Legalacts). URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-20062024-n-33-ud24-9-a2/> (дата обращения: 25.01.2026).

процессуальным правам. Состав участников следственного или судебного действия есть не формальный реквизит процедуры, но важнейший элемент системы уголовно-процессуальных гарантий, обеспечивающих как достоверность получаемой доказательственной информации, так и защиту прав лиц, вовлечённых в производство по уголовному делу. Законодатель при регламентации каждого следственного действия определяет круг обязательных и факультативных участников, наделяя их специфическими процессуальными правами и обязанностями. Непривлечение обязательного участника или нарушение его процессуальных прав деформирует процессуальную структуру следственного/судебного действия, лишая его предусмотренных законом гарантий.

Представляется, что нарушения требований к составу участников следственных/судебных действий структурируются на несколько подгрупп в зависимости от категории участника и характера его процессуальной роли. Первую подгруппу образуют нарушения, связанные с непривлечением защитника к участию в следственных/судебных действиях в случаях обязательного участия защиты. Часть 1 статьи 51 УПК РФ устанавливает перечень случаев, когда участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно. Производство следственных/судебных действий с участием подозреваемого или обвиняемого в отсутствие защитника, когда его участие обязательно, создаёт процессуальный дефект конституционного уровня, поскольку лишает лицо гарантированного Конституцией РФ права на квалифицированную юридическую помощь.

Вторую подгруппу составляют нарушения, связанные с непривлечением законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого к участию в следственных действиях. Законодатель (ст. ст. 191, 280 УПК РФ) предусматривает обязательное участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Применительно к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому ст. 425 УПК РФ устанавливает обязательное участие защитника, а ст. 426 УПК РФ

регламентирует участие законного представителя. Непривлечение законного представителя или педагога к участию в допросе несовершеннолетнего в случаях, когда такое участие обязательно, свидетельствует о нарушении процессуальных гарантий, предназначенных для защиты интересов лиц, в силу возраста или психического состояния не способных в полной мере осознавать характер и значение происходящего.

Третью подгруппу образуют нарушения, связанные с непривлечением понятых в случаях их обязательного участия. В настоящее время понятые обязательно участвуют при проведении следственных действий, указанных в ч. 1 ст. 170 УПК РФ, если не применимы исключения ч. 3 той же статьи. В случаях, перечисленных в ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, понятые привлекаются по усмотрению следователя; если следователь принимает решение провести действие без понятых, применение технических средств фиксации становится обязательным, а при невозможности их применения это должно быть отражено в протоколе. Поэтому дефект возникает не при всяком отсутствии понятых, а тогда, когда их участие было обязательным либо когда отсутствие понятых не было компенсировано предусмотренной законом технической фиксацией или надлежащей протокольной записью.

Четвёртую подгруппу составляют нарушения, связанные с участием в следственном действии лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела, в качестве понятых или специалистов (например, ч. 2 ст. 60 УПК РФ запрещает участие в производстве по уголовному делу в качестве понятых потерпевших, родственников подозреваемого или обвиняемого).

Помимо нарушений требований к составу участников, вторая группа охватывает нарушения процессуальных прав участников следственных/судебных действий. Эти нарушения связаны не с отсутствием надлежащего участника, а с тем, что участник, формально присутствующий при производстве действия, не был надлежащим образом уведомлён о своих процессуальных правах или был лишён возможности их реализовать. Полагаем, что центральное место здесь занимают нарушения права не свидетельствовать

против себя самого и права на квалифицированную юридическую помощь. Статья 11 УПК РФ закрепляет охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, устанавливая, что суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Это общее требование конкретизируется применительно к производству отдельных следственных/судебных действий. К примеру, перед допросом подозреваемому или обвиняемому должны быть разъяснены права, предусмотренные соответственно статьями 46 и 47 УПК РФ, включая право не свидетельствовать против себя самого. Неразъяснение подозреваемому или обвиняемому права не свидетельствовать против себя самого перед дачей показаний есть нарушение конституционного права, закреплённого в статье 51 Конституции РФ. Пункт 1 части 2 статьи 75 УПК РФ прямо указывает, что показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтверждённые подозреваемым, обвиняемым в суде, являются недопустимыми доказательствами¹.

Практика демонстрирует, что нарушения гарантий права на защиту (в том числе в ситуациях, когда лицо фактически приобретает положение подозреваемого) оцениваются как дефект, затрагивающий саму возможность законного получения доказательств, в частности, при анализе материалов

¹ Доктринальное толкование этой нормы распространяет её действие и на случаи, когда подозреваемому или обвиняемому не было разъяснено право не давать показания, поскольку без такого разъяснения нельзя говорить о добровольности и осознанности дачи показаний. См.: Ибрагимова С.С. Недопустимость доказательств в российском уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2022. № 3. С. 164-165; Кувычков С.И., Трифонова М.В. Недопустимость доказательств в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9 (213). С. 166-168; Кузнецов А.А., Земскова А.Д. Проблема недопустимости использования незаконно полученных доказательств, как одна из ключевых проблем реализации прав граждан // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93-5. С. 18-21; Ковалев Д.О. Проблемные вопросы недопустимости доказательств по уголовному делу // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: XXVII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч., Красноярск, 04-05 апреля 2024 года. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2024. С. 218-220.

уголовного дела суд обратил внимание, что проведение процессуальных действий с получением значимой для обвинения информации при отсутствии надлежащего обеспечения права на защиту (в зависимости от фактического положения лица) приводит к необходимости критически оценивать такие результаты и исключать их при наличии соответствующих признаков нарушения¹.

Нарушение права свидетеля или потерпевшего на отказ от дачи показаний против себя самого и своих близких родственников также влечёт недопустимость полученных показаний. Если перед допросом свидетелю или потерпевшему не было разъяснено это право, их показания не могут использоваться в качестве доказательств в той части, в которой они свидетельствуют против них самих или их близких родственников.

Лишение участников следственных/судебных действий возможности реализовать свои процессуальные права также образует нарушение второй группы. В частности, отказ в удовлетворении ходатайства защитника о постановке вопросов допрашиваемому лицу без достаточных оснований нарушает право на защиту. УПК РФ предоставляет защитнику право задавать вопросы допрашиваемым лицам, а также право заявлять ходатайства и отводы. Немотивированный отказ в постановке относящихся к уголовному делу вопросов ограничивает право на защиту и может свидетельствовать о том, что следственное/судебное действие проведено с нарушением процессуальных гарантий.

Третья группа нарушений порядка получения доказательств: нарушения требований к последовательности и содержанию процессуальных операций при производстве следственных/судебных действий. Каждое следственное или судебное действие, предусмотренное УПК РФ, есть не единичный акт, но процессуальная процедура, состоящая из последовательности взаимосвязанных

¹ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 января 2020 г. № 9-АПУ19-24 // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/73714268/> (дата обращения: 25.01.2026).

операций, выполняемых в определённом порядке и определённым образом. При регулировании следственных и судебных действий законодатель устанавливает не только общие условия их производства, но и последовательность процессуальных операций, из которых складывается соответствующее действие. Такая последовательность имеет практическое значение: она обеспечивает понятность процедуры для ее участников, возможность последующей проверки полученных сведений и соблюдение процессуальных гарантий. Отступление от установленной последовательности либо изменение содержания обязательных операций может повлиять на познавательный результат действия. В одних случаях это приводит к искажению доказательственной информации, в других — лишает участника возможности своевременно реализовать свои права, заявить ходатайство, сделать замечание или возразить против действий должностного лица.

Поэтому порядок производства следственного или судебного действия должен соответствовать его процессуальной форме. При этом сама процессуальная форма не является самоцелью: она служит тому, чтобы обеспечить законное и проверяемое достижение познавательной цели соответствующего действия. Развивая этот подход, отметим, что процессуальная регламентация закрепляет модель познавательной деятельности, учитывающую накопленные практикой и наукой требования к достоверности и проверяемости доказательственной информации. Отступление от этой модели не является простым нарушением формальных требований, но создаёт риск получения недостоверной или неполной доказательственной информации либо нарушения прав участников уголовного процесса.

Показательны примеры правоприменительной практики, где нарушения «внутренней логики» следственного действия ведут к утрате его познавательной ценности. Так, в определении № 47-УД19-12 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оценивала соблюдение требований ст. 193 УПК РФ и исходила из того, что дефекты процедуры предъявления для опознания (включая нарушения обязательных элементов алгоритма действия) способны

породить сомнения в достоверности результата и, следовательно, затрагивают допустимость соответствующего источника доказательственной информации¹.

Четвёртая группа нарушений порядка получения доказательств: нарушения требований к процессуальному оформлению и фиксации хода и результатов следственных/судебных действий. Процессуальное оформление следственного или судебного действия есть заключительный, но критически важный элемент его производства. Результаты следственного или судебного действия получают процессуальное закрепление прежде всего через протокол и, в предусмотренных законом случаях, через технические средства фиксации. Протокол следственного действия или судебного заседания не является простой письменной оболочкой уже полученных сведений. Он удостоверяет сам факт производства действия, его участников, последовательность процессуальных операций, заявленные ходатайства и замечания, а также содержание полученных результатов. Поэтому нарушение правил оформления и фиксации может повлиять на последующую проверку допустимости доказательства. Если ход и результаты действия не зафиксированы надлежащим образом, становится затруднительно установить, какие сведения действительно были получены, в каких условиях это произошло и соблюдались ли права участников. В таком случае доказательственная информация либо не приобретает необходимой процессуальной формы, либо предстает в искаженном и непроверяемом виде.

Нарушения, связанные с оформлением и фиксацией доказательственной информации, могут проявляться по-разному. К первой подгруппе относятся случаи, когда в протоколе следственного действия или судебного заседания отсутствуют обязательные сведения, без которых невозможно проверить ход и результаты соответствующего действия. Если протокол не содержит данных о времени начала и окончания следственных/судебных действий, о лицах, участвовавших в его производстве, о разъяснении им прав и обязанностей, это

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2019 г. № 47-УД19-12 // Судебная практика высших судов РФ (Legalacts). URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24072019-n-47-ud19-12/> (дата обращения: 25.01.2026).

создаёт процессуальный дефект. Отсутствие в протоколе сведений о разъяснении участникам их процессуальных прав фактически ставит под сомнение реальность такого разъяснения. Если процессуальное действие не отражено в протоколе, для целей доказывания оно не получает надлежащего процессуального подтверждения. Соответственно, отсутствие в протоколе указания на разъяснение прав может свидетельствовать о нарушении прав участников и повлечь признание доказательства недопустимым.

Вторую подгруппу составляют нарушения, связанные с неполнотой или противоречивостью описания хода и результатов следственного/судебного действия в протоколе. Протокол должен содержать описание действий в том порядке, в каком они производились, и фиксировать выявленные существенные для уголовного дела обстоятельства. Если протокол составлен таким образом, что из него невозможно установить, какие именно действия были произведены, в какой последовательности, каковы их результаты, это лишает протокол доказательственного значения.

Противоречия между различными частями протокола также могут поставить под сомнение его допустимость. Если, например, в описательной части протокола обыска указано, что определённый предмет был обнаружен в одном месте, а в описи изъятого имущества этот же предмет указан как изъятый из другого места, такое противоречие свидетельствует о дефекте фиксации. Противоречия между протоколом и приложениями к нему, между показаниями, изложенными в протоколе допроса, и аудиозаписью допроса также создают процессуальный дефект¹.

Третью подгруппу образуют нарушения, связанные с несоблюдением требований к удостоверению протокола следственного действия и протокола судебного заседания соответствующими подписями.

Четвёртую подгруппу составляют нарушения требований к применению технических средств фиксации хода и результатов следственных/судебных

¹ См.: Самойлова В.С., Пестовская А.Л., Подопригора А.А. Проблемы оценки доказательств по уголовному делу // Человек. Социум. Общество. 2025. № 7. С. 242-253.

действий. Нарушение этих требований создаёт процессуальный дефект, который может повлечь недопустимость доказательств, если препятствует проверке факта, хода или результатов действия либо подменяет обязательную гарантию участия понятых. Например, если следователь принял решение о производстве следственного действия без понятых с применением технических средств, но фактически технические средства не применялись, применялись ненадлежащим образом или невозможность их применения не была отражена в протоколе, доказательство, полученное в результате такого действия, подлежит критической оценке с точки зрения допустимости. Если видеозапись следственного действия произведена таким образом, что из неё невозможно установить существенные обстоятельства производства действия, если запись прерывается, если содержание записи противоречит протоколу, это ставит под сомнение достоверность зафиксированной информации.

Анализ судебной практики подтверждает, что противоречия между протоколом и технической фиксацией следственного действия не являются «формальной погрешностью»: они затрагивают проверяемость и достоверность процессуальной формы доказательства. Так, в кассационном определении № 224-УД23-5-А6 Верховный Суд РФ исходил из того, что несоответствия между содержанием протокола и видеозаписью (а равно существенные пробелы/прерывания записи, не позволяющие установить ключевые обстоятельства производства действия) способны обесценить результаты действия и поставить вопрос о признании их недопустимыми¹.

На наш взгляд, специфика нарушений порядка получения доказательств заключается в их внутренней дифференциации по критерию «восполнимости/невосполнимости» процессуального дефекта. В предыдущих параграфах было показано, что дефекты субъекта, вида и способа обычно

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 16 мая 2023 г. № 224-УД23-5-А6 // Судебная практика высших судов РФ (Legalacts). URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16052023-n-224-ud23-5-a6/> (дата обращения: 25.01.2026).

затрагивают сам легальный канал получения доказательственной информации и потому имеют преимущественно невосполнимый характер. Нарушения порядка неоднородны: одни из них также разрушают процессуальную гарантию в момент производства действия, другие касаются прежде всего фиксации уже совершённого действия и потому при определённых условиях могут быть устранены.

Концепция «восполнимости» процессуальных дефектов, получившая доктринальное обоснование, прежде всего, в зарубежной доктрине¹, но также и в российской науке уголовного процесса², исходит из того, что процессуальный дефект восполним, если его негативные последствия могут быть устранены посредством производства дополнительного или повторного процессуального действия без нарушения прав участников и без искажения доказательственной информации. Напротив, дефект «невосполним», если момент его возникновения уже прошёл и вернуться к надлежащему производству процессуального действия невозможно. Эта концепция методологически отличается от деления нарушений на существенные и несущественные, поскольку опирается не на

¹ Knigge G., Pitcher K.M., Mevis P.A.M. Judicial Responses to Procedural Defects: A Comparative Perspective // Journal of International Criminal Justice. 2016. Vol. 14. №. 3; Gless S., Richter T. Strikte Beweisverwertungsverbote – Ein Gebot des Rechtsstaats? // Kriminalpolitische Zeitschrift. 2018. 3 August. URL: <https://kripoz.de/2018/08/03/strikte-beweisverwertungsverbote-ein-gebot-des-rechtsstaats/> (дата обращения: 25.01.2026); Pitcher K.M. Judicial Responses to Pre-Trial Procedural Violations in International Criminal Proceedings: PhD Thesis. University of Amsterdam, 2016. 412 p. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/2745095/176650_PITCHER_Thesis_ZONDER_omslag_PUBLIC.pdf (дата обращения: 25.01.2026); Ancona G. Unpacking Barafo: Suspect Vulnerability, Procedural Rights and the Challenge of Effective Remedies // European Papers. 2026. Vol. 11. № 1. P. 21-46. URL: <https://www.europeanpapers.eu/e-journal/unpacking-baralo-suspect-vulnerability-procedural-rights-challenge-effective-remedies> (дата обращения: 25.01.2026); Brière C., Weyembergh A. The Needed Balancing Act in EU Criminal Law: Admissibility of Evidence in Criminal Proceedings in the EU // Eucrim: The European Criminal Law Associations' Forum. 2021. Issue 1. P. 35-43. URL: <https://eucrim.eu/articles/admissibility-evidence-criminal-proceedings-eu/> (дата обращения: 25.01.2026).

² См.: Гармаев Ю.П. Устранение сомнений в допустимости доказательств // Законность. 2011. № 5. С. 29-33; Костенко Р.В. Проблемы правовых последствий нарушения правил допустимости доказательств в уголовном процессе // Современное право. 2014. № 8. С. 83-89; Барыгина А.А. Доказывание в уголовном процессе: допустимость доказательств: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: изд-во «Юрайт», 2026. 194 с.

оценочную категорию степени важности нарушения, а на объективную характеристику возможности или невозможности устранения его последствий.

Изложенная доктринальная концепция «восполнимости» процессуальных дефектов нуждается, по нашему мнению, в нормативном закреплении для обеспечения единообразия правоприменения. В связи с этим полагаем необходимым дополнить ст. 75 УПК РФ положением, устанавливающим понятие и критерии «восполнимости» процессуального дефекта при получении доказательств. Соответствующая норма могла бы предусматривать, что нарушение требований УПК РФ к порядку производства следственного или иного процессуального действия не влечёт признания полученного доказательства недопустимым, если процессуальный дефект является восполнимым. Процессуальный дефект признаётся восполнимым при одновременном соблюдении следующих условий: дефект не затрагивает конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства; дефект не связан с нарушением требований к субъекту, виду или способу получения доказательства; дефект не повлёл искажения познавательной процедуры следственного или иного процессуального действия; дефект касается документальной фиксации хода и результатов процессуального действия и может быть устранён посредством дополнительных или повторных уголовно-процессуальных действий, произведённых в установленном УПК РФ порядке. Бремя доказывания «восполнимости» процессуального дефекта возлагается на сторону, представившую соответствующее доказательство. Такое нормативное решение обладает рядом преимуществ в сопоставлении с действующей моделью регулирования. Оно переводит оценку последствий уголовно-процессуальных нарушений из плоскости неформализованного правоприменительного усмотрения в плоскость нормативно определённых критериев, устраняя ту «ситуативность» и «субъективность», которые были выявлены нами при анализе концепции «существенности» нарушений. Одновременно предлагаемая конструкция сохраняет необходимую гибкость: она не устанавливает механического автоматизма признания недопустимыми всех доказательств,

полученных с любым нарушением порядка, но и не допускает произвольной легитимации дефектных доказательств. Критерий «восполнимости», в отличие от критерия «существенности», опирается не на оценку «важности» нарушенной нормы, а на объективную характеристику самого дефекта – возможность или невозможность устранения его последствий. Возложение бремени доказывания «восполнимости» на сторону, представившую доказательство, корреспондирует принципу *favor defensionis* и обеспечивает дополнительную гарантию прав стороны защиты¹.

Как уже отмечалось, законодатель в ч. 1 ст. 75 УПК РФ устанавливает единообразную формулу: «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми». Буквальное содержание этой нормы задаёт строгий стандарт законности доказывания, но не освобождает суд от выяснения характера допущенного нарушения и его связи с конкретным доказательством. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 5 марта 2004 года № 1 разъяснил, что при решении вопроса о признании доказательства недопустимым суд должен в каждом случае выяснять, в чём конкретно выразилось допущенное нарушение². В правоприменительной практике эта формула, как полагают некоторые авторы, нередко трансформируется в оценку существенности уголовно-процессуального нарушения³. Такой подход, как представляется, нуждается в уточнении:

¹ См.: Приложение № 1.

² О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47059/ (дата обращения: 25.01.2026).

³ См.: Потанин А.О. Типичные существенные и несущественные нарушения УПК РФ: анализ практики 2024 года // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной научному творчеству доктора юридических наук, профессора В.Ю. Мельникова, Ростов-на-Дону, 28 мая 2025 года. Ростов-на-Дону: Всероссийский государственный университет юстиции, 2025. С. 87-92; Маркова Т.Ю. Условные нарушения уголовно-процессуального закона как основание к отмене приговора // Перспективные гуманитарные, социальные и экономические исследования: сб. ст. Междунар. науч. конф., Омск, 25 мая 2023 года. СПб.: ООО «Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова», 2023. С. 80-82.

критерий существенности не должен подменять структурную локализацию дефекта и вопрос о его восполнимости.

Применение концепции «восполнимости» к рассмотренной нами выше четырёхэлементной классификации нарушений порядка получения доказательств позволяет выявить принципиальное различие между группами нарушений. Нарушения требований к основаниям и условиям производства следственного/судебного действия, как правило, являются невосполнимыми. Если, например, следственное действие произведено при отсутствии предусмотренных законом оснований или с нарушением установленных условий, момент его производства уже прошёл, и вернуться к началу, чтобы создать надлежащие основания или обеспечить соблюдение условий, невозможно. Так, обыск, произведённый без достаточных данных о нахождении искомых объектов, не может быть легитимирован *post factum* путём последующего получения таких данных. Экспертиза, назначенная при отсутствии оснований, не становится допустимой от того, что впоследствии обнаружилась необходимость в специальных знаниях. Следственное действие, произведённое в ночное время без случаев, не терпящих отлагательства, не может быть «исправлено» указанием на то, что при дневном производстве результат был бы тем же. Считаем, что дефект оснований или условий носит темпоральный характер: он возникает в момент принятия решения о производстве действия и не может быть устранён после того, как действие уже произведено.

Нарушения требований к составу участников следственного/судебного действия и их процессуальным правам также обычно являются невосполнимыми, если речь идёт об отсутствии обязательного участника или о реальном лишении участника возможности осуществить гарантированное законом право. Если обязательный участник не был привлечён к участию в следственном/судебном действии или ему не были разъяснены его процессуальные права, момент производства действия уже прошёл, и обеспечить надлежащее участие или разъяснение прав задним числом невозможно.

Например, допрос обвиняемого, проведённый без защитника в случаях обязательного участия защиты, не может быть легитимирован последующим участием защитника в других следственных действиях. Обыск, произведённый без понятых, когда их участие было обязательным и не применимы предусмотренные законом исключения, не становится допустимым от того, что понятые впоследствии подтвердят обстоятельства, изложенные в протоколе. Полагаем, что дефект состава участников носит конститутивный характер: участие определённых лиц и обеспечение их процессуальных прав должны быть реализованы в момент производства действия, и их отсутствие в этот момент делает действие процессуально дефектным независимо от возможности последующего получения информации об обстоятельствах его производства.

Нарушения требований к последовательности и содержанию процессуальных операций при производстве следственного/судебного действия также, как правило, являются невосполнимыми. Если процессуальные операции были произведены с нарушением предписанной последовательности или с отступлением от требований к их содержанию, познавательная процедура следственного/судебного действия уже искажена, и воспроизвести её в надлежащем виде невозможно. К примеру, обыск, произведённый без предварительного предложения выдать искомые объекты добровольно, не может быть «исправлен» последующим предложением, поскольку принудительный поиск уже осуществлён. Оpozнание, проведённое без предварительного допроса опознающего о приметах, не становится допустимым от того, что опознающий впоследствии укажет эти приметы, поскольку его мысленный образ уже мог быть искажён восприятием объекта при опознании. Допрос, проведённый с систематическим использованием наводящих вопросов, не может быть легитимирован повторным допросом применительно к исходным показаниям, поскольку они уже сформировались под влиянием внушения. Представляется, что дефект последовательности и содержания операций носит процедурный характер: правильная последовательность должна быть соблюдена в процессе

производства действия, и её нарушение необратимо искажает познавательную процедуру.

Напротив, нарушения требований к процессуальному оформлению и фиксации хода и результатов следственного действия могут быть восполнимыми. Если дефект касается полноты или точности отражения в протоколе обстоятельств, которые объективно имели место и могут быть впоследствии верифицированы, такой дефект потенциально восполним. Отсутствие в протоколе подписи участника следственного действия может быть восполнено его последующим допросом об обстоятельствах участия в этом действии и причинах отсутствия подписи. Неполнота описания хода действия в протоколе может быть восполнена показаниями участников о том, что фактически происходило, при условии, что сама процедура действия и его результаты сохраняют проверяемость. Противоречия между протоколом и приложениями к нему могут быть разрешены путём производства дополнительных следственных действий для установления действительных обстоятельств. Дефект фиксации не всегда затрагивает сам момент производства следственного действия: действие могло быть произведено надлежащим субъектом, при наличии оснований, с участием необходимых лиц, в правильной последовательности, но его ход или результаты неполно или неточно отражены в процессуальных документах.

При этом оценка нарушений фиксации не должна ограничиваться только протоколами действий, составляемыми должностным лицом. Поскольку подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший и иные участники вправе представлять предметы, документы и сведения в предусмотренном УПК РФ порядке, проверке подлежит и процессуальное оформление таких действий: кем, когда, каким способом и в какой форме соответствующий объект был представлен, удостоверена ли его связь с делом и сохранена ли возможность последующей проверки происхождения.

Вместе с тем, по нашему мнению, не все нарушения требований к фиксации являются восполнимыми. Если дефект фиксации делает невозможным

установление того, как было произведено следственное действие, соблюдались ли при его производстве процессуальные требования, каковы его результаты, такой дефект невосполним. Протокол следственного действия, не содержащий указания на разъяснение участникам их процессуальных прав, создаёт презумпцию того, что такое разъяснение не производилось, и эта презумпция, как правило, невосполнима, поскольку последующие утверждения участников о разъяснении прав не могут заменить процессуальную фиксацию этого обстоятельства в момент производства действия. Протокол следственного действия, составленный настолько неполно, что из него невозможно установить, какие действия производились и каковы их результаты, не может быть восполнен показаниями участников, поскольку показания не заменяют протокол как основную форму фиксации хода и результатов следственного действия. Производство следственного действия без применения технических средств фиксации, когда такое применение было обязательным, не может быть восполнено последующим применением этих средств, поскольку момент производства действия уже прошёл.

Таким образом, критерий «существенности» нарушения порядка получения доказательств в предложенной модели не является универсальным заменителем анализа процессуального дефекта. Вначале необходимо определить, к какому элементу порядка относится нарушение и является ли оно восполнимым. Нарушения оснований и условий, состава участников и их прав, а также последовательности и содержания операций обычно имеют невосполнимый характер, если лишают действие законного основания, обязательной гарантии или проверяемой познавательной процедуры. В отношении нарушений фиксации требуется дополнительная оценка: если дефект делает невозможным проверку законности производства действия или достоверности его результатов, он является невосполнимым; если же дефект потенциально устраним, существенным следует признавать такое нарушение, последствия которого фактически не были устранены в ходе производства по

уголовному делу¹. Нарушение правил фиксации может не повлечь исключения доказательства лишь тогда, когда его последствия действительно устранены законными процессуальными средствами. При этом последующие действия не должны ограничивать права участников процесса, изменять содержание полученных сведений или подменять первоначальный ход следственного либо судебного действия. Если же дефект фиксации не позволяет проверить, как именно были получены сведения и соблюдались ли процессуальные гарантии, он не может рассматриваться как простой технический недостаток.

Практическое значение этой группы нарушений подтверждается результатами анкетирования. Дефекты протоколирования следственных действий были названы наиболее распространенными процедурными нарушениями: на них указали 58,4% респондентов. Нарушения требований к участию понятых отметили 44,8% опрошенных, отсутствие судебного решения – 43,2%. Отдельно следует отметить позицию адвокатов: 67,6% из них указали на несоблюдение требований к участию защитника². Эти данные показывают, что нарушения порядка оформления и участия обязательных лиц нередко затрагивают не только технику производства действия, но и реальные гарантии защиты.

Идея «восполнимости» отдельных процедурных дефектов прослеживается и в сравнительно-правовом материале. Так, УПК Республики Армения предусматривает, что доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушением установленной процедуры и негативные последствия такого нарушения невозможно устранить путём надлежащего производства иного процессуального действия по доказыванию³. Эта формулировка воплощает концепцию «восполнимости»: процедурное нарушение влечёт

¹ См.: Горюнов В.В. Несоблюдение формы протокола судебного заседания: последствия для дела // Уголовный процесс. 2025. № 2 (242). С. 72-77; Барыгина А.А. Процессуальные ошибки, допущенные судом в подготовительной части судебного заседания, послужившие основанием для отмены судебного решения // Российское правосудие. 2025. № 3. С. 60-68.

² См.: Приложение № 3.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 года (действующая редакция) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: http://www.parliament.am/law_docs/27072021ZR306_ru.pdf (дата обращения: 25.01.2026).

недопустимость доказательств только в том случае, если его последствия не могут быть устранены посредством повторного или дополнительного процессуального действия без нарушения прав участников и без искажения доказательственной информации. Хотя российский УПК РФ не содержит аналогичной прямой нормы, концепция «восполнимости» имплицитно присутствует в системе процессуального регулирования и должна быть, как представляется, эксплицирована в доктринальном толковании института допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве.

Основные выводы по итогам данного параграфа диссертации:

1. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с порядком получения доказательств, суть отступления от нормативно установленной процедуры производства конкретного следственного или иного процессуального действия. В отличие от дефекта способа, они касаются не выбора самого процессуального инструмента, а условий, гарантий, последовательности и фиксации его реализации.

2. Нарушения порядка получения доказательств структурируются на четыре группы в соответствии с элементами процессуальной процедуры любого следственного или иного процессуального действия: нарушения требований к основаниям и условиям производства действия; нарушения требований к составу участников и их процессуальным правам; нарушения требований к последовательности и содержанию процессуальных операций; нарушения требований к процессуальному оформлению и фиксации хода и результатов действия. Данная классификация отражает реальную структуру их законодательной регламентации в УПК РФ и обеспечивает достаточно полный охват типичных процессуальных дефектов с чёткими критериями разграничения между группами.

3. Специфика нарушений порядка получения доказательств заключается в их внутренней дифференциации по критерию восполнимости/невосполнимости процессуального дефекта. Нарушения требований к основаниям и условиям, к составу участников и их правам, к последовательности и содержанию операций

обычно имеют невосполнимый характер, поскольку соответствующие гарантии должны быть реализованы в момент производства действия. Четвёртая группа – нарушения требований к фиксации хода и результатов действия – является неоднородной и может включать как невосполнимые, так и восполнимые дефекты, требующие дополнительной оценки их последствий.

4. Нарушения требований к основаниям и условиям производства следственных и иных процессуальных действий создают темпоральный дефект: момент принятия решения о производстве действия уже прошёл, и создать надлежащие основания или обеспечить соблюдение условий *post factum* невозможно. Если отсутствие основания или нарушение условия затрагивает законность вмешательства в права участников либо саму правомерность производства действия, такое нарушение, как правило, влечёт признание полученных доказательств недопустимыми без обращения к критерию формальной «малозначительности».

5. Нарушения требований к составу участников следственных и судебных действий и их процессуальным правам создают конститутивный дефект: участие определённых лиц и обеспечение их процессуальных прав должны быть реализованы в момент производства следственного или иного процессуального действия. Нарушения, затрагивающие фундаментальные конституционные права – право на защиту, право не свидетельствовать против себя, права несовершеннолетних, а также обязательное участие защитника, специалиста, переводчика, педагога или психолога в случаях, когда закон связывает их присутствие с обеспечением прав участника и достоверности процедуры, – имеют конституционный уровень защиты и не допускают релятивизации через категорию существенности. В таких случаях дефект обычно является невосполнимым и влечёт признание доказательства недопустимым.

6. Нарушения требований к последовательности и содержанию процессуальных операций при производстве следственных и иных процессуальных действий создают процедурный дефект: правильная последовательность должна быть соблюдена в процессе производства действия.

Если нарушение необратимо искажает познавательную процедуру, препятствует проверке результата или затрагивает процессуальные гарантии участников, оно является невозполнимым и влечёт признание доказательства недопустимым без применения критерия восполнимости.

7. Нарушения требований к процессуальному оформлению и фиксации хода и результатов следственных и иных процессуальных действий неоднородны по своей правовой природе и включают как невозполнимые, так и восполнимые процессуальные дефекты. Невозполнимыми являются нарушения, которые лишают суд и стороны возможности установить, как было произведено следственное действие, соблюдались ли процессуальные требования, каковы его результаты. Восполнимыми являются нарушения, негативные последствия которых могут быть устранены посредством производства дополнительных процессуальных действий без нарушения прав участников и без искажения доказательственной информации. Такая оценка распространяется не только на протоколы следственных действий, но и на процессуальное оформление представления предметов, документов и сведений подозреваемым, обвиняемым, защитником и иными участниками, когда их действия выступают самостоятельным каналом введения доказательственной информации. Критерий существенности применим прежде всего к восполнимым нарушениям фиксации хода и результатов в протоколах: существенным является восполнимое нарушение, которое фактически не было восполнено в ходе производства по уголовному делу; несущественным – восполнимое нарушение, последствия которого были устранены посредством производства дополнительных процессуальных действий.

Настоящее диссертационное исследование было предпринято с целью разработки научной концепции нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, включающей их понятие, классификационное основание, внутренние типологии и критерии правовых последствий, а также с целью подготовки предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Проведённое исследование позволяет констатировать достижение указанной цели и сформулировать совокупность взаимосвязанных итоговых выводов.

Логика исследования развивалась от определения общетеоретических границ рассматриваемого явления к построению классификационной модели и далее к анализу конкретных групп нарушений. Первая глава позволила определить понятие, место и классификационное основание нарушений, влекущих исключение доказательств, а также проверить предложенную модель на сравнительно-правовом материале. Вторая глава конкретизировала эту модель применительно к субъекту, процессуальному источнику, способу и порядку получения доказательств, что позволило связать описание нарушений с вопросом об их юридических последствиях.

Первым результатом исследования стало разграничение нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, с иными уголовно-процессуальными нарушениями. Категория «нарушение уголовно-процессуального закона» используется в УПК РФ в разных нормативных контекстах и может порождать различные правовые последствия: недопустимость доказательства, отмену или изменение судебного решения, возвращение уголовного дела прокурору, дисциплинарную ответственность, компенсационные и иные механизмы реагирования. Поэтому для целей института допустимости доказательств принципиально важно выделять только те дефекты, которые связаны с получением доказательственной информации и способны лишить доказательство юридической силы.

Структурный анализ ст. 75 УПК РФ показал, что действующая редакция данной нормы соединяет процедурные и содержательные основания недопустимости. Часть 1 ст. 75 УПК РФ формулирует общее правило о недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, тогда как пункт 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ описывает не нарушение процедуры допроса, а дефект содержания показаний потерпевшего или свидетеля, основанных на догадке, предположении, слухе либо не позволяющих установить источник осведомлённости. Это обстоятельство требует нормативного разграничения процедурных дефектов получения доказательства и содержательных дефектов отдельных источников сведений.

Критический анализ доктринальных классификаций позволил обосновать структурный критерий систематизации нарушений: элемент доказательственной деятельности, в котором локализован дефект. По данному критерию выделены четыре группы нарушений: нарушения требований к субъекту получения доказательства; нарушения требований к процессуальному источнику (виду) доказательства; нарушения требований к способу получения доказательства; нарушения порядка производства следственных и иных процессуальных действий. Такая классификация не исключает использования дополнительных критериев оценки, но задаёт первичный алгоритм: сначала определить природу и место дефекта, затем решать вопрос о его правовых последствиях.

Сравнительно-правовой анализ правопорядков США, Германии, Франции и государств постсоветского пространства подтвердил сравнительно-правовую устойчивость выделенных элементов классификации. В разных правовых системах требования к субъекту, источнику, способу и процедуре получения доказательств формализованы неодинаково и влекут различные последствия, однако сама необходимость оценки этих элементов прослеживается во всех исследованных моделях. Компаративный материал также выявил решения, значимые для российского уголовного процесса, включая требование научной надёжности способов получения доказательственной информации и подходы к разграничению устранимых и неустранимых процессуальных дефектов.

Во второй главе общая классификационная модель была предметно раскрыта через критерии надлежащего получения доказательства и внутренние типологии нарушений. Применительно к субъекту получения доказательства выделены критерии процессуального статуса, надлежащей процессуальной связи с конкретным делом, отсутствия обстоятельств, исключающих участие субъекта, и правомочности на совершение конкретного действия. Применительно к процессуальному источнику доказательства установлено значение его предусмотренности ч. 2 ст. 74 УПК РФ, соответствия специальному процессуальному режиму и возможности проверки происхождения доказательственной информации. Применительно к способу получения доказательства раскрыты критерии предусмотренности законом, применимости к соответствующему источнику, отсутствия запрета на используемый метод и соблюдения функциональных пределов процессуального действия.

Анализ первых трёх элементов классификации показал, что нарушения требований к субъекту, процессуальному источнику и способу получения доказательства имеют значение для допустимости тогда, когда они затрагивают законный канал формирования доказательственной информации, компетенцию лица, получающего доказательство, либо гарантии прав участников уголовного судопроизводства. При этом не всякая организационная неточность, терминологическая ошибка или тактическая неудачность автоматически образует основание недопустимости. Основанием для исключения доказательства выступает такой дефект, который выводит получение сведений за пределы предусмотренной законом доказательственной формы или делает невозможной проверку их процессуального происхождения.

Особое значение имеет разграничение разных по последствиям нарушений порядка получения доказательств. Одни дефекты затрагивают сами основания или условия производства процессуального действия, участие обязательных лиц, реализацию их прав либо последовательность ключевых процессуальных операций. Если в результате такого нарушения невозможно проверить законность действия, соблюдение конституционных гарантий или неизменность

полученных сведений, последующее оформление не устраняет возникший дефект. В подобных случаях нарушение следует рассматривать как невосполнимое.

Иной характер имеют отдельные недостатки оформления и фиксации. Они могут быть восполнены, если дополнительные процессуальные действия позволяют достоверно установить ход и результаты первоначального действия, не ограничивают права участников и не изменяют содержание полученной доказательственной информации. Поэтому при оценке таких нарушений решающим становится не отвлеченное указание на их «существенность» или «несущественность», а проверка того, можно ли устранить последствия дефекта без ущерба для законности, прав участников и доказательственного значения сведений.

По итогам исследования сформулированы предложения по уточнению законодательства о допустимости доказательств. Их цель состоит в том, чтобы сделать правила оценки доказательственной информации более определенными и удобными для применения. Предлагаемые изменения направлены на разграничение процедурных и содержательных оснований недопустимости, уточнение требований к отдельным видам доказательств, в том числе к электронным документам, а также на закрепление более понятных критериев оценки способа получения сведений, научной обоснованности применяемых методов и последствий восполнимых и невосполнимых процессуальных дефектов. Эти предложения связаны с общей концепцией исследования и не являются набором разрозненных поправок.

В итоге сформированная в диссертации научная концепция охватывает несколько взаимосвязанных уровней анализа: определение места исследуемых нарушений в системе уголовно-процессуальных дефектов; структурную классификацию по элементам доказательственной деятельности; разработку критериев и типологий нарушений по каждому элементу; установление дифференцированных правовых последствий через критерий восполнимости. Единство концепции обеспечивается тем, что на каждом уровне анализа

используется один и тот же исходный ориентир – связь дефекта с конкретным элементом законной доказательственной деятельности.

Практическое значение исследования состоит в возможности использования предложенной модели как алгоритма оценки допустимости доказательства. Правоприменитель получает последовательность вопросов: какой элемент доказательственной деятельности затронут; какое конкретное требование УПК РФ нарушено; препятствует ли дефект проверке законности происхождения сведений; могут ли его последствия быть устранены без нарушения прав участников и без искажения доказательственной информации. Такая постановка вопроса повышает предсказуемость решений о допустимости доказательств и снижает зависимость вывода от общей оценочной формулы «существенности».

Проведённое исследование одновременно обозначило перспективные направления дальнейшей научной разработки: допустимость электронных и цифровых доказательственных сведений, специфику правовых последствий нарушений в дифференцированных формах уголовного судопроизводства, процессуальный механизм исключения недопустимых доказательств на различных стадиях процесса, а также пределы судебной инициативы при постановке вопроса о недопустимости доказательства.

Библиографический список использованных источников

Нормативные и официально-судебные материалы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
4. Закон РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/.
5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (действующая редакция) // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/10104229/>.
6. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/.
7. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/.

8. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/.

9. Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/.

10. Федеральный закон от 08.06.2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180745/.

11. Федеральный закон от 01.10.2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334479/.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова» // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437511/.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи

с жалобой гражданина В.Г. Скотникова» // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450077/.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 г. № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47218/.

15. Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 г. № 18-О «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=8328>.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47059/.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (действующая редакция) // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12181630/>.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» (действующая редакция) // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71551272/>.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» (действующая

редакция) // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71836922/>.

Зарубежное законодательство и международные источники

20. Конституция США. Поправка IV. Билль о правах. Принята 15.12.1791 г. // Национальные архивы США. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights-transcript>.

21. Конституция США. Поправка V. Принята 15.12.1791 г. // Конституция США. Аннотированный текст. Конгресс США. URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-5/>.

22. Конституция США. Поправка XIV. Принята 09.07.1868 г. // Конституция США. Аннотированный текст. Конгресс США. URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-14/>.

23. Федеральные правила о доказательствах США (Federal Rules of Evidence) // Cornell Law School, Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/fre>.

24. Уголовно-процессуальный кодекс Германии (Strafprozessordnung – StPO) // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stpo/englisch_stpo.html.

25. Уголовно-процессуальный кодекс Франции (Code de procédure pénale) // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/.

26. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 г. (действующая редакция) // Государственная миграционная служба АР. URL: <https://www.migration.gov.az/content/pdf/f5875139b52568b64830edb7a3d5855d.pdf>

27. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27.07.2021 г. (действующая редакция) // Национальное Собрание РА. URL: http://www.parliament.am/law_docs/27072021ZR306_ru.pdf.

28. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. (действующая редакция) // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900295>.

29. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009 г. (действующая редакция) // Портал о суде присяжных. URL: <http://jurytrial.ru/media/files/library/file895.pdf>.

30. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 г. (действующая редакция) // ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>.

31. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 г. (действующая редакция) // Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004.

32. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 г. (действующая редакция) // Legis.md. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=93477&lang=ru.

33. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 г. (действующая редакция) // Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594313.

34. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18.04.2009 г. (действующая редакция) // ИС КОНТИНЕНТ. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31344376.

35. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. (действующая редакция) // LEX.UZ. URL: <https://lex.uz/docs/111463>.

36. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 г. (действующая редакция) // ИС КОНТИНЕНТ. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178.

37. Решение Конституционного суда Грузии от 31 июля 2015 года № 2/2/579 по делу «Гражданин Грузии Майя Робахидзе против Парламента Грузии» // URL: <https://constcourt.ge/ka/judicial-acts?legal=1018>.

38. Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc., 509 U.S. 579 (1993) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/509/579/>.
39. Mapp v. Ohio, 367 U.S. 643 (1961) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/643/>.
40. Miranda v. Arizona, 384 U.S. 436 (1966) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/384/436/>.
41. Silverthorne Lumber Co. v. United States, 251 U.S. 385 (1920) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/251/385/>.
42. United States v. Leon, 468 U.S. 897 (1984) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/468/897/>.
43. Weeks v. United States, 232 U.S. 383 (1914) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/232/383/>.

Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии

44. Артамонова Е.А., Фирсов О.В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России: учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 240 с.
45. Балакшин В.С. Проверка и оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе. М.: Издательский дом «Юрлитинформ», 2024. 408 с.
46. Барыгина А.А. Доказывание в уголовном процессе: допустимость доказательств: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: изд-во «Юрайт», 2026. 194 с.
47. Брянская Е.В., Алтунина А.А. Основы процесса доказывания в свете судебной практики по уголовным делам: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 222 с.

48. Васяев А.А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. 176 с.

49. Гусенова П.А., Лотоцкий А.С. Нарушения уголовно-процессуального законодательства и пути их устранения: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. 114 с.

50. Егоров Н.Н., Ищенко Е.П. Руководство по производству следственных действий: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2025. 144 с.

51. Кудин Ф.М., Костенко Р.В. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе: уч. пос. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2002. 102 с.

52. Лупинская П.А. Избранные труды: монография / сост. Т.Ю. Вилкова, М.И. Воронин; отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 608 с.

53. Семенцов В.А. Проблемы следственных действий в досудебном производстве: Учебное пособие для вузов. М.: Юрлитинформ, 2025. 176 с.

54. Слифиш М.В. Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации: учебное пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 255 с.

55. Смирнов А.В. Судебные доказательства по уголовным делам. М.: Юр. НОРМА, НИЦ ИНФРА-М, 2026. 376 с.

56. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник; под общ. ред. А.В. Смирнова. 9-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 840 с.

57. Шейфер С.А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 112 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

58. Брагин Е.А. Процессуальный порядок и правовые последствия признания доказательств недопустимыми в российском уголовном процессе:

дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Брагин Евгений Александрович. Челябинск, 2003. 180 с.

59. Горбачёв А.В. Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Горбачёв Алексей Вячеславович. М., 2004. 203 с.

60. Григорьев А.И. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание к отмене или изменению приговора суда первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Григорьев Александр Игоревич. Екатеринбург, 2022. 262 с.

61. Кожевникова Ю.А. Исключение недопустимых доказательств из разбирательства уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кожевникова Юлия Александровна. Воронеж, 2005. 244 с.

62. Ларина Е.В. Признание доказательств недопустимыми в российском уголовном судопроизводстве (в стадии предварительного расследования): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ларина Елена Викторовна. М., 2005. 201 с.

63. Маркина Е.А. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Маркина Елена Александровна. М., 2000. 198 с.

64. Меринов Э.А. Реализация института недопустимости доказательств в уголовном судопроизводстве (теория и практика): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Меринов Эдуард Анатольевич. Владивосток, 2007. 220 с.

65. Перова Е.А. Система оснований отмены и изменения приговоров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Перова Елена Александровна. М., 2021. 342 с.

66. Ремизова М.С. Теоретические и правовые основы формирования допустимых доказательств в условиях состязательного уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Ремизова Марита Сергеевна. Саратов, 2025. 230 с.

67. Сущенко С.А. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных государств англо-американской и континентальной правовых семей: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сущенко Светлана Алексеевна. М., 2020. 268 с.

68. Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Терехин Владимир Вячеславович. Нижний Новгород, 2016. 441 с.

Статьи, материалы конференций

69. Абшилава Г.В., Пастухов П.С. Иные процессуальные действия в системе уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1 (44). С. 5-15.

70. Ахмедов У.Н. Типовые проблемы допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 4. С. 204-210.

71. Балакшин В.С. Алгоритм оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2020. № 1 (181). С. 78-85.

72. Балакшин В.С., Журавлева Н.М. «Асимметрия» правил оценки допустимости доказательств: дилемма применения в российском уголовном процессе // Вестник Могилевского института МВД. 2021. № 2 (4). С. 45-49.

73. Балакшин В.С. «Феномен» понятия и свойства недопустимости доказательств в российском уголовном процессе // Законность. 2022. № 3. С. 33-38.

74. Баранов А.М. Следственные действия или способы собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 17-21.

75. Барыгина А.А. Процессуальные ошибки, допущенные судом в подготовительной части судебного заседания, послужившие основанием для отмены судебного решения // Российское правосудие. 2025. № 3. С. 60-68.

76. Бачаев А.С.Э., Дадашов М.М. Следственные действия в уголовном судопроизводстве России: эффективность собирания доказательств и гарантии прав участников // Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами: сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 13-14 мая 2025 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. С. 15-19.

77. Брянская Е.В. К вопросу о критериях оценки допустимости и недопустимости доказательств по уголовному делу // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 88-100.

78. Быданцев Н.А., Конин В.В. Возвращение уголовного дела прокурору: анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 16-25.

79. Винокуров Э.А., Ковтун Ю.А. Отдельные проблемы оценки допустимости и достоверности доказательств по уголовным делам // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 131-136.

80. Воскобойник И.О. Некоторые аспекты свойства допустимости доказательств по уголовным делам // Российско-Азиатский правовой журнал. 2021. № 1. С. 8-11.

81. Гададов И.С. Проблемы допустимости доказательств в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). С. 419-420.

82. Гармаев Ю.П. Устранение сомнений в допустимости доказательств // Законность. 2011. № 5. С. 29-33.

83. Гладышева О.В., Семенцов В.А. Участие прокурора в собирании доказательств при производстве следственных действий // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 1. С. 18-26.

84. Гордей Я.В. Недопустимость (непригодность) доказательств в уголовном процессе РФ: теория и судебная практика // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2024. Т. 34, вып. 2. С. 290-300.

85. Горюнов В.В. Несоблюдение формы протокола судебного заседания: последствия для дела // Уголовный процесс. 2025. № 2 (242). С. 72-77.

86. Гришин Д.А. Уголовно-правовые последствия нарушения прав личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 3. С. 161-163.

87. Давыдовская М.В. Судебно-следственные действия как способ собирания доказательств // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 369-372.

88. Дикарев И.С. Правила допустимости доказательств с позитивным характером в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 112-118.

89. Ежова Е.В. Существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, как основание отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном или надзорном порядке: уголовно-правовое и уголовно-процессуальное наполнение терминов // Вестник Уфимского университета науки и технологий. Институт права. 2025. С. 41-47.

90. Ендольцева А.А., Карпов А.Р. Соотношение заключения эксперта с заключением специалиста в процессе доказывания по уголовному делу // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 07 ноября 2024 года. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. С. 264-267.

91. Есина А.С., Чиковани М.А. К вопросу об оценке доказательств на наличие свойства допустимости в ходе предварительного расследования // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 160-163.

92. Зотов Д.В., Панюшкин В.А. Обман в уголовном судопроизводстве: сущность, допустимость, формы // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 79-82.

93. Ибрагимова С.С. Недопустимость доказательств в российском уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2022. № 3. С. 164-165.

94. Ильин Д.В. Уголовно-процессуальные средства преодоления нарушений конституционных прав участников судопроизводства по делам, имеющим общественный резонанс // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6. С. 113-121.

95. Исаенко В.Н. Конституционное значение института допустимости доказательств в уголовном процессе // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 84-90.
96. Каац М.Э. К вопросу о совершенствовании механизма признания доказательств недопустимыми // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 234-240.
97. Каац М.Э. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе отдельных стран Ближнего Востока // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 2 (56). С. 119-127.
98. Казмиров М.А. Историко-правовой анализ правового статуса эксперта, специалиста и правовых норм, регулирующих использование специальных познаний, в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР // ГлаголЪ правосудия. 2024. № 1 (35). С. 7-15.
99. Ковалев Д.О. Проблемные вопросы недопустимости доказательств по уголовному делу // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: XXVII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч., Красноярск, 04-05 апреля 2024 года. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2024. С. 218-220.
100. Колоколов Н.А. Нарушения в суде норм УПК - причина частного определения в адрес председателя // Уголовный процесс. 2020. № 7(187). С. 68-77.
101. Коновалова А.Б., Гук А.Г. Следственные действия как способ собирания доказательств // Аллея науки. 2022. Т. 1, № 9 (72). С. 610-616.
102. Косарева Б.П. Допустимость доказательств как фактор формирования внутреннего убеждения субъекта доказывания по уголовным делам // Юридическая наука. 2024. № 3. С. 253-260.
103. Костенко Р.В. Проблемы правовых последствий нарушения правил допустимости доказательств в уголовном процессе // Современное право. 2014. № 8. С. 83-89.

104. Костенко Р.В. Первое правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Уголовное судопроизводство России: историческое наследие и современные проблемы теории и практики реализации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Краснодар: Издательский Дом «Юг», 2014. С. 126-138.

105. Костенко Р.В. Второе правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 184-188.

106. Костенко Р.В. Правило допустимости надлежащих процессуальных источников доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Вопросы правоведения. 2015. № 1. С. 101-118.

107. Костенко Р.В. Допустимость надлежащих процессуальных источников доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2015. № 3 (20). С. 348-356.

108. Костенко Р.В. Допустимость надлежащих процессуальных способов собирания доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Вопросы правоведения. 2016. № 1 (35). С. 159-166.

109. Костенко Р.В. Третье правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики в современном мире: материалы Всеросс. научн.-практ. конф., Краснодар, 22 декабря 2020 года / отв. ред. Т.Г. Бородинова. Краснодар: ООО "Издательский Дом - Юг", 2021. С. 81-87.

110. Костенко Р.В. Четвёртое правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. Ч. 1. С. 161-170.

111. Костенко Р.В. Допустимость доказательств в цифровую эпоху: трансформация процессуальных стандартов // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 1. С. 30-35.

112. Костенко Р.В., Шульгина Е.В. Проблема определения процессуальной формы показаний обвиняемого // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 23-32.

113. Крупницкая В.И. Допустимость доказательств и «иные» нарушения уголовно-процессуального закона // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 104-111.

114. Кувычков С.И., Трифонова М.В. Недопустимость доказательств в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9 (213). С. 166-168.

115. Кузнецов А.А., Земскова А.Д. Проблема недопустимости использования незаконно полученных доказательств, как одна из ключевых проблем реализации прав граждан // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93-5. С. 18-21.

116. Кузнецов М.С. Проблема формальной оценки доказательств в свете действия института недопустимых доказательств: коллизии между правом и практикой // Вестник Российского университета кооперации. 2024. № 3 (57). С. 137.

117. Кунашев М.А. Понятие существенного процессуального нарушения при расследовании уголовных дел // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 70-74.

118. Лазарева В.А. Следственные действия как способы собирания и формирования доказательств // Jus Strictum. 2025. № 1. С. 23-30.

119. Лазарева В.А. Теория следственного действия С.А. Шейфера (к юбилею Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 1. С. 41-50.

120. Лантух Н.В. Критерии проверки и оценки допустимости и достоверности доказательств при осуществлении уголовного преследования // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 2. С. 85-96.

121. Левченко И.А., Григорьева В.А. Недопустимость использования при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением закона, как

конституционно-правовой принцип // Российское государство и право: история и современность: сб. ст., Новочеркасск, 18 мая 2023 года. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2023. С. 51-56.

122. Лебедева Е.К. Некоторые аспекты недопустимости доказательств как процессуального основания для их исключения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3, № 1. С. 80-86.

123. Макарова К.В. Нарушения отдельных норм УПК РФ и УК РФ органами предварительного расследования при направлении уголовного дела в суд и возможные пути их преодоления // Современное российское право. 2020. № 8 (17). С. 32-38.

124. Малина М.А. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект // Российский следователь. 2023. № 1. С. 20-24.

125. Мальцагов И.Д., Увайсаева М.А.-В., Хадиев А.А. Получение доказательств в уголовном процессе надлежащим субъектом как условие его допустимости // Вестник Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова. 2022. Т. 27, № 3. С. 147-150.

126. Маркова Т.Ю. Существенное нарушение уголовно-процессуального закона как основание к отмене приговора: общие положения // Перспективные прикладные исследования и инновации: сб. ст. Междунар. научн. конф., Кингисепп, 20 мая 2023 года. СПб.: ООО «Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова», 2023. С. 68-70.

127. Маркова Т.Ю. Проблемы применения существенного нарушения закона как основания обжалования приговора // Анализ проблем внедрения результатов инновационных исследований и пути их решения: сб. ст. Междунар. научн. конф., Екатеринбург, 22 мая 2023 года. СПб.: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования

Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2023. С. 63-65.

128. Маркова Т.Ю. Условные нарушения уголовно-процессуального закона как основание к отмене приговора // Перспективные гуманитарные, социальные и экономические исследования: сб. ст. Междунар. науч. конф., Омск, 25 мая 2023 года. СПб.: ООО «Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова», 2023. С. 80-82.

129. Мичурина О.В., Мичурин В.С. Нарушения уголовно-процессуальных норм, их причины и пути преодоления // Российский следователь. 2023. № 9. С. 21-25.

130. Новиков А.А., Петросян Д.А. Проблемы допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Научные известия Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 27. С. 268-273.

131. Нурбаев Д.М. Отдельные аспекты признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России. 2022. № 2 (91). С. 136-143.

132. Одношовина Ю.А. Понятие следственных действий как способа собирания доказательств // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сб. ст. по материалам CCCXLII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29 января 2024 года. М.: ООО «Интернаука», 2024. С. 134-137.

133. Орлов А.А. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в уголовном процессе // Вестник. Государство и право. 2022. № 1 (32). С. 69-73.

134. Папикян А.П. Нарушения Уголовно-процессуального кодекса, связанные с процессом доказывания // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 290-294.

135. Перетятыко Н.М., Федюнин А.Е. Допустимость доказательств в отечественном уголовном процессе в аспекте культуры правотворчества // Правовая культура. 2021. № 3 (46). С. 66-74.

136. Пермяков В.Э. Допустимость доказательств в российском и зарубежном уголовном процессе: сравнительно-правовой анализ // Научная школа уголовного процесса и криминалистики СПбГУ: материалы XV Междунар. научн.-практ. конф. М.: Русайнс, 2024. С. 284-292.

137. Першина Е.А., Подмоков Н.С. Становление и развитие института допустимости доказательств в отечественном уголовном процессе // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024. Т. 6, № 4 (93). С. 144-146.

138. Петрикина А.А., Резниченко Т.Р. Современное понимание допустимости доказательств в уголовном процессе // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2024. № 1. С. 143-146.

139. Попов А.П., Зинченко И.А., Попов А.А. Допустимость и достоверность доказательств в уголовно-процессуальном праве // *Пробелы в российском законодательстве*. 2021. Т. 14. № 1. С. 141-147.

140. Потанин А.О. Типичные существенные и несущественные нарушения УПК РФ: анализ практики 2024 года // *Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной научному творчеству доктора юридических наук, профессора В.Ю. Мельникова, Ростов-на-Дону, 28 мая 2025 года*. Ростов-на-Дону: Всероссийский государственный университет юстиции, 2025. С. 87-92.

141. Пяшин С.А. О некоторых правилах оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020. № 1 (85). С. 119-124.

142. Ревина И.В., Бондарева А.В., Гусеян Г.О., Выходцева А.В., Гайдаржи В.А., Каверин К.Р. К вопросу об асимметрии правил допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // *Современная научная мысль*. 2025. № 2. С. 277-281.

143. Ремизова М.С. Институт допустимости доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве в период с 1864 г. по 2001 г.:

историко-правовой взгляд // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 2. С. 159-166.

144. Россинский С.Б. Собираание доказательств vs исследование доказательств в контексте Шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 3. С. 47-54.

145. Самойлова В.С., Пестовская А.Л., Подопрigора А.А. Проблемы оценки доказательств по уголовному делу // Человек. Социум. Общество. 2025. № 7. С. 242-253.

146. Сангаджиев Б.В. Некоторые аспекты организации деятельности по защите процессуальных прав личности // Евразийская адвокатура. 2021. № 6 (55). С. 90-92.

147. Смирнов А.В. К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судопроизводство. 2024. № 3. С. 20-23.

148. Смолин А.В. Доказательства, формируемые с применением специальных знаний // Актуальные проблемы использования специальных знаний при выявлении и доказывании экономических преступлений: сб. науч. ст. по итогам Всеросс. науч.-практ. конф., Нижний Новгород, 12 декабря 2023 года. Нижний Новгород: ООО "Стимул-СТ", 2024. С. 343-345.

149. Соткова В.В. Нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые на разных стадиях уголовного судопроизводства и при разных производствах по уголовным делам // E-Scio. 2022. № 6 (69). С. 1250-1255.

150. Терехин В.В. Допустимость доказательств в свете информационно-когнитивного подхода к доказыванию в уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 87-91.

151. Терехин В.В., Шевченко О.А. О нормативно-правовой конструкции допустимости доказательств и возможности ее совершенствования в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 131-136.

152. Титова К.А., Литвинова И.В. К вопросу о возможности применения существующих критериев допустимости доказательств к электронным доказательствам в Российском уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 2 (91). С. 144-151.

153. Файрушина Р.Д. Способы признания доказательств недопустимыми // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 68-74.

154. Францифоров Ю.В., Царев Ю.Н. Правовые стандарты допустимости уголовно-процессуальных доказательств // Контроль над преступностью и обеспечение прав личности как приоритеты современной уголовно-процессуальной политики: сб. материалов Всеросс. научн.-практ. конф. Саратов: СГЮА, 2021. С. 143-150.

155. Холод Д.В., Глебов В.Г. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание для отмены или изменения приговора в суде апелляционной инстанции // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 4, ч. 2. С. 261-266.

156. Чурилов С.Н. Об аморальности обмана как средства получения достоверных показаний // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2019. № 3 (35). С. 45-51.

157. Шадрин В.С. Признание доказательств недопустимыми: проблемы и тенденции правоприменения // Научная школа уголовного процесса и криминалистики СПбГУ: материалы XV Междунар. научн.-практ. конф. М.: Русайнс, 2024. С. 234-241.

158. Шатохина Е.Д. Нарушения норм уголовно-процессуального законодательства и материального права как основание для возвращения уголовного дела следователю руководителем следственного органа для производства дополнительного следствия // Закон и право. 2024. № 4. С. 238-244.

159. Шепелева О.Р., Преблагина К.И. Правовые и фактические основания формирования доказательств на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Юридические исследования. 2023. № 11. С. 42-52.

160. Шмелева Е.С. Основания отмены (изменения) судебного решения в надзорной инстанции по УПК РФ // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2024. С. 107-112.

161. Ястребова Т.И. Особенности формирования доказательств в уголовном процессе России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 24, № 1. С. 40-43.

Материалы правоприменительной практики

162. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.01.2020 г. № 9-АПУ19-24 // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/73714268/>.

163. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.07.2019 г. № 47-УД19-12 // Судебная практика высших судов РФ (Legalacts). URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24072019-n-47-ud19-12/>.

164. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.12.2020 г. № 89-УДП20-10 // LegalActs. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17122020-n-89-udp20-10/>.

165. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.05.2024 г. № 53-УДП24-10-К8 // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/409315720/>.

166. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.06.2024 г. № 33-УД24-9-А2 // Судебная практика высших судов РФ (Legalacts). URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe->

opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-20062024-n-33-ud24-9-a2/.

167. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 18.12.2018 г. № 203-АПУ18-26 // Судебная практика высших судов РФ (Legalacts). URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18122018-n-203-apu18-26/>.

168. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 16.05.2023 г. № 224-УД23-5-А6 // Судебная практика высших судов РФ (Legalacts). URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16052023-n-224-ud23-5-a6/>.

169. Обзор практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с запретом использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 августа 2020 г.) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/29220/.

170. Обзор практики кассационных судов общей юрисдикции о признании доказательств недопустимыми (2024-2025 гг.) // Федеральная палата адвокатов РФ: официальный сайт. URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-o-priznanii-dokazatelstv-2024-2025/>.

171. Обзор практики кассационных судов общей юрисдикции с примерами оснований для отмены решений судов первой и апелляционной инстанций // Федеральная палата адвокатов РФ: официальный сайт. URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-praktiki->

kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-s-primerami-osnovaniy-dlya-otmeny-resheniy%2010-25/.

172. Определение Кассационного военного суда от 21.03.2023 г. по делу № 77-3/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJF&n=8623&cacheid=12C346A00D5F0140A8D177D668D8DE21&mode=splus&rnd=y7Z9Q#oOqWZsTIQIeDIqV>.

173. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.02.2022 г. по делу № 77-779/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ001&cacheid=0FCCB43AAA86084A6531163216A6EBEB&mode=splus&n=77185&req=doc&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&ts=KgGJJRTaufzCYySs>.

174. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.07.2024 г. по делу № 77-2510/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=178387&cacheid=B94D55EC2D07B46BFAB460F257756536&mode=splus&rnd=NSxpoTUeZtpajfdm#4AKqoTUuw6U6RARM1>.

175. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2024 г. по делу № 77-2663/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=180306&cacheid=B39CD8FC5607B7D3271CD4F0052A0C51&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#jKXyoTUqTNgw4iwq>.

176. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2021 г. по делу № 77-3522/2021 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&ca>

[cheid=2FD1853F057CFD24171259CD3F42923B&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ002&n=53520#ykjQJRTUuwJ6r7YM1](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=2FD1853F057CFD24171259CD3F42923B&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ002&n=53520#ykjQJRTUuwJ6r7YM1).

177. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.12.2021 г. по делу № 77-4150/2021 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=D9827C80C4058FD7EA630841F9BDBD29&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ002&n=55681#06tRJRTUyFKSS6S6>.

178. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.12.2021 г. по делу № 77-4468/2021 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=F9DD02EAD6A690BA57B2640EFC94E20C&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ002&n=71124#iRySJRTVRgNK7xs4>.

179. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.09.2022 г. по делу № 77-3100/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=82330&cacheid=FE0B2C723D6869BF4CC65129F327F234&mode=splus&rnd=y7Z9Q#nkEYZsTjHjuD4LYY>.

180. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.10.2022 г. по делу № 77-3707/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=89374&cacheid=81F2EA6BF6E0D95AADD1A97DB17DDC19&mode=splus&rnd=y7Z9Q#ThvXZsTYX4aqA28B1>.

181. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2023 г. по делу № 77-963/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=108746>

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=102410&cacheid=A1E80510DFCF851A1A02130E5B808D74&mode=splus&rnd=y7Z9Q#84WWZsTKMIIw5FI32>.

182. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2023 г. по делу № 77-1008/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=102410>.

183. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2023 г. по делу № 77-1057/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=103542&cacheid=D06BA709EEE84D9249484685ECFFAC4E&mode=splus&rnd=y7Z9Q#U3qXZsTqU7jFPbqN>.

184. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.06.2023 г. по делу № 7У-4210/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=110324&cacheid=FA23CDC34496ADCD985857A3376FB0AD&mode=splus&rnd=y7Z9Q#vRzWZsTwVPZul7Wb>.

185. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.08.2023 г. по делу № 77-2422/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=112659&ysclid=mko28du0n4681230196#k7waw8Vw0WbFO9Kz>.

186. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.09.2023 г. по делу № 77-3001/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=119887&cacheid=B3324491ED8A54BFBDC49DEE47594416&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#wt5zoTU2iFQHyWPA>.

187. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31.10.2023 г. по делу № 77-3554/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=133497&cacheid=8F3486DCEADE1EA6B86D12BBEDF34CB7&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#Ti7woTUo8qhCkX5s>.

188. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2023 г. по делу № 77-3833/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=128653&cacheid=2B11E4F8EDC8CDEA91D030DCCA463AF7&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#605toTUp4TmiakWI>.

189. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.07.2024 г. по делу № 77-1874/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=147276&cacheid=C87B781D609E16F12F66972C851937DF&mode=splus&rnd=NSxpoTUEZtpajfdm#pSUqoTUoVnr87X102>.

190. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.11.2024 г. по делу № 7У-7839/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=155398&cacheid=10900CD3B3069A0C359DA703370D5FD5&mode=splus&rnd=4uK4Z3Vm668Fldau#Sk7AZ3Vikkp9Adv71>.

191. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.11.2024 г. по делу № 77-2900/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=155229&cacheid=033BF8199C922277073418B3A937E499&mode=splus&rnd=4uK4Z3Vm668Fldau#wlfeZ3V2J9J6OMdE1>.

192. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2023 г. по делу № 77-3478/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=147029&cacheid=3067A3AED454E4CEE52AA0FFCBD774C0&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#2uQzoTUAH4Cd3WcJ2>.

193. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2023 г. по делу № 88-40525/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=172547&cacheid=8C49749410E1D58289768069A3F18612&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#bkguoTUefEkjFcI71>.

194. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2024 г. по делу № 77-1066/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=174961&cacheid=514B53E634442E5D3A25CDA745554E87&mode=splus&rnd=C0Xhwg#6mDsoTU2SN8Rn7z41>.

195. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04.07.2024 г. по делу № 77-1670/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=184084&cacheid=9E9AAB936975A26301C4507B8E1763E9&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#DubyoTUwp0m2RLMt>.

196. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2025 г. по делу № 77-1632/2025 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ004&n=217165&req=doc>.

197. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2021 г. по делу № 77-1900/2021 // КонсультантПлюс:

информационно-правовой портал. URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=CF8D0AA97D4CA56670169500FECE48D6&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ003&n=41069#VF1SJRTwx4UMkSpS1>.

198. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2023 г. по делу № 77-1148/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=45346&cacheid=6302468B824C29B4A3E13ECD910162A3&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#hBhyoTUKUOA9Ag6Q2>.

199. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.08.2023 г. по делу № 77-1341/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=46354&cacheid=2581F3728BC00BE336983DBC3B67234D&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#TMmuoTU8W2aHHFKR1>.

200. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2023 г. по делу № 77-1639/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=50928&cacheid=966A9B731EFCD0DD7033CA720C408FA3&mode=splus&rnd=C0Xhwg#dgKsoTUAxzR63nLx4>.

201. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2024 г. № 77-116/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=54009&cacheid=1475A3C365421318B93AD45057840115&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#R7HtoTU0en8Y4j4N1>.

202. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2021 г. по делу № 77-493/2021 // КонсультантПлюс:

информационно-правовой портал. URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=35804#gtvelzUr9qnXsZoB>.

203. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2022 г. по делу № 77-462/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ006&cacheid=1E9C401EA9EEA8E5177BC04CC89916E9&mode=splus&n=71085&req=doc&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&ts=KgGJJRTaufzCYySs>.

204. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2022 г. по делу № 77-5594/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=99402&cacheid=4ED5B0334A3D79F6ED7CE621497ABF1F&mode=splus&rnd=y7Z9Q#AmYXZsTqqZGypXzk>.

205. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.07.2023 г. по делу № 77-3012/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=123294&cacheid=C76F77C230E581CC08E1A8C35067DE07&mode=splus&rnd=y7Z9Q#j7CXZsTgJzpceAwM1>.

206. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2022 г. по делу № 77-79/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=B8AF6264B94B8AC8A486C019903C06D8&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ007&n=53449#L9hPJRT6jqa46X2S1>.

207. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2022 г. по делу № 77-706/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=1B56B8A6B25C940420D3DB2036E05048&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ007&n=52466#Gt7SJRTX6wuFXKl6>.

208. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2022 г. по делу № 77-2241/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=FDFB5B709CADF56C55EB424A1AD47C55&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ007&n=63375#VIXRJRTUuI6b1MoA>.

209. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2023 г. по делу № 77-1614/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=87615&cacheid=56F3935F761E104533B170228CCF425E&mode=splus&rnd=y7Z9Q#eH0ZzsTvxt14ni>.

210. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2024 г. по делу № 77-1776/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=114431&cacheid=6F6394111C81EF2FADF939CF275F9661&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#MUqxoTUas2ZufuUB2>.

211. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2024 г. по делу № 77-2431/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=117373&cacheid=64597D186CE5D01B11123A761245DD87&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#aCStoTUKIo3BCGcD>.

212. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 г. по делу № 77-3316/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=108917&cacheid=A7092E674BF6E8C612824065A30EE0CB&mode=splus&rnd=y7Z9Q#cU5ZZsTyFtwU3YeG1>.

213. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2024 г. по делу № 77-857/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=70216&cacheid=B81EDD7A136FBEF51F3892BA2A17E840&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#EmjsoTUI9DRshZ7a>.

214. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.06.2022 г. по делу № 77-2703/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=F28FE4B95EEDE999B633C3CFC35F56AF&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ001&n=89379#GOdRJRTQ7GeQBuOo>.

215. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.10.2023 г. по делу № 77-4633/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=147779&cacheid=6919981C925D8D69F50D923742619A00&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#BBx0pTUQMkis9Ey7>.

216. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2024 г. по делу № 77-1743/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=173279&cacheid=1FD73017995D49F93E85E723484462D2&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#A6zsoTUktw0kmS7E1>.

217. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.05.2022 г. по делу № 77-1758/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KgGJJRTaufzCYySs&cacheid=35FF7607E0908DD28EE4FCF6A7B59738&mode=splus&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1&base=KSOJ002&n=75222#CloQJRTTXgYwBmd5>.

218. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2022 г. по делу № 77-4402/2022 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ002&n=94424&req=doc>.

219. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2023 г. по делу № 77-3281/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=KSOJ002&n=121306&req=doc>.

220. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2024 г. по делу № 77-1613/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=143084&cacheid=50C9200C85411FFBB7E122DCB47E71D3&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#mDPuoTUW2KnSy43>.

221. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.11.2023 г. по делу № 77-2535/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=101189&cacheid=59ADF0CAF312C335BE129AA2073965CC&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#TF7soTUWP3jMjSIJ>.

222. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.04.2023 г. по делу № 77-1537/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=130335&cacheid=97A6E21400E4677B6F8F6DF9A57CC467&mode=splus&rnd=y7Z9Q#447XZsTuJ2mcmPpY>.

223. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.01.2024 г. по делу № 77-229/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=165522&cacheid=77CF241C780E5002857A5B69A4CA2F96&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#FTfzoTU653xiHbsV2>.

224. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.07.2024 г. по делу № 77-1889/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=183385&cacheid=285D2DB6C74FB75B9872684535899FD4&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#XABtoTUwT72E4Rbm>.

225. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2024 г. № 77-236/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=144154&cacheid=96F3A7873EA279C1E65B72519FC27531&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#4vMtoTUKfoFjd4GC1>.

226. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.10.2023 г. по делу № 77-3892/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=95258&cacheid=7BA2F025A993A0A5340F310D1D7EBEAC&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#kkIuoTUSANWckjKp1>.

227. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2024 г. по делу № 77-933/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=111284&cacheid=4A3BA53A6C0975EC996201DDA5DF585A&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#XAvzoTUudJlS7eDp>.

228. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.07.2024 г. по делу № 77-2035/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=118272&cacheid=E94FF6EB1C6CDE2942B5D77A137A5595&mode=splus&rnd=C0Xhwg#yzUsoTU7V6PZiiA9>.

229. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.02.2024 г. по делу № 77-704/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=127675&cacheid=B4764AF862D65220B411CBF5634AA8B4&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#QcXtoTUW02F5DvGW1>.

230. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.06.2024 г. по делу № 77-2400/2024 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=136346&cacheid=08CA5561B0A9D09A74DEDBD14C2DE338&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#2EdsoTUGak14CDyN3>.

231. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2023 г. по делу № 77-1979/2023 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=61735&cacheid=0397FA5E177ADED12AA1D9BA363F37DA&mode=splus&rnd=0.8540937269136253#ICEyoTUEFUhULxhp>.

Литература на иностранных языках

232. Ancona G. Unpacking Barało: Suspect Vulnerability, Procedural Rights and the Challenge of Effective Remedies // European Papers. 2026. Vol. 11. № 1. P. 21-46. URL: <https://www.europeanpapers.eu/e-journal/unpacking-baralo-suspect-vulnerability-procedural-rights-challenge-effective-remedies>.

233. Brière C., Weyembergh A. The Needed Balancing Act in EU Criminal Law: Admissibility of Evidence in Criminal Proceedings in the EU // Eucrim: The European Criminal Law Associations' Forum. 2021. Issue 1. P. 35-43. URL: <https://eucrim.eu/articles/admissibility-evidence-criminal-proceedings-eu/>.

234. Gless S., Richter T. Strikte Beweisverwertungsverbote – Ein Gebot des Rechtsstaats? // Kriminalpolitische Zeitschrift. 2018. 3 August. URL: <https://kripoz.de/2018/08/03/strikte-beweisverwertungsverbote-ein-gebot-des-rechtsstaats/>.

235. Knigge G., Pitcher K.M., Mevis P.A.M. Judicial Responses to Procedural Defects: A Comparative Perspective // Journal of International Criminal Justice. 2016. Vol. 14. №. 3

236. Pitcher K.M. Judicial Responses to Pre-Trial Procedural Violations in International Criminal Proceedings: PhD Thesis. University of Amsterdam, 2016. 412 p. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/2745095/176650_PITCHER_Thesis_ZONDER_omslag_PUBLIC.pdf.

**Проект Федерального закона
«О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс
Российской Федерации»**

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1) пункт 2 части 2 статьи 75 признать утратившим силу;

2) дополнить статью 78 частью 3 следующего содержания:

«3. Не могут служить доказательством показания потерпевшего, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания потерпевшего, который не может указать источник своей осведомлённости.»;

3) дополнить статью 79 частью 3 следующего содержания:

«3. Не могут служить доказательством показания свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомлённости.»;

4) часть 1 статьи 75 изложить в следующей редакции:

«1. Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения, приговора или иного процессуального решения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьёй 73 настоящего Кодекса. Нарушения требований настоящего Кодекса к субъектам получения доказательств, процессуальным источникам (видам) доказательств и способам получения доказательств являются основанием для признания доказательств недопустимыми, если соответствующий дефект устраняет законный процессуальный канал получения сведений, препятствует проверке их происхождения либо затрагивает конституционные гарантии участников уголовного судопроизводства.»;

5) дополнить статью 75 частью 3 следующего содержания:

«3. Нарушение требований настоящего Кодекса к порядку производства следственного или иного процессуального действия не влечёт признания полученного доказательства недопустимым, если процессуальный дефект является восполнимым. Процессуальный дефект признаётся восполнимым при одновременном соблюдении следующих условий: дефект не затрагивает конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства; дефект не связан с нарушением требований к субъекту, виду или способу получения доказательства; дефект не повлёк искажения познавательной процедуры следственного или иного процессуального действия; дефект касается документальной фиксации хода и результатов процессуального действия и может быть устранён посредством дополнительных уголовно-процессуальных действий, произведённых в установленном настоящим Кодексом порядке. Бремя доказывания восполнимости процессуального дефекта возлагается на сторону, представившую соответствующее доказательство.»;

6) дополнить статью 75 частью 4 следующего содержания:

«4. Недопустимыми являются доказательства, полученные с применением методов, не соответствующих современному уровню научных знаний. Соответствие метода современному уровню научных знаний устанавливается с учётом утверждённых в

установленном порядке методик, правил, инструкций и стандартов его применения, а при необходимости — с использованием специальных знаний, в том числе на основе заключения эксперта.»;

7) дополнить статью 84 частью 4 следующего содержания:

«4. Документы, существующие в электронной (цифровой) форме, могут быть признаны допустимыми доказательствами при условии подтверждения их аутентичности (происхождения), целостности и неизменности содержания. Указанные требования проверяются с учётом метаданных, сведений о технической среде создания, хранения и передачи документа, контрольных сумм, журналов изменений, данных распределённых реестров либо иных технических средств, позволяющих идентифицировать источник, время создания и историю изменений электронного документа.»;

8) дополнить статью 164 частью 6 следующего содержания:

«6. Производство следственных действий, не предусмотренных настоящим Кодексом, не допускается. Не допускается подмена одного следственного действия другим или объединение элементов различных следственных действий, если это влечёт несоблюдение процессуальных гарантий, установленных для каждого из них.».

АНКЕТА

Тема исследования:

«Нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств»

Уважаемые коллеги!

Просим Вас принять участие в научном исследовании, посвящённом актуальным проблемам нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств в российском уголовном судопроизводстве.

Анкета является анонимной.

Полученные данные будут использованы исключительно в научных целях.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕСПОНДЕНТЕ

Ваша процессуальная роль: _____

Стаж профессиональной деятельности: _____

Регион: _____

1. Насколько, по Вашему мнению, в современной правоприменительной практике сформированы единообразные критерии разграничения нарушений уголовно-процессуального закона, безусловно влекущих недопустимость доказательств, от процессуальных дефектов, не препятствующих их использованию?

- ☐ Критерии сформированы и последовательно применяются
- ☐ Критерии существуют, но применяются непоследовательно
- ☐ Критерии отсутствуют, что порождает правовую неопределённость
- ☐ Затрудняюсь ответить

2. Какую функцию института исключения недопустимых доказательств Вы считаете приоритетной в российском уголовном процессе?

- ☐ Обеспечение достоверности доказательственной информации
- ☐ Защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства
- ☐ Обе функции равнозначны
- ☐ Дисциплинирующее воздействие на субъектов доказывания
- ☐ Иное (укажите): _____

3. Считаете ли Вы методологически обоснованной классификацию нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, по четырём группам: (1) нарушения требований к субъектам получения доказательств; (2) нарушения требований к видам (формам) доказательств; (3) нарушения требований к

способам получения доказательств; (4) нарушения требований к порядку производства следственных, судебных и иных процессуальных действий?

☐ Да, эта классификация исчерпывающе охватывает все процессуальные дефекты

☐ В целом да, но требует дополнения иными критериями

☐ Нет, необходима иная система классификации

☐ Затрудняюсь ответить

4. Применяете ли Вы в практической деятельности деление нарушений УПК РФ на "существенные" и "несущественные" при решении вопроса о допустимости доказательств?

☐ Да, систематически разграничиваю нарушения по степени существенности

☐ Применяю, но испытываю затруднения в определении критериев существенности

☐ Нет, поскольку статья 75 УПК РФ не предусматривает такой градации

☐ Иное (укажите): _____

5. С какой частотой в Вашей практике встречаются нарушения, связанные с получением доказательств ненадлежащим субъектом (например, производство следственных действий лицом, не уполномоченным на их производство, или при отсутствии надлежащего процессуального статуса)?

☐ Регулярно (в большинстве рассматриваемых дел)

☐ Периодически (примерно в четверти дел)

☐ Редко (единичные случаи)

☐ Не встречались

6. Какие нарушения, связанные с субъектом получения доказательств, Вы считаете наиболее распространёнными в современной практике? (возможно несколько вариантов)

☐ Производство следственных действий при отсутствии возбуждённого уголовного дела

☐ Производство следственных действий следователем (дознавателем) вне пределов территориальной подследственности

☐ Получение доказательств лицом, подлежащим отводу

☐ Производство следственных действий при неопределённом процессуальном статусе участников

☐ Участие в следственных действиях ненадлежащих субъектов (например, заинтересованных понятых)

☐ Иное (укажите): _____

7. Встречались ли в Вашей практике случаи признания доказательств недопустимыми по основанию несоответствия их процессуальной формы требованиям статьи 74 УПК РФ (например, использование в качестве доказательства сведений, не облечённых в предусмотренную законом форму)?

- ☐ Да, регулярно
- ☐ Да, но редко
- ☐ Нет, не встречались
- ☐ Затрудняюсь ответить

8. Какие нарушения требований к виду (форме) доказательств представляют наибольшую сложность для правоприменения? (возможно несколько вариантов)

- ☐ Использование в доказывании материалов, не являющихся процессуальными доказательствами (рапорты, служебные записки, объяснения и т.п.)
- ☐ Недопустимость производных доказательств при нарушении правил получения первоначального доказательства
- ☐ Процессуальная квалификация электронных документов и цифровых следов
- ☐ Разграничение иных документов и вещественных доказательств
- ☐ Иное (укажите): _____

9. Какие нарушения требований к способам получения доказательств встречаются в Вашей практике наиболее часто? (возможно несколько вариантов)

- ☐ Применение недозволенных способов получения доказательств (насилие, угрозы, обман)
- ☐ Получение доказательств способом, не предусмотренным УПК РФ
- ☐ Использование результатов оперативно-розыскной деятельности с нарушением требований статьи 89 УПК РФ
- ☐ Провокация преступления при проведении оперативно-розыскных мероприятий
- ☐ Получение доказательств посредством следственного действия, не соответствующего целям получения конкретной информации
- ☐ Иное (укажите): _____

10. Насколько чёткими, по Вашему мнению, являются критерии разграничения допустимых и недопустимых способов получения доказательств в действующем уголовно-процессуальном законодательстве?

- ☐ Критерии определены достаточно чётко
- ☐ Критерии нуждаются в законодательной конкретизации
- ☐ Критерии отсутствуют, что создаёт риски произвольного правоприменения
- ☐ Затрудняюсь ответить

11. Какие процедурные нарушения порядка производства следственных действий встречаются в Вашей практике наиболее часто? (возможно несколько вариантов)

- ☐ Отсутствие или ненадлежащее оформление судебного решения в случаях, предусмотренных УПК РФ
- ☐ Несоблюдение требований к участию защитника при производстве следственных действий

- ☐ Нарушения требований к участию понятых (либо к применению технических средств фиксации)
- ☐ Несоблюдение процессуального порядка разъяснения прав участникам следственных действий
- ☐ Дефекты протоколирования следственных действий (неполнота, противоречивость протокола)
- ☐ Нарушение требований о предварительном уведомлении прокурора
- ☐ Производство следственных действий в ночное время без законных оснований
- ☐ Иное (укажите): _____

Дополнительные комментарии и предложения:

Благодарим Вас за участие в исследовании!

СВОДНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

по теме диссертационного исследования «Нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств»

Анкетирование проведено в период подготовки диссертационного исследования. Опрошено 250 практических работников, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере уголовного судопроизводства, из 15 субъектов Российской Федерации: Краснодарский край, Ростовская область, Волгоградская область, Астраханская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Крым, город Севастополь, Ставропольский край, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика. Анкетирование проводилось на условиях анонимности.

I. Общие сведения о респондентах

Таблица 1. Распределение респондентов по процессуальному статусу

Категория респондентов	Количество	Доля (%)
Судьи	58	23,2
Следователи	72	28,8
Прокуроры	52	20,8
Адвокаты (защитники)	68	27,2
Итого	250	100,0

Таблица 2. Распределение респондентов по стажу профессиональной деятельности

Стаж работы	Количество	Доля (%)
До 5 лет	52	20,8
От 5 до 10 лет	78	31,2
От 10 до 20 лет	82	32,8
Свыше 20 лет	38	15,2
Итого	250	100,0

II. Результаты анкетирования по вопросам исследования

Вопрос 1. Насколько, по Вашему мнению, в современной правоприменительной практике сформированы единообразные критерии разграничения нарушений уголовно-процессуального закона, безусловно влекущих недопустимость доказательств, от процессуальных дефектов, не препятствующих их использованию?

Таблица 3. Результаты ответов на вопрос 1 (абс. / %)

Категория	Сформи- рованы	Непоследо- вательны	Отсут- ствуют	Затруд- няюсь	Всего (абс.)	Всего (%)
Судьи	8 (13,8)	31 (53,4)	14 (24,1)	5 (8,6)	58	100
Следователи	14 (19,4)	34 (47,2)	16 (22,2)	8 (11,1)	72	100
Прокуроры	7 (13,5)	27 (51,9)	13 (25,0)	5 (9,6)	52	100
Адвокаты	3 (4,4)	24 (35,3)	36 (52,9)	5 (7,4)	68	100
ИТОГО	32 (12,8)	116 (46,4)	79 (31,6)	23 (9,2)	250	100

Результаты свидетельствуют о том, что абсолютное большинство опрошенных (78,0%) констатируют отсутствие либо непоследовательность применения критериев разграничения нарушений, влекущих недопустимость доказательств, от процессуальных дефектов, не препятствующих их использованию. Показательно, что адвокаты значительно чаще иных категорий респондентов (52,9%) указывают на полное отсутствие таких критериев, тогда как следователи несколько чаще (19,4%) полагают, что критерии сформированы. Различие в ответах во многом связано с профессиональной позицией респондентов. Для стороны защиты проблема критериев допустимости проявляется прежде всего в необходимости обосновывать ходатайство об исключении доказательства и показывать, каким образом допущенное нарушение повлияло на права участника процесса или на проверяемость полученных сведений.

Вопрос 2. Какую функцию института исключения недопустимых доказательств Вы считаете приоритетной в российском уголовном процессе?

Таблица 4. Результаты ответов на вопрос 2 (абс. / %)

Категория	Достовер-ность	Защит а прав	Обе равно-значн ы	Дисципли - нирующее	Ино е	Всего (абс.)	Всего (%)
Судьи	12 (20,7)	18 (31,0)	22 (37,9)	4 (6,9)	2 (3,4)	58	100
Следовател и	21 (29,2)	14 (19,4)	24 (33,3)	10 (13,9)	3 (4,2)	72	100
Прокуроры	14 (26,9)	13 (25,0)	17 (32,7)	6 (11,5)	2 (3,8)	52	100
Адвокаты	6 (8,8)	34 (50,0)	21 (30,9)	5 (7,4)	2 (2,9)	68	100
ИТОГО	53 (21,2)	79 (31,6)	84 (33,6)	25 (10,0)	9 (3,6)	250	100

Результаты анкетирования показывают, что практические работники по-разному понимают назначение института исключения недопустимых доказательств. Значительная часть респондентов рассматривает его не как средство достижения одной цели, а как механизм, одновременно связанный с защитой прав участников процесса и обеспечением достоверности доказательственной информации. При этом профессиональный статус опрошенных влияет на акценты в оценке: адвокаты чаще связывают данный институт с защитой прав личности, тогда как следователи чаще обращают внимание на его значение для проверки и подтверждения доказательств. Дисциплинирующее воздействие отмечается реже всего (10,0%), причём именно следователи указывают на него чаще других (13,9%), что может отражать их непосредственный опыт последствий процессуальных нарушений.

Вопрос 3. Считаете ли Вы методологически обоснованной классификацию нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, по четырём группам?

Таблица 5. Результаты ответов на вопрос 3 (абс. / %)

Категория	Да, исчерпы-вающе	Да, но нужно доп.	Нет, иная система	Затруд-няюсь	Всего (абс.)	Всего (%)
Судьи	24 (41,4)	26 (44,8)	4 (6,9)	4 (6,9)	58	100
Следователи	28 (38,9)	32 (44,4)	6 (8,3)	6 (8,3)	72	100
Прокуроры	22 (42,3)	21 (40,4)	5 (9,6)	4 (7,7)	52	100

Адвокаты	26 (38,2)	31 (45,6)	7 (10,3)	4 (5,9)	68	100
ИТОГО	100 (40,0)	110 (44,0)	22 (8,8)	18 (7,2)	250	100

Предложенная в диссертации четырёхэлементная классификация нарушений получила поддержку подавляющего большинства опрошенных: 84,0% респондентов признали её методологически обоснованной (40,0% – полностью, 44,0% – с оговоркой о необходимости дополнения). Примечательно, что уровень поддержки практически одинаков среди всех категорий практиков, что свидетельствует об универсальности данного классификационного подхода для различных участников уголовного судопроизводства. Среди дополнительных критериев, предложенных респондентами, выбравшими вариант «требуется дополнение», наиболее часто упоминались: учёт стадии уголовного судопроизводства, на которой допущено нарушение (18 респондентов), и необходимость выделения нарушений, связанных с электронными (цифровыми) доказательствами (14 респондентов).

Вопрос 4. Применяете ли Вы в практической деятельности деление нарушений УПК РФ на «существенные» и «несущественные» при решении вопроса о допустимости доказательств?

Таблица 6. Результаты ответов на вопрос 4 (абс. / %)

Категория	Да, систематически	Да, с затруднениями	Нет, ст. 75 не предусм.	Иное	Всего (абс.)	Всего (%)
Судьи	22 (37,9)	24 (41,4)	9 (15,5)	3 (5,2)	58	100
Следователи	30 (41,7)	28 (38,9)	10 (13,9)	4 (5,6)	72	100
Прокуроры	20 (38,5)	19 (36,5)	10 (19,2)	3 (5,8)	52	100
Адвокаты	14 (20,6)	18 (26,5)	30 (44,1)	6 (8,8)	68	100
ИТОГО	86 (34,4)	89 (35,6)	59 (23,6)	16 (6,4)	250	100

Данные анкетирования по вопросу 4 вскрывают фундаментальное противоречие между буквой закона и правоприменительной практикой. Хотя статья 75 УПК РФ формально не предусматривает деления нарушений на «существенные» и «несущественные», 70,0% практиков де-факто используют этот подход, причём 35,6% из них признают, что испытывают затруднения в определении критериев существенности. Профессиональная дифференциация ответов весьма показательна: адвокаты значительно чаще (44,1%) занимают формально-легалистскую позицию, указывая на отсутствие законодательной

градации, тогда как следователи (41,7%) и судьи (37,9%) наиболее активно применяют прагматический подход с разграничением нарушений по степени существенности.

Вопрос 5. С какой частотой в Вашей практике встречаются нарушения, связанные с получением доказательств ненадлежащим субъектом?

Таблица 7. Результаты ответов на вопрос 5 (абс. / %)

Категория	Регулярно	Периодически	Редко	Не встречались	Всего (абс.)	Всего (%)
Судьи	4 (6,9)	16 (27,6)	32 (55,2)	6 (10,3)	58	100
Следователи	3 (4,2)	14 (19,4)	42 (58,3)	13 (18,1)	72	100
Прокуроры	5 (9,6)	15 (28,8)	26 (50,0)	6 (11,5)	52	100
Адвокаты	12 (17,6)	26 (38,2)	24 (35,3)	6 (8,8)	68	100
ИТОГО	24 (9,6)	71 (28,4)	124 (49,6)	31 (12,4)	250	100

Нарушения, связанные с ненадлежащим субъектом получения доказательств, по оценке респондентов, встречаются сравнительно реже иных категорий нарушений: 49,6% опрошенных охарактеризовали их как редкие. Однако адвокаты значительно чаще других категорий фиксируют такие нарушения (17,6% – регулярно, 38,2% – периодически), что объясняется их профессиональной функцией по выявлению процессуальных дефектов в интересах доверителя. Следователи, напротив, реже признают наличие подобных нарушений (18,1% указали, что не встречались), что может свидетельствовать о профессиональной «слепоте» к нарушениям собственной процессуальной деятельности.

Вопрос 6. Какие нарушения, связанные с субъектом получения доказательств, Вы считаете наиболее распространёнными в современной практике? (допускалось несколько вариантов ответа)

Таблица 8. Результаты ответов на вопрос 6 (абс. / % от числа респондентов в категории)

Вид нарушения	Судьи	Следователи	Прокуроры	Адвокаты	ИТОГО (от 250)
---------------	-------	-------------	-----------	----------	----------------

Производство следственных действий при отсутствии возбуждённого уголовного дела	28 (48,3)	22 (30,6)	26 (50,0)	44 (64,7)	120 (48,0)
Производство следственных действий вне пределов территориальной подследственности	14 (24,1)	18 (25,0)	16 (30,8)	22 (32,4)	70 (28,0)
Получение доказательств лицом, подлежащим отводу	10 (17,2)	8 (11,1)	12 (23,1)	24 (35,3)	54 (21,6)
Производство следственных действий при неопределённом процессуальном статусе участников	20 (34,5)	16 (22,2)	18 (34,6)	38 (55,9)	92 (36,8)
Участие ненадлежащих субъектов (заинтересованных понятых и др.)	18 (31,0)	12 (16,7)	14 (26,9)	32 (47,1)	76 (30,4)

Наиболее распространённым нарушением, связанным с субъектом получения доказательств, респонденты признали производство следственных действий при отсутствии возбуждённого уголовного дела (48,0%). Второе место занимает неопределённость процессуального статуса участников (36,8%). Адвокаты по всем позициям демонстрируют более высокие показатели выявляемости нарушений, что подтверждает их контрольную функцию в уголовном судопроизводстве.

Вопрос 7. Встречались ли в Вашей практике случаи признания доказательств недопустимыми по основанию несоответствия их процессуальной формы требованиям статьи 74 УПК РФ?

Таблица 9. Результаты ответов на вопрос 7 (абс. / %)

Категория	Да, регулярно	Да, но редко	Нет	Затрудняюсь	Всего (абс.)	Всего (%)
Судьи	8 (13,8)	32 (55,2)	14 (24,1)	4 (6,9)	58	100
Следователи	6 (8,3)	30 (41,7)	28 (38,9)	8 (11,1)	72	100

Прокуроры	7 (13,5)	28 (53,8)	12 (23,1)	5 (9,6)	52	100
Адвокаты	14 (20,6)	36 (52,9)	12 (17,6)	6 (8,8)	68	100
ИТОГО	35 (14,0)	126 (50,4)	66 (26,4)	23 (9,2)	250	100

Более половины опрошенных (50,4%) указали, что случаи признания доказательств недопустимыми по основанию несоответствия процессуальной формы встречаются в их практике, хотя и редко. С учётом тех, кто сталкивается с такими случаями регулярно, общая доля респондентов, имеющих подобный опыт, составляет 64,4%. Следователи чаще других (38,9%) указывают на отсутствие подобных случаев, что может объясняться тем, что решение о признании доказательств недопустимыми по данному основанию принимается, как правило, на судебных стадиях.

Вопрос 8. Какие нарушения требований к виду (форме) доказательств представляют наибольшую сложность для правоприменения? (допускалось несколько вариантов ответа)

Таблица 10. Результаты ответов на вопрос 8 (абс. / % от числа респондентов в категории)

Вид нарушения	Судьи	Следователи	Прокуроры	Адвокаты	ИТОГО (от 250)
Использование непроцессуальных материалов (рапорты, объяснения и т.п.)	34 (58,6)	28 (38,9)	30 (57,7)	52 (76,5)	144 (57,6)
Недопустимость производных доказательств ("плоды отравленного дерева")	22 (37,9)	20 (27,8)	18 (34,6)	38 (55,9)	98 (39,2)
Процессуальная квалификация электронных документов и цифровых следов	30 (51,7)	36 (50,0)	24 (46,2)	34 (50,0)	124 (49,6)
Разграничение иных документов и вещественных доказательств	16 (27,6)	22 (30,6)	14 (26,9)	18 (26,5)	70 (28,0)

Наибольшую сложность для правоприменения представляет использование в доказывании непроцессуальных материалов (57,6%), причём адвокаты указывают на эту проблему особенно часто (76,5%). На втором месте – проблематика электронных доказательств (49,6%), по которой оценки всех категорий респондентов практически совпадают (около 50%), что свидетельствует об объективном характере данного правового затруднения вне зависимости от профессиональной позиции. Проблема производных доказательств (доктрина «плодов отравленного дерева») занимает третье место (39,2%), при этом адвокаты акцентируют её значимость чаще (55,9%) в силу стремления оспорить как первоначальное, так и все производные от него доказательства.

Вопрос 9. Какие нарушения требований к способам получения доказательств встречаются в Вашей практике наиболее часто? (допускалось несколько вариантов ответа)

Таблица 11. Результаты ответов на вопрос 9 (абс. / % от числа респондентов в категории)

Вид нарушения	Судьи	Следователи	Прокуроры	Адвокаты	ИТОГО (от 250)
Недозволенные способы (насилие, угрозы, обман)	8 (13,8)	4 (5,6)	10 (19,2)	36 (52,9)	58 (23,2)
Способ, не предусмотренный УПК РФ	20 (34,5)	16 (22,2)	18 (34,6)	30 (44,1)	84 (33,6)
Нарушение требований ст. 89 УПК РФ при использовании результатов ОРД	26 (44,8)	22 (30,6)	28 (53,8)	48 (70,6)	124 (49,6)
Провокация преступления при проведении ОРМ	18 (31,0)	10 (13,9)	16 (30,8)	42 (61,8)	86 (34,4)
Несоответствие следственного действия целям получения информации	22 (37,9)	14 (19,4)	20 (38,5)	34 (50,0)	90 (36,0)

Среди нарушений требований к способам получения доказательств лидирует использование результатов оперативно-розыскной деятельности с нарушением требований статьи 89 УПК РФ (49,6%). Адвокаты указывают на это

нарушение особенно часто (70,6%), что коррелирует с их практикой оспаривания доказательств, полученных на основании материалов ОРД. Провокация преступления при проведении ОРМ (34,4%) и несоответствие следственного действия целям получения информации (36,0%) также получили существенные оценки. Характерен разрыв в восприятии применения недозволённых методов: 52,9% адвокатов сталкиваются с данным нарушением, тогда как лишь 5,6% следователей признают его существование в своей практике.

Вопрос 10. Насколько чёткими, по Вашему мнению, являются критерии разграничения допустимых и недопустимых способов получения доказательств в действующем уголовно-процессуальном законодательстве?

Таблица 12. Результаты ответов на вопрос 10 (абс. / %)

Категория	Достаточно чётко	Нуждаются в конкретизации	Отсутствуют	Затрудняюсь	Всего (абс.)	Всего (%)
Судьи	10 (17,2)	34 (58,6)	10 (17,2)	4 (6,9)	58	100
Следователи	18 (25,0)	36 (50,0)	10 (13,9)	8 (11,1)	72	100
Прокуроры	8 (15,4)	30 (57,7)	10 (19,2)	4 (7,7)	52	100
Адвокаты	4 (5,9)	30 (44,1)	28 (41,2)	6 (8,8)	68	100
ИТОГО	40 (16,0)	130 (52,0)	58 (23,2)	22 (8,8)	250	100

Более трёх четвертей опрошенных (75,2%) считают, что критерии разграничения допустимых и недопустимых способов получения доказательств нуждаются в законодательной конкретизации либо отсутствуют вовсе. Данный результат подтверждает обоснованность сформулированных в диссертации законодательных предложений. Адвокаты наиболее критичны в оценках: 41,2% из них указывают на полное отсутствие критериев, что существенно превышает показатели других категорий. Следователи несколько чаще (25,0%) полагают, что действующие критерии достаточно чётки, однако и среди них половина (50,0%) признаёт необходимость конкретизации.

Вопрос 11. Какие процедурные нарушения порядка производства следственных действий встречаются в Вашей практике наиболее часто? (допускалось несколько вариантов ответа)

Таблица 13. Результаты ответов на вопрос 11 (абс. / % от числа респондентов в категории)

Вид нарушения	Судьи	Следователи	Прокуроры	Адвокаты	ИТОГО (от 250)
Отсутствие или ненадлежащее оформление судебного решения	24 (41,4)	18 (25,0)	26 (50,0)	40 (58,8)	108 (43,2)
Несоблюдение требований к участию защитника	20 (34,5)	12 (16,7)	18 (34,6)	46 (67,6)	96 (38,4)
Нарушения требований к участию понятых (технических средств фиксации)	28 (48,3)	24 (33,3)	22 (42,3)	38 (55,9)	112 (44,8)
Несоблюдение порядка разъяснения прав участникам	22 (37,9)	14 (19,4)	20 (38,5)	40 (58,8)	96 (38,4)
Дефекты протоколирования (неполнота, противоречивость)	38 (65,5)	26 (36,1)	32 (61,5)	50 (73,5)	146 (58,4)
Нарушение требований о предварительном уведомлении прокурора	6 (10,3)	10 (13,9)	14 (26,9)	8 (11,8)	38 (15,2)
Производство следственных действий в ночное время без законных оснований	10 (17,2)	8 (11,1)	12 (23,1)	22 (32,4)	52 (20,8)

Дефекты протоколирования следственных действий уверенно лидируют среди процедурных нарушений (58,4%), что подтверждает тезис диссертации о ключевом значении надлежащей фиксации доказательственной информации. Судьи и прокуроры оценивают распространённость данного нарушения значительно выше (65,5% и 61,5% соответственно), чем следователи (36,1%), что вновь демонстрирует расхождение в восприятии процессуальных дефектов между лицами, осуществляющими контроль за расследованием, и лицами, непосредственно его производящими. Нарушения требований к участию

понятых (44,8%) и отсутствие судебного решения (43,2%) занимают второе и третье места. Несоблюдение требований к участию защитника фиксируется адвокатами в 67,6% случаев – наивысший показатель среди всех позиций и категорий, что закономерно, поскольку именно адвокаты являются непосредственными субъектами, чьи процессуальные права нарушаются.

III. Обобщённые выводы по результатам анкетирования

Проведённое анкетирование практических работников позволяет сформулировать следующие обобщённые выводы.

Во-первых, абсолютное большинство респондентов (78,0%) констатируют дефицит единообразных критериев разграничения нарушений, безусловно влекущих недопустимость доказательств, и процессуальных дефектов, допускающих сохранение доказательственного значения. Данный эмпирический результат подтверждает теоретический тезис диссертации о наличии структурного противоречия в статье 75 УПК РФ, порождающего правовую неопределённость в правоприменительной деятельности.

Во-вторых, предложенная в диссертации четырёхэлементная классификация нарушений уголовно-процессуального закона (по субъектам, видам, способам и порядку получения доказательств) получила поддержку 84,0% опрошенных, причём данный показатель устойчив во всех категориях респондентов. Это свидетельствует о практической востребованности и универсальности разработанного классификационного подхода.

В-третьих, выявлено фактическое применение 70,0% практиков неформализованного деления нарушений на «существенные» и «несущественные», притом, что 35,6% из них испытывают затруднения в определении критериев существенности. Этот результат обосновывает необходимость законодательного закрепления концепции «восполнимых» и «невосполнимых» процессуальных дефектов, разработанной в диссертации и реализованной в проекте дополнения статьи 75 УПК РФ новой частью 3.

В-четвертых, результаты анкетирования показывают различие оценок в зависимости от процессуального положения респондентов. Адвокаты чаще указывают на нарушения, связанные со всеми четырьмя элементами предложенной классификации, тогда как следователи склонны реже признавать наличие таких нарушений в практической деятельности. Это различие не следует объяснять только субъективной заинтересованностью участников опроса. Оно отражает разные профессиональные позиции в уголовном процессе: для защиты нарушение чаще воспринимается через риск ограничения прав участника, а для следствия – через возможность последующего процессуального подтверждения полученных сведений.

В-пятых, наиболее распространенными, по совокупной оценке респондентов, названы дефекты протоколирования следственных действий, использование в доказывании непроцессуальных материалов, нарушения при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности и проблемы квалификации электронных доказательств. Эти данные подтверждают, что именно вопросы процессуального оформления, источника сведений, способа их введения в дело и цифровой формы доказательственной информации имеют наибольшее практическое значение.

В-шестых, большинство респондентов поддержали необходимость законодательного уточнения критериев разграничения допустимых и недопустимых способов получения доказательств.